

СЕМЬЯ
КОНАН
И КАРУСЕЛЬ ВОРОВ

Семья-Зонг

Annotation

После приключений в Антилии Конан отправляется на «закат» и уже видит берега другого континента, когда магический ветер подхватывает корабль и мчит его вперед. Закатный континент остается позади, и судно останавливается только у берега неведомого острова, где и начинается круговорот приключений, предопределенных некими высшими силами, которым подчиняются не только смертные, но и боги...

Продолжение «Теней Ужаса».

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1995, том 10 «Конан и карусель богов»

Поль Уинлоу. Конан и карусель богов (роман), стр. 221-478 (Пер. с англ. Н. Перумова)

- [Поль Уинлоу](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Поль Уинлоу

Конан и карусель богов

Много врагов - людей и демонов - встречал Конан-киммериец, и ни разу он не был побежден. Но никогда ранее Конан не встречался в битве с богами. Но судьба уготовит ему и это испытание.

Пролог

Галера шла на закат. Громадный двухмачтовый боевой корабль, построенный по чертежам забытого народа погибшей Атлантиды, презрительно резал серые океанские волны вынесенным далеко вперед форштевнем. Дул свежий ветер с востока и команда отдыхала, предоставив свой труд широким парусам судна. Огромные весла были подняты.

На носу могучей бирюзы стоял немолодой уже человек, высокий, седовласый и седобородый. Все еще мощное тело - широкое в плечах, узкое в талии - было покрыто бесчисленными шрамами. Они отчетливо выделялись на коричневой, выдубленной ветрами и солнцем коже, как белые молнии на темном, грозовом небе. Торс воина был обнажен; на левом боку в простых кожаных ножнах висел широкий меч. Лицо и лоб были иссечены глубокими морщинами. Воин своим видом напоминал беспощадного старого волка северных степей, поседевшего от времени, но еще не утратившего ни силы, ни хитрости. И лишь глаза человека оставались такими же, как и в дни его давно ушедшей юности - прежнего, чистейшего ярко-синего цвета, столь редкого среди обитателей Юга.

Это был Конан, достигший шестидесятилетнего возраста, покоривший все вершины власти; Конан, которого поданные уже давно звали между собой не иначе, как Великим; Конан, бывший король Аквилонии, мечом добывший для себя корону и отстоявший ее в нескольких страшных войнах против объединившихся Черных Магов Старого Света: Конан-варвар из дикой туманной Киммерии, бывший в своей долгой жизни и рабом и гладиатором; простым наемником и командиром больших дружин; вором и пиратом; искателем приключений и вождем диких племен.

Двадцать долгих лет он правил Аквилонией, превратив ее из ослабленной бесконечными внутренними распрями разоренной страны в могучую и процветающую державу, перед мощью которой склонились почти все правители ближних и дальних земель. Двадцать долгих лет киммериец носил на своих плечах королевский пурпур, а лоб его охватывал золотой ободок короны.

Конан устал. Он понимал, что душа его вряд ли сможет успокоиться и занять достойное место подле сурового Крома, бога-покровителя Киммерии, если он, Конан, умрет в своей постели немощным старцем, в окружении рыдающих женщин и перепуганных слуг, окуруиваемый благовониями под нескончаемое бормотание жрецов... И, когда на страну свалилось неожиданное бедствие Красные Тени, ужасные демоны, служившие Злу, стали похищать людей прямо из Тарантии, король не стал перекладывать борьбу с ними на чужие плечи. В ночном видении Конану явился мудрец и пророк Эпемитреус, открывший королю, где следует искать его врагов - на дальнем Западе, на затерянных островах Закатного Океана, где все еще вились по ветру флаги с начертанными на них эмблемами Черного Кракена - старым гербом владык-чародеев сгинувшей Атлантиды.

Мудрец предрек Конану, что ему уже не суждено будет вновь ступить на землю своего королевства. Корону и скипетр следовало передать сыну Конана, наследному принцу Конну.

Нельзя сказать, что киммериец особенно скорбел по утраченному пурпуру власти. Он вернулся к своей прежней жизни и вышел в море на пиратском корабле с экипажем из отчаянных рубак; вместе с ним шел его давний товарищ, рыжебородый ванир Сигурд.

Конан знал, откуда исходит угроза. Красные Тени насыпались жрецами колдунами

Антилии. Это цепь небольших островов в западной части Великого Океана.

Именно там еще обитали остатки выживших во время гибели Атлантиды восемь тысяч лет тому назад. Жрецы эти питались человеческими жертвоприношениями одного из могущественных Богов Мрака; они истребляли людей в таких количествах, что население островов быстро сокращалось.

"Красный Лев", корабль Конана, был пленен оснащенной магическим оружием галерой под знаменем Черного Кракена. Удалось бежать одному киммерийцу; он сумел пробраться в островной город Птауакан. Сразившись с громадными крысами и с драконами, он прорвался на вершину священной пирамиды как раз в тот момент, когда его товарищей должны были принести в жертву. Трагедию предотвратило лишь мужество северянина.

И тогда сами боги вмешались в спор. Холти был низвергнут сизошедшим Митрой; империя колдунов пала. После победы Конан, помня о словах Эпимитреуса, выбрал в гавани города лучший корабль, пополнил экипаж добровольцами из Птауакана и отплыл, держа курс по-прежнему на запад.

Там, на закате, по словам обитателей Антилии, лежал громадный неизведанный континент - Майапан, как они называли его. Жители Антилии частенько совершили набеги на те берега - охотясь за золотом, изумрудами, девственной медью и краснокожими рабами. И неугомонный искатель приключений, Конан из Киммерии, плыл сейчас туда. Он думал о непроходимых таинственных джунглях; о голубых лентах вытекающих среди холмов рек; о загадочных городах, где люди поклоняются странным и жестоким божествам... Быть может - думал он - мне суждено создать там вторую империю; быть может - люди там станут поклоняться мне, как богу; во всяком случае, это лучше, чем покорно ожидать конца в золоченой мышеловке Тарантии! Зенобия, королева Конана, давно умерла; сын вырос и более не нуждался в опеке, киммерийцу нечего было делать на востоке.

Его корабль, носивший гордое имя "Крылатый Дракон", дерзко плыл все дальше и дальше к закату.

Глава 1. НЕВЕДОМАЯ ЗЕМЛЯ

- Эй, Сигурд, старый морж, ты что, уснул, что ли? Проклятье, кругом одна вода, можно сдохнуть от скуки, а ты улегся - с кем я перекинусь в кости?

- Клянусь грудями Дэркето... - недовольно заворчал рыжебородый великан, нехотя открывая глаза. - Конан, отчего бы тебе не последовать моему примеру? Прошлую ночь ты вовсю дул это мерзкое антильское пиво и заставил меня заливаться этим пойлом - а теперь не даешь вздремнуть!

- Ладно, старина, не старайся казаться старше, чем ты есть! расхохотался Конан, звонко хлопая друга по плечу. - Не пытайся обмануть меня стариковским ворчанием. Вставай и пошли сыграем! Хоть я и капитан, но клянусь Кромом, у меня ни разу не было столь спокойного плавания! Нельзя же все время утюжить этих антильских мальчиков, что увязались с нами - они и так уже вывесили языки на плечо. Пора им маленько отдохнуть.

- Что-то уж больно ты беззаботен, Конан, - покачал головой Сигурд. Клянусь поясом Иштар, ты словно мальчишка!

- Не вижу в этом ничего плохого! - рассмеялся киммериец. - Во имя Крома, Сигурд, брось брюзжать! Я вижу, тебе не помешала бы хорошая драка!

- Э-э, Конан, не обманывай себя. Мы далеко не дети. Наши души едва не исчезли в утробе Хотли - или как его там! Как ни крути, мы с тобой уже изрядно потрепаны. Не знаю, сколько мы еще сможем махать мечами. Я чувствую, - мало-помалу из голоса Сигурда исчезало веселье, тревога и печаль слышались в нем все явственнее, - я чувствую, Конан, что это наш последний поход.

- Для каждого из нас когда-нибудь да придет пора выступить в последний поход, - нахмурясь, бросил Конан. - Что толку без конца стенать по этому поводу! Ладно, хватит, Сигурд. Если не хочешь перекинуться в кости - возьми деревянный меч и давай посмотрим, крепко ли ты можешь держать его! Бьюсь о заклад, он вылетит у тебя из рук с третьего моего удара!

- Что?! - вскипал Сигурд. - Вылетит?! У меня из рук?! С третьего удара?!

Ванир вскочил на ноги, его рыжая борода с нитями седины гневно встопорщилась, огромные кулачищи сжались.

- Так-то оно лучше, - хладнокровно заметил Конан. - Кровь в тебе, похоже, еще не остыла. А ну-ка, держи!

Деревянный меч, один из тех, с которыми упражнялись антильские новобранцы, полетел прямо в голову Сигурду; киммериец швырнул тяжелую деревяшку со всей силы, однако ванир поймал ее легко, точно играючи.

- Ну, давай посмотрим! - радостно осклабясь, проворчал великан.

Киммериец едва заметно усмехнулся. В следующий миг его длинный меч уже скрестился с оружием Сигурда, и Конану странно было слышать вместо привычного лязга стали треск сгибающегося дерева.

Бывший владыка Аквилонии обрушил на соперника настоящий шквал ударов. Столпившаяся вокруг сражающихся команда одобрительно ревела при каждом удачном

движении их капитана - хорошо зная киммерийца, пираты не без оснований полагали, что он легко возьмет верх над любым соперником, даже над столь сильным и бывалым бойцом, как Сигурд.

- Ага, ты уже проиграл! - чуть заметно задыхаясь, торжествующе воскликнул ванир. - Похвается выбить у меня эту палку с третьего удара, а не сумел и с десятого!

- Не пыхти, старик! - рассмеялся Конан, чем еще больше взъярил Сигурда.

Мечи сталкивались и скрещивались, треща под тяжестью ударов. Конан проводил выпад за выпадом, однако рыжебородый мореход защищался мастерски. Ни одна из бесчисленных атак киммерийца не достигла цели. Пираты начали недоуменно переглядываться.

Лицо Сигурда раскраснелось, длинные седые космы разевались, глаза горели яростным бойцовским огнем. Казалось, он сражается насмерть против целого полчища безжалостных врагов. Конан же оставался невозмутим; лишь изредка в глубине его глаз вспыхивала насмешливая искорка.

Вскоре Сигурд перешел от обороны к наступлению. Держа меч двумя руками, ложным выпадом он заставил Конана опустить оружие, после чего внезапно рубанул по открывшемуся на миг левому плечу киммерийца. На сей раз деревянный клинок достиг цели.

Пираты разинули рты от изумления. Конан же, напротив, совершенно не казался обескураженным. Вместо того, чтобы разразиться гневным потоком проклятий и с удвоенной яростью броситься на обидчика, киммериец весело рассмеялся, и, отбросив свой собственный меч, дружески облапил ванира.

- Да ты, оказывается, куда крепче, чем я думал, старый морж!.. Клянусь Кромом, знай я, что ты так силен, я говорил бы с тобой поосторожнее, когда мы впервые встретились на Безымянном Острове!

От внимательных глаз не скрылось, что несмотря на пропущенный удар, киммериец совершенно свеж и дыхание его ничуть не сбилось. Сигурд же, напротив, тяжело и часто дышал, лицо побагровело.

- Э... хм... хых... ну, Конан, теперь-то ты не станешь называть меня стариком?

- Скорее я вступлю в перебранку с самим Сэтом, - торжественно пообещал Конан, и ванир довольно ухмыльнулся.

- А теперь можно и сыграть! - во всеуслышание объявил он.

- Вот и славно. Неси сюда кости, Кром! По-моему, я впервые проиграл в подобного рода состязании, так что в этой игре ты должен дать мне фору, Сигурд!

Ванир ухмылялся во весь рот. Больше он уже не вспоминал о старости.

Минула спокойная ночь. Над восточным краем моря разгорелся ясный и чистый рассвет. Когда дневной свет разлился по всему небу и растаяли легкие тучи, впередсмотрящий заметил на далеком горизонте смутные очертания приближающейся земли. Ветер стих. Команда взялась за весла.

Конан и Сигурд стояли на самом носу бирены. Подгоняемый мощными ударами весел, "Крылатый Дракон" ходко шел вперед, вспарывая волны форштевнем с бронзовым боевым тараном. С каждым часом полоса неведомой земли приближалась.

- Ясунда! - окликнул Конан темнокожего великана-навигатора, родом из джунглей Куша. - Постарайся найти какую-нибудь бухту. Яков! - этот приказ относился уже к коренастому запорожскому казаку, командиру лучников. Готовь своих людей. Они прикроют высадку разведчиков.

Яков молча приложил сжатый кулак правой руки к левому плечу в знак повиновения и тотчас отправился распоряжаться; Ясунда же в отличие от него не спешил.

- Мне не нравится этот запах, капитан! - шепотом сообщил он Конану, шумно втягивая воздух широкими ноздрями. - Будь я насажен амазонками на кол, если нас не догоняет буря!

- Какая буря, о чём ты? - нахмурился Конан. - Я ведь тоже не юнга! Никаких примет!

- Верно, верно, Амра, никаких примет, Ясунда скажет капитану то же самое. Верно, капитан, любой навигатор поднял бы Ясунду на смех - но все-таки я скажу - буря приближается.

Киммериец с сомнением покосился на безоблачный горизонт. Бури и в самом деле ничто не предвещало. По океану шла мерная зыбь, ветер был, хотя и слабый; в воздухе не ощущалось мертвящей духоты, как перед сильной грозой. Спокойно реяли чайки, такие же, как и у берегов восточного континента.

- Ты уверен, Ясунда? - понижая голос, вновь спросил киммериец. Кушит был опытным и бывалым навигатором, хаживавшим морским путем и в Вендию, и в Кхитай. Отвергать его опасения было неразумно.

- Уверен, Амра, - ответил мореход, глаза его тревожно блестели. - Я чувствую запах бури - и в то же время не вижу ни одной из тех примет, что всегда ей предшествуют. Это не простая буря, капитан. Наверное, черный Хотли все же успел послать ее нам вслед; мы не успеем высадиться. Надо уходить в открытое море.

На высоком коричневом лбу Ясунды от волнения выступил пот. Конан тяжело вздохнул. Берег был так близок! Еще несколько гребков - и можно спускать шлюпки... Однако - рисковать без нужды тоже не следовало.

- Разворот! - скомандовал Конан. - Кормчие, шевелись!

Приказ капитана был выполнен быстро и четко. Весла правого борта дружно уперлись в воду, табаня; гребцы же слева налегли еще дружнее.

Вспенив вокруг себя воду, "Крылатый Дракон" быстро поворачивал. В этом преимущество гребного судна перед парусником - оно способно развернуться почти что на одном месте. В бою иногда это может спасти жизнь...

Однако нос биремы еще смотрел на север, а ее длинный корпус оказался параллелен берегу, как не сильный дотоле ветер внезапно взвыл - словно живое существо, которое немилосердно хлестнули кнутом - и всей своей бешеною силой ударил в правый борт корабля.

Конан увидел, что лицо его навигатора посерело; и было отчего! С разных сторон, презрев все законы здравого смысла, по небу мчались иссиня-черные тучи, сливаясь в бешеный узел прямо над мачтами закачавшейся галеры. Вмиг вздыбившиеся волны уже захлестывали палубу; поток воды окатил киммерийца с головы до ног.

- Поворачивай, поворачивай, живее, ленивые души, иначе будем кормить рыб! - заревел Конан, хватаясь за штурмовые леера. - Нос по волне! Свободные гребцы - к помпам! Шевелись, кто хочет жить!

Однако команда и без этого уже знала, что ей делать. Гребцы левого борта что было сил навалились на весла, чуть не выворачивая плечевые суставы. Помогая им, гребцы борта правого работали веслами в противоположном направлении. Сотрясаясь, галера медленно выворачивала носом к идущей с востока крутой волне.

Казалось, день в один миг сменился черной, безлунной и непроглядной ночью. Солнце совершенно исчезло, поглощенное хищной стаей косматых туч; в вое ветра Конану

слышалось злорадное глумление тысяч неясных голосов словно все его враги, сокрушенные им, павшие от руки киммерийца, собрались сейчас здесь, наконец-то беря реванш за былые поражения.

Рулевым удалось наконец-то поставить галеру носом к волне. Однако на сей раз даже водяные валы нимало не походили на обычные, с которыми приходилось бороться Конану в бытность его капитаном зингарского капера или во времена странствий по южным морям вместе с Белит. На галеру двигались отвесные стены воды, нос "Крылатого Дракона" всякий раз зарывался в наступавшую волну и потоки воды врывались на палубу, стремительно стекая вниз, в трюмы. Помпы уже не справлялись. Еще совсем немного времени - и галера пойдет ко дну, просто переполнившись водой... "Чародейство!" мелькнуло в голове Конана. Однако сделать он все равно уже ничего не мог оставалось лишь откачивать воду из трюмов да надеяться на чудо. Внезапно направление волн резко изменилось. Словно повинуясь неслышимой команде, как хорошо вымуштрованные воины, волны обрушились на левую скулу галеры. Один удар, другой, третий... затрещали доски обшивки. Несмотря на отчаянные усилия гребцов и кормчих, "Крылатого Дракона" быстро разворачивало бортом к волне, что означало бы мгновенную гибель судна.

Конан в ярости оглянулся. Он был мокр с головы до пят, седые волосы слиплись, однако в глазах пылал такой огонь, что испугались бы даже и демоны. Оказавшийся подле него Сигурд с невольным трепетом смотрел на своего капитана. Ванир не боялся ни волн, ни пучины. Однако нечто во взоре киммерийца заставило его почти оледенеть от ужаса. Северянин чуть пригнул голову и глядел исподлобья на что-то прямо по носу корабля, вперяя горящий взор в мглистое сплетение туманных облаков над бушующими волнами...

Однако там, где ванир не видел ничего, кроме мечущихся туч, брызг и пены, сорванных ветром с гребней волн, Конан ясно видел чудовищное, искаленное гневом лицо, наполовину погруженное в океан, так что киммериец мог разглядеть лишь высокий лоб, крючковатый нос и глубоко посаженные уголья глаз под белесыми изломанными бровями.

- Поверни кормой к волне! - пронесся над океаном ужасающий, исполненный нечеловеческой силы голос. - Поверни, иначе ты и все твои люди отправитесь на потеху демонам Глубин!

Еще миг - и страшный лик исчез. Теперь и Конан тоже видел лишь беспрестанное мелькание пенных струй, да сгустившуюся в провалах между волнами туманную занавесу.

Он повиновался тотчас. Он знал, что видел это на самом деле, что находится в здравом уме и трезвой памяти. Отчего-то океанское божество сочло нужным обратиться именно к нему. Ясное дело, остальные ни чего не видели и не слышали. Киммериец отлично понимал, что приказ этот совершенно бессмыслен - до суши оставалось совсем немного. Но, с другой стороны, их легко могли утопить в любой момент - зачем давать шанс на спасение хоть кому-то, заставив корабль врезаться в берег?!

- Поворачиваем! Корму к волне! - взмахнул рукой Конан.

Ясунда уже открыл было рот, чтобы возразить, но в тот же миг сохранившие до сих пор железную хватку пальцы Конана впились ему в предплечье.

- Молчи! Я знаю, что делаю!

"Крылатый Дракон" едва не отправился на дно, когда оказался повернут к волне боком. Целые водопады обрушились на гребцов, в трюмах вода поднялась уже до пояса - однако их все же не перевернуло, и вскоре, завершив опаснейший маневр, они вновь нацелили бронзовый таран бирюмы на запад.

И волны тотчас изменили свой бег. Теперь из непреодолимых водяных стен они обратились в длинные и отлогие громадные валы, на которые галера взбиралась, точно на горы. Крепкий ветер дул с неослабевающей силой и, хотя все паруса были надежно зарифлены, "Крылатый Дракон" мчался с невероятной скоростью. Вокруг по-прежнему не было видно ни зги.

Точно выпущенная из лука стрела, корабль летел вперед. Гребцы бросили весла - напор встречной воды попросту вырывал их из рук.

Уже все до единого на галере поняли, что здесь не обошлось без вмешательства сверхъестественных сил. Многие, побледнев, хватались за обереги и амулеты, поспешно бормоча молитвы и заклинания.

- Амра, нас гонит прямо на берег! - прокричал в самое ухо Конану Ясунда.

- Да, я прикажу всем прыгать, когда будем поблизости от суши - если только там не сплошные скалы! - крикнул в ответ киммериец.

Повинуясь приказам Конана и Сигурда, пираты и антилийцы приготовились покинуть судно. Наспех готовились бревна и доски - чтобы было за что ухватиться, когда будешь прыгать за борт; многие привязывали к этим бревнам оружие. Яков, старшина стрелков, старательно заматывал в просмоленную кожу свой драгоценный лук и два туго набитых колчана.

Берег открылся внезапно. Густая пелена хмари перед носом бирены нежданно рассеялась. В серой мгле команда "Крылатого Дракона" увидела впереди отлогий песчаный берег. За неширокой полосой пляжа стеной высился девственный лес, очень похожий издали на кушитские джунгли. Конан приказал всем собраться на палубе.

Волны в бешеной ярости бросались на низкий берег, подкатываясь почти к самому лесу. Бирена с разгона вылетела на мелководье... однако никто так и не услышал ожидаемого всеми скрежета днища о камни. Стена леса стремительно приближалась, все было готово к авральной высадке, однако что-то заставило Конана в последний момент предостерегающе вскинуть руку.

Корабль несла вперед магия, и притом несла явно не для того, чтобы разбить вдребезги - корпус уже почти весь поднялся над водой, бирена скользила по дну, - а потом вдруг оказалась уже на береговом песке, ни на йоту, однако, не замедлив своего неудержимого движения. В следующий миг корабль с громким треском вломился в сплошную стену прибрежных зарослей.

Конан невольно отшатнулся, когда увидел несущееся прямо на него громадное толстое дерево, нечто вроде баобаба Черных Королевств. Казалось, нос галеры сей час разлетится вдребезги, однако бронзовый таран с легкостью сокрушил лесного исполина, выдрав его вместе с корнями. Тяжелый ствол тупо ударил о левую скулу корабля, однако укрепленное чарами дерево выдержало.

Моряки вопили от удивления, показывая друг другу пальцами на поваленные, сломанные или вывороченные их судном деревья. "Крылатый Дракон" оставлял за собой в джунглях настоящую просеку. Словно чудовищный плуг, он мял, ломал и крушил все на своем пути, оставаясь при этом целехонек.

Мало-помалу команда приходила в себя.

- А что, Горам, - крикнул Яков молчаливому и черноволосому вендицу, правда, это ведь лучше, чем ворочать веслом?

Конан стоял на самом носу бирены, не обращая внимания на творящееся вокруг. Ясно

было, что боги вновь властно вмешались в его жизненный путь, и притом с силой, еще никогда им невиданной. Что они хотят от него на сей раз? Куда так безумно мчится оказавшаяся во власти непонятных сил бирюма? Что он должен сделать сейчас, чтобы спасти тех, кто доверился ему?

Шло время. Корабль продолжал мчаться по твердой земле, точно по морю, оставляя позади густые заболоченные заросли, перемежающиеся небольшими речками и прудами; взбирался на невысокие холмистые гряды, порой врезался форштевнем в отлогие каменистые россыпи на склонах, и по-прежнему ничто не предвещало окончания путешествия. Конан приказал готовить обед, - что еще оставалось делать?

Быстрее самой быстрой колесницы, быстрее стремительно падающего на добычу коршуна, не зная усталости, не нуждаясь во сне, "Крылатый Дракон" мчался все дальше и дальше в глубь неведомой страны. Команде же оставалось лишь глазеть по сторонам.

Иногда бирюма проносилась мимо небольших, укрытых в джунглях городков, их смуглые обитатели в ужасе разбегались кто куда. А потом вновь на многие мили тянулись девственные джунгли. Порой Конану чудилось, что он замечает среди густой зелени очертания разрушенных временем или неведомыми завоевателями храмов и дворцов - но галера мчалась слишком быстро, чтобы он мог различить детали...

Наступила ночь. Команда спала, несмотря на всю невероятность их положения. Конан, разумеется, оставил вахтенных, однако сделал это скорее по привычке - бирюма не повиновалась рулю и управлять ею было невозможно.

"Нас тащат куда-то для особого дела, - думал киммериец, стоя у перил на баке. - Что ж, посмотрим, зачем мы им понадобились! И, сдается мне - эти силы не из тех, что известны в хайборийских королевствах. Что-то мне не приходилось слышать, чтобы воля Митры, Асурьи или Крома смогла заставить корабль идти посуху!"

Наутро ничто не изменилось. Оставляя за собой полосы взрыхленной, почерневшей земли, "Крылатый Дракон" продвигался все дальше и дальше в глубь таинственного континента. Однако, странствие длилось недолго. Солнце едва достигло зенита, как впередсмотрящий заметил прямо по курсу голубизну океанского пространства.

Преодолев прибрежные холмы, "Крылатый Дракон" врезался в волны, не снижая безумной скорости. Взметнулись фонтаны пены и брызг.

- Какой-то крошечный материк, - проворчал Сигурд, стоя рядом с киммерийцем на носу бирюмы.

- Он может быть и громадным, просто нас протащили через самое узкое его место, - возразил Конан.

- Интересно, эта прогулка продлится еще долго? - подняв голову к небу, задал риторический вопрос ванир. - Пока пресная вода у нас еще есть... но бочонки вскоре покажут дно. Я распорядился приготовить тенты - вдруг нам повезет и пойдет дождь?

- Если эти боги обладают такой силой, что не поленились тащить нас волоком в этакую даль, то, наверное, они уж позаботятся о том, чтобы мы не умерли от жажды!

Предположение Конана оправдалось - под вечер третьего дня пути хлынул настоящий ливень, быстро пополнивший истощившиеся запасы пресной воды...

Люди киммерийца совершенно свыклись с происходящим. Чтобы не давать им размякнуть от безделья, северянин не жалел сил и времени на постоянные занятия - пираты до изнеможения ворочали тяжелыми деревянными мечами и копьями, неугомонный Яков учил новичков из Птауакана правильно держать лук, а Горам Сингх показывал приемы

смертоносной борьбы без оружия, созданной отшельниками Вендии...

Океан вокруг был тих и спокоен. Его поверхности едва-едва колыхались под легким ветерком; галера же неслась вперед, и вокруг ее носа кипел огромный белый бурун.

Ванир Сигурд и думать забыл о старческой немощи. Казалось, победа над Конаном влила в его жилы новую кровь, молодую и горячую; он орудовал учебным оружием на равных с куда более юными спутниками, частенько вызывая новичков на поединок - один против десяти... Конан лишь едва заметно усмехался в седую бороду, следя за выходками старого товарища.

Десять дней после того, как неведомая сила подхватила их у восточных берегов Майапана, с "Крылатого Дракона" вновь заметили землю. И, едва сидевший в бочке на вершине мачты моряк воскликнул: "Суша по носу!", как магический ветер, столько дней толкавший бирюму вперед, тотчас же стих.

- Кажется, мы на месте, - бросил Сигурду Конан и, повернувшись к толпившимся на палубе людям, рявкнул во всю мощь своих легких: - Ну, что встали?! Или вы думали, что вас так будут катать всю дорогу? Ну-ка к веслам, лежебоки, не то мой линь прогуляется кое у кого по спинам!

Дважды повторять команду Конану не пришлось. Несспешно, с достоинством, "Крылатый Дракон" двинулся к неведомому берегу.

- Ты можешь определить, где мы, Ясунда? - спросил Конан у чернокожего штурмана.

- Нет, Амра, не могу, - и, стыдясь своего бессилия, гигант низко опустил голову. - Скажу лишь, что мы забрались так далеко на запад, что уже где-то рядом должен находиться край земли...

- Н-да... - проворчал киммериец и прекратил расспросы.

Оказалось, что неведомые силы пригнали корабль Конана к удобной и хорошо защищенной от волн и ветра бухте. Солнце стояло очень высоко, из чего можно было заключить, что они сейчас находятся примерно на широте южных границ Зембабве. К самой воде спускались густые джунгли. Большинство деревьев были незнакомы Конану, хотя более опытный в хождении по южным лесам Ясунда узнал многие из них.

В остальном же джунгли казались самым обычным, жарким и влажным тропическим лесом, с обилием всевозможных птиц, с непрестанным шуршанием, шевелением и стрекотом бесчисленных живых существ на земле, в густом подлеске и на высоких, широко раскинутых ветвях деревьев. Через сплошное переплетение лиан пробиваться можно было лишь с топором.

Берег выглядел безлюдным. Казалось, можно не опасаться нападения. Однако, Конан, несмотря ни на что, организовал высадку по всем правилам военного искусства. Лучники и пращники густо стояли на носовой палубе "Крылатого Дракона", прикрывая медленно приближавшиеся к берегу шлюпки. В самой первой из них, чуть пригибаясь, сидел киммериец, облаченный в полный боевой доспех. Рядом с ним привольно разлегся рыжебородый ванир - он считал все дело совершенно безопасным, а предосторожности Конана - ненужными.

- Птицы предупредили бы нас, если б в чаще кто-нибудь прятался, возражал он северянину.

Но Конан слишком хорошо знал, насколько коварны могут оказаться колдуны южных земель; что им стоит заставить всю команду галеры слышать успокоительный птичий стрекот вместо шороха вражьих шагов и скрипа натягиваемых луков?!

- Не разрывать строй! - шепотом распорядился Конан, когда их лодка почти вплотную подошла к берегу. - Прикрыться сразу же щитами! Стрелы наложить!

Он знал, что в этот момент на галере Яков отдал своим стрелкам точно такой же приказ.

Киммериец первым спрыгнул в теплую воду, погрузившись по пояс. Невольно он сжался и поднял повыше небольшой круглый щит - если бы он командовал засадой там, впереди, в джунглях - то удобнее момента для начала атаки трудно было представить.

- Ну, что я тебе... - начал было Сигурд и осекся - потому что в его треугольный щит ванира со свистом вонзилась длинная стрела с черно-красным оперением.

Над головами воинов мелькнули посланные в ответ стрелы лучников Якова. Навстречу небольшой кучке пиратов, сжавшейся у самой кромки прибоя, из-под прикрытия сплошной стены джунглей хлынула настоящая лавина странных невысоких созданий, очень похожих на людей, - стройных, коричневокожих, с длинными когтистыми руками. Черепа их были странно вытянуты, но не вверх, а под углом к позвоночнику, чужаки словно уронили головы на плечо. Волос они не имели, по бокам голов торчали длинные заостренные уши, словно у волков или лисиц; переносицы были глубоко утоплены, ноздри вывернуты наружу; в разинутых, разорванных криком ртах Конан успел заметить острые звериные клыки.

Очевидно, перед этой засадой стояла задача не просто отпугнуть пришельцев, а непременно убить как можно больше из них и обязательно захватить кого-нибудь в плен. И потому вместо того, чтобы спокойно расстрелять людей Конана из луков, неведомые вожди в джунглях скомандовали атаку - верно, понимали, что при первой же опасности незваные гости могут отступить и убраться восвояси.

И киммериец едва-едва не отдал подобного приказа. Сперва ему казалось, что ввязываться сейчас в бой будет крайне неразумно. Но решительная атака не оставила ему иного выхода. Хотя стрелы лучников Якова и уложили на песок десяток самых ретивых, остальные коричневокожие с истощенными воплями бежали вперед.

- К оружию! - резко крикнул киммериец, обнажая верный клинок.

В первой лодке подобрался бывалый и бесстрашный народ; никто из пиратов не выказал ни страха, ни даже замешательства. Приказы Конана исполнялись точнее, чем его знаменитыми Черными Драконами, отборной аквилонской гвардией. Выстроив полукруг, воины медленно отходили, закрываясь щитами.

Не прошло и нескольких мгновений, как волна нападающих докатилась до них. В руках коричневокожих замелькали короткие копья с черными обсидиановыми наконечниками и длинные дубинки с внезапно выбрасывавшимися из них лезвиями. Кое-кто орудовал шипастыми боевыми цепями. Мелькнуло несколько кистеней.

С первых же секунд стало ясно, что пираты столкнулись с опасным противником. Хотя коричневые тела не прикрывали доспехи, верткость и ловкость странных существ служили им неплохой защитой, вдобавок они виртуозно владели своим странным оружием.

Облаченные в кольчуги воины Конана отбивались, как могли. Киммериец оказался в выгнутой полумесяцем к противнику середине строя; вокруг них с Сигурдом завязался отчаянный бой.

Конан с рычанием крутил над головой испытанный широкий меч. Он первым из своих соратников взял жизнь врага. Но едва только коричневатое тело с разрубленной грудью повалилось на песок, обильно орошая его кровью, остальные стали куда осторожнее. Обсидиановые копья несколько раз угодили в щит, и в защищенную сталью грудь киммерийца. Боевые цепи, густо усаженные острыми шипами, так и норовили обвиться

вокруг ног или поразить державшую щит руку. Конан не получил пока ни одной царапины. Приходилось в поте лица отражать выпады врагов и в какой-то момент он внезапно с ужасом осознал, что начинает уставать.

Это была та же гибельная усталость, что едва не погубила его на палубе "Красного Льва", взятого на абордаж антилийцами. Сердце билось все быстрее и быстрее, дышать стало тяжело, в боку, откуда ни возьмись, зашевелилась предательски мерзкая боль.

"Э, да ты старик, Конан!" - беспощадно сказал киммериец самому себе. Гнев и ярость помогли ему продержаться еще какое-то время, и даже сразить еще одного врага. Становилось все хуже и хуже. Рядом с Конаном медленно отступал, отмахиваясь топором, рыжебородый Сигурд.

Как бы ни было трудно воинам Конана, свое дело они сделали. Остальные лодки с пиратами разделились, заходя с двух сторон, как предложил Горам Сингх. В пылу схватки враги не сразу заметили нацелившихся на них с флангов пиратов. Когда Яков и Горам с разных сторон начали атаку, противник дрогнул, обратившись почти сразу в поспешное бегство. Против Конана остался какой-то один потерявший голову безумец, и после недолгой схватки меч киммерийца показал окровавленное острие из спины врага.

Пираты с воплями бросились в погоню. Их смуглые противники улепетывали во все лопатки, словно и думать забыли о сопротивлении. Через несколько минут уже вся бухта была в руках людей с "Крылатого Дракона".

- Ты успел вовремя, Яков, - Конан хлопнул по плечу начальника лучников.
- Ты хорошо учил меня, капитан, - прохрипел в ответ казак.
- Тогда ты сам знаешь, что делать дальше.
- Да, капитан. Немедля выставить посты; послать людей на поиски пресной воды, самых лучших отправить прочесать близлежащие джунгли.

- Верно! А еще... спроси-ка у Ясунды, не видит ли он здесь где-нибудь железного бамбука и, если он найдет - начинай пилить пару стволов.

- Слушаюсь, капитан! - хрюкло промолвил Яков и отправился выполнять полученные приказы.

Вскоре "Крылатый Дракон" был подведен к берегу и поставлен на надежные якоря. Киммериец не собирался разбивать лагерь на берегу - защищать корабль было куда легче.

Тем временем Горам Сингх пришел передать капитану итоги боя одиннадцать мертвых коричневокожих и трое легкораненных пиратов.

- Это было куда легче, чем в Птауакане, - закончил свою короткую речь вендиец.
- А их раненые? - нетерпеливо спросил Конан. - Что, неужели не осталось ни одного?!
Не может быть!

- И все же это именно так, капитан. Кое-кого эти твари цвета проклятой глины Наррата вынесли. Почти всех. А кого не смогли - сами же и прикончили. Я видел собственными глазами.

- Значит, "языка" взять не удалось... Ладно, обойдемся, - буркнул Конан, хотя на самом деле он очень на это рассчитывал. Тяжело иметь дело с противником о котором не знаешь ничего, даже его названия!

Тем временем сошедший на берег Ясунда и впрямь сумел разыскать среди густого подлеска молодую поросль железного бамбука. Под руководством кушита два десятка молодых антилийских новобранцев взялись за нудное и утомительное дело - пилить неподатливые, очень прочные пустотелые стволы этого удивительного растения, из которого

часть амазонок Крайнего Юга делает церемониальные копья и колы, на кои насаживают пойманых не в брачную пору мужчин...

Шло время. Далеко в джунгли выдвинулись парные секреты самых лучших, самых бывальных и опытных воинов. Час проходил за часом, однако в лесу все оставалось спокойно, коричневокожие не показывались. Ясунда предлагал, пока не поздно, уйти от негостеприимного берега. Конан в ответ лишь покачал головой: - Боги хотели привести нас именно сюда, и они сделали это. Пока мы не поймем их замысла, уходить нет смысла. Нас либо вернут назад, либо, клянусь Кромом, сотворят кое-что похуже!

Два бамбуковых стволов удалось спилить только к вечеру. Солнце стояло еще достаточно высоко, и Конан решил не откладывать свой замысел на завтра. Глаза немолодого уже киммерийца были по-прежнему зорки. И на этот раз он сам занял место впередсмотрящего, только не на корабельной мачте, а на вершине длинного шеста, прикрепленного к верхушке самого высокого из прибрежных деревьев. И годились здесь только стволы железного бамбука, очень прочные, но в то же время и легкие.

Когда киммериец оказался высоко над морем зеленой листвы, у него сперва даже перехватило дыхание от восторга. Перед ним расстилалась прекрасная девственная земля. Неподалеку от берега он заметил блеск водной глади большого озерка, на дальнем его берегу теснились какие-то постройки. Конан разглядел высокие, отчего-то сильно наклоненные в разные стороны башни. Это не город. Скорее, загородный дворец какого-то вельможи - вокруг ни полей, ни дорог, ни крестьянских хижин. Только дворец - и ничего больше. Причем на первый взгляд он не казался разрушенным...

За озером вновь тянулись джунгли. Кое-где заметны были извилистые проемы в древесном море - скорее всего, русла небольших рек. Увидеть их воды киммерийцу уже не удалось. А еще дальше к поднебесью вздымались исполинские стены черных гор. И тут бывший владыка Аквилонии понял, почему воля богов привела "Крылатого Дракона" именно к этой бухте - высокая горная цепь широким полукольцом охватывала покрытое джунглями пространство. Справа же и слева от приютившей галеру гавани горы вновь вплотную подходили к воде. Высадиться там было уже невозможно. Что ж, это раскрывало и секрет засады коричневокожие держали под постоянным наблюдением единственное место, где мог причалить вражеский корабль...

Конечно, высотой эти кольцевые горы куда как уступали горам Старого Света - те начинались не высокими предгорьями, исполинские конусы самих гор, увенчанные снежными коронами, видны были за многие десятки миль. Здесь же горы скорее напоминали отвесные крепостные стены - не слишком высоки, однако очень круты, местами почти отвесны. Словно рука некоего громадного строителя воздвигла эту преграду, отрезав от остального мира небольшой участок первозданного леса. В нем не могли обитать люди: нигде ни просеки, ни дороги, ни дыма от костров. Может, конечно, эти коричневые создания вьют себе гнезда, подобно птицам? И, вдобавок, не знают огня?

Конан острием ножа нацарапал на деревянной дощечке грубый план местности и стал спускаться. Завтра ему и его людям предстоял поход к загадочному дворцу на берегу озера.

Глава 2.

ХРАМ ЗАБЫТОГО БОГА

Уже много лет Конану не снились сны. Раньше он засыпал мгновенно, едва голова его касалась подушки - или же просто голой земли, что бывало куда чаще. Однако в первую же ночь, что "Крылатый Дракон" провел в бухте у неведомых берегов, на киммерийца обрушился целый вал смутных и неясных видений. В молодости Конан с пренебрежением относился к гадальщикам и толкователям снов - слишком уж часто среди них встречались отъявленные плуты и жулики. Но сейчас он невольно пожалел, что не владеет истинным искусством объясненияочных божественных откровений...

Сперва он увидел две смутные, туманные фигуры, неизвестно почему, но Конан был убежден, что они поистине громадных размеров. Он не мог различить черты их лиц - но глаза сияли дивным звездным огнем, лучась как тысячи тысяч солнц. Трезвый рассудок киммерийца удивился, как же он не ослеп, глядя на этот всепожирающий пламень.

Фигуры сидели друг против друга, склонившись над странным круглым мерцающим диском. Время от времени призрачная, размытая рука одного из созданий тянулась к жемчужно-серебристому полю, делала над ним некие причудливые пассы и вновь возвращалась на место. Со стороны эта пара более всего напоминала игроков в кости.

Конан как завороженный вглядывался в смутные, постоянно меняющиеся очертания каких-то фигур на жемчужном диске. Ему казалось, что он различает высокие дворцы и шпили, гордые крепости, полноводные реки. Потом картина внезапно изменилась. Он словно бы помчался со всевозрастающей скоростью навстречу жемчужному диску, поразившись про себя еще раз, насколько он громаден. Взгляд киммерийца различал мельтешение то в одной, то в другой части исполинского игрового поля, как окрестил он про себя серебристый диск. Приглядевшись, Конан увидел, как прямо по матовой поверхности движутся люди, величиной не больше муравьев - там шагали армии, скакала конница, ползли обозы...

Время от времени над каким-нибудь отрядом, крепостью или даже отдельной человеческой фигуркой возникало многоцветное переливчатое сияние - "рука" одного из "игроков". И тогда отмеченная вниманием этих сил особа - или войско - начинало или быстрее двигаться, или поворачивало в сторону, а то и вовсе останавливалось. Иногда воины и армии сталкивались, и тогда перед взором Конана разыгрывались целые баталии...

Как он ни старался, так и не смог до конца понять смысл увиденного. Он четко осознавал, что спит; что может в любой момент проснуться. И не хотел этого, потому что за всем происходящим скрывалась какая-то влекущая, притягивающая тайна, отчего сердце шестидесятилетнего искателя приключений начинало биться учащенно, словно у только что ступившего на тропу войны подростка...

А потом он внезапно услыхал голос. Спокойный, чуть глуховатый, не лишенный приятности голос, назвавший вслух его имя.

- ...Тогда в дело вступает Конан из Киммерии!

- А что будет, если навстречу ему попадутся... - ответил второй голос, выше и суще, показавшийся киммерийцу полным скрытого недружелюбия. Северянин смог разобрать только первые слова фразы, после "попадутся..." внезапно наступила полная тишина и он

открыл глаза. В своем капитанском гамаке, в просторной каюте на корме "Крылатого Дракона". Рядом в таком же точно гамаке сладко похрапывал Сигурд. Рядом с ваниром валялся опустошенный кувшин из-под пива.

Киммериец перевел дыхание и отер невесть отчего приступивший пот со лба.

Остаток ночи миновал спокойно. Враги не показывались. Команда безмятежно проспала до рассвета. Не теряя времени, Конан собрал небольшой отряд из двух десятков отчаянных голов. Вооружившись до зубов, они двинулись в глубь джунглей.

Шли очень осторожно. Киммерийцу были памятны кровавые схватки с пиктами в непроходимых лесных чащах за Черной Рекой. В зарослях одиночный лучник без особых хлопот положит пять-шесть противников, прежде чем его удастся обнаружить - это в том случае, если он окажется достаточно глуп для того, чтобы долго оставаться на одном месте.

Пока же все предосторожности оказывались излишни - лес как будто вымер. В команде "Крылатого Дракона" было немало кущитов и выходцев из Черных Королевств. Конан доверял их умению не то чтобы увидеть или услышать, а именно учゅять человека даже в полном ароматах воздухе южного леса. Чернокожие воины выдвинулись вперед, держа наготове короткие лесные луки. Но до самого озера им не встретилось никого, кроме зверья и птиц.

- Пахнет водой, Амра, - вполголоса промолвил Ясунда. Великане невозможнo было заставить оставаться на корабле. - Озеро близко.

Еще сотня-другая осторожных шагов, и перед воинами открылась сверкающая голубая чаша, заключенная в зеленую оправу густых зарослей. Лес кончался у самой воды. Крошечные волны слабого прибоя лениво лизнули ноги киммерийца.

- Эй, кому-нибудь приходилось видеть что-либо подобное? - Конан указал на возвышавшийся за озером дворец.

Ответом ему было лишь отрицательное покачивание голов, - чего и следовало ожидать.

Северянин не спешил вести свой отряд к так заинтересовавшим его строениям. Из-под прикрытия густых зарослей он долго и внимательно рассматривал открывшуюся взору картину.

Прямо к воде сбегал широкий спуск. Сперва киммерийцу показалось, что это обычная для дворцов Старого Света парадная лестница - такая же, как и в его столице, Тарантии. Приглядевшись, он понял, что видит перед собой нечто иное - гладкий спуск из шершавого камня, наподобие тех, что устраивались порой на грузовых причалах для подъезда возов. Но зачем такое здесь, на тихом озере?

Все постройки оказались на удивление кособокими и кривыми. Башни клонились каждая в свою сторону, точно пьяные. Между ними громоздилось какое-то хаотичное нагромождение косых стен, кое-где прорезанных треугольными, сужающимися книзу окнами. Высокие, похожие на шатры крыши напоминали храмы Вендии. Но в отличие от них здесь не было видно ни одной скульптуры, хотя пустые, стоймя торчащие камни с плоскими вершинами, очень похожие на постаменты, торчали повсюду.

Здание, похоже, все еще находилось в довольно сносном виде - нигде не было заметно обвалившихся кровель или пробившейся между каменных плит травы. Если дворец и покинули, то не слишком давно.

Наконец Конану удалось приметить широкий черный проем в обращенной к лесу стене, который долго оставался скрыт длинными тенями. Не мешкая, киммериец повел отряд в обход озера, не сводя при этом глаз с дворцовых башен.

Кое у кого из пиратов уже засияли глаза. Покинутые храмы и тому подобные строения частенько таили хорошую добычу. Что же до всяких страшилищ, также любивших обосновываться в подобных местах, то рубаки Конана охотно схватились бы с самим Сетом, прячь он за спиной кошель с полновесным турецким золотом...

- Ни тропинки, ни дороги, Ясунда, - шепнул Конан своему штурману. - Уж на что здорово был упрятан город амазонок, куда меня как-то занесло, а и вокруг него отыскивались стежки!

- По этим лесам, похоже, ходили всякий раз иной дорогой... если вообще ходили, - также шепотом ответил кушит.

Наконец маленький отряд достиг края обширной поляны на берегу озера. Перед пиратами вознеслись серые каменные стены, сложенные из грубых, необработанных блоков, лишь кое-как обтесанных и подогнанных друг к другу. Зиял широкий полукруг входа. Точнее, даже не полукруг, а эллипс - высотой он оказался едва по плечо Конану, зато в ширину имел не меньше четырех шагов.

- Неудобно здесь будет выходить с копьями, - бросил Конан почти в полный голос. Многолетний опыт и чутье варвара не могло подвести: опасности впереди пока не было. - Хишрек и Хосрон, останетесь здесь. В случае чего орите во всю мочь. Яков! Ты захватил мел?

В прошлом Конану часто случалось попадать в запутанные лабиринты особенно оказываясь в древних храмах или дворцах - и на сей раз он решил предусмотреть все. Оставляя метки на стенах, они, если понадобятся, легко смогут выбраться обратно. Сигурд, оставшийся командовать "Крылатым Драконом" в отсутствие капитана, должен был отправиться на поиски" если киммериец не вернется к вечеру следующего дня. Знаки, в случае чего, помогут здесь и ваниру.

Оставив караул у входа, Конан с товарищами медленно вступил под низкую арку. Их взорам открылся обширный полутемный зал. Пол покрывали каменные неотшлифованные плиты. Через странные треугольные окна пробивались косые солнечные лучи - хотя должны бы падать почти отвесно... Это было первое, отчего сразу же насторожился Конан.

Зал пуст - лишь в дальнем конце, в некоем подобии нефа, стоял грубый каменный же алтарь и вокруг него - девять странных, широких каменных чащ. От пола к ним поднимались слегка загнутые желоба, высеченные из цельного камня. Весь алтарь расписан причудливыми письменами - Конан не смог различить ни одного хоть сколько-нибудь знакомого знака или буквы, хотя перебывал, наверное, в храмах всех без исключения богов Старого Света. Здесь были спирали, перечеркнутые чаши и опрокинутые языки пламени. Иной символ еще можно было понять - точнее, понять, что он изображает, а не что значит, стоя на данном месте в окружении других символов.

Подобной же росписью украшены пол и стены. В дальнем конце зала, за алтарем, Конан увидел еще один проем в глухой стене - но столь низкий, что в него пришлось бы вползать на четвереньках... И второе, что заставило киммерийца покрепче стиснуть рукоять меча и прикинуть на забывших об осторожности пиратов - в зале совсем не было пыли, словно тут прошлась целая армия уборщиков.

Воины рассыпались по залу, наудачу простукивая кое-где пол и стены. Конан, Ясунда, Яков и Горам Сингх направились прямиком к алтарю. За ними последовало еще пять или шесть человек.

- Алтарь как алтарь, у антилийцев, помнится, повнушительнее был, ворчливо заметил

великан-кушит, однако Конан не отозвался на шутку. Склонившись над камнем, он пристально всматривался в его поверхность, словно отыскивая одному ему заметные следы. Остальные занялись основанием каменного постамента и чашами, пытаясь отыскать там какой-нибудь тайник.

Больше всего этот зал напоминал, конечно же, храм некоего давно забытого на Западе бога. Все храмы в общем-то схожи между собой в главном, бесконечно разнясь, конечно, в деталях. И киммериец не сомневался, что они угодили именно в храм - только если правивший здесь бог и был забыт в родных местах команды "Крылатого Дракона", то здесь его, несомненно, хорошо помнили, и не только чисто прибирали храмовый зал, но и приносили своему покровителю обильные и кровавые жертвы, закалывая их на этом алтаре. Правда, после каждого жертвоприношения алтарь тщательно отмывался, но это удавалось сделать не до конца.

Конан с первого взгляда понял, в чем тут дело: все выстраивалось один к одному. Засада в единственной пригодной для стоянки бухте; жертвенный камень в пустом храме...

"До чего же они все любят приносить в жертву чужеземцев! - мелькнуло в голове Конана. - Верно, считают, что кровь странников по вкусу их божкам..."

- Нашел, нашел! - вдруг радостно зашипел Горам Сингх. Вендиэц услыхал подозрительный звук, простукивая рукоятью кинжала основание алтаря под его задней гранью; камень неожиданно отозвался гулкой пустотой.

- Тащи ломы! - распорядился киммериец. Его сейчас занимали не сокровища - хотя, быть может, впоследствии не помешают и они - а тайны самого этого здания. Точно мальчишка, Конан дрожал от нетерпения - его почти что заворожил уже видевшийся ему подземный ход, уводивший далеко в глубь земли, к сокровенным тайнам одинокого храма...

Это чувство было по меньшей мере странно для прошедшего через самые невероятные приключения киммерийца. Но в тот момент он совсем не думал об этом - принесенные с корабля кирки и ломы вгрызлись в податливый пористый камень, откалывая большие куски.

Все пираты, за исключением двух караульных у входа, столпились вокруг алтаря. Конан тотчас погнал еще двоих встать к низкому лазу. Тут тонкая каменная плита наконец раскололась и у пиратов разом вырвался восхищенный вздох - профессиональные грабители впервые увидели столько золота сразу.

Под алтарем оказалась небольшая каморка, доверху набитая золотыми слитками, самородками и квадратными монетами. Вожделенный металл лежал тускло желтеющей грудой и пираты, жадно рвавшиеся к подобному всю жизнь, даже как-то растерялись - когда золота слишком много, оно словно утрачивает часть своей магической власти над умами и душами.

- Клянусь Кромом, это самая крупная добыча в моей жизни! - нарушил ошеломленную тишину киммериец.

- Жаль только, что поблизости нет подходящего кабака с пухлыми шлюшками! - делано вздохнул Горам Сингх и пираты разразились грубым хохотом.

- Вытаскивайте! - распорядился Конан. - Поделим на корабле, как и всегда. Надеюсь, эта куча не введет никого из вас в соблазн, иначе, клянусь Кромом, я подвешу кое-кого вверх ногами на самой верхушке мачты! Ты, Горам, получишь две доли, как нашедший - по нашему морскому закону.

Закипела работа. Пираты, похоже, забыли и думать об опасности. Карапульные у входа подбадривали их одобрительными криками. Куча золота на расстеленных плащах быстро

росла.

Тем временем Конан, словно разочарованный тем, что в тайнике отыскалось одно лишь золото (и в самом деле, куда девать его здесь, на неведомом краю света, где за целый мешок драгоценностей не купишь и простой бутылки доброго аквилонского?!?) - вплотную подошел к низкому лазу в стене сразу за алтарем.

Темно, тихо, чисто, ничем не пахнет... Киммериец пригнулся и осторожно заглянул внутрь, затем, крякнув, с некоторым трудом протиснулся в лаз. За стеной оказался второй зал, ничуть не меньше первого; свет едва-едва пробивался сквозь единственное узкое оконце, и внутри царил полумрак. Пол зала наклонно поднимался от той стены, у которой стоял Конан, и был пересечен несколькими причудливо извивающимися желобами, начало которых терялось где-то в темноте. Поддаваясь странному порыву, киммериец нагнулся потрогать поверхность одного из таких желобов, оканчивавшегося как раз у лаза - она была приятно теплой, чуть шероховатой на ощупь. Ладонь Конана чуть сместились в сторону - камень вокруг желоба оставался холодным.

- Во имя Крома, зачем им понадобилось нагревать эти штуки? пробормотал киммериец, однако в этот момент его окликнули спутники.

Тайник опустошен. На квадратном каменном дне не осталось ни единой кручинки благородного металла - пираты Барахских островов знали свое дело. После того, как добыча была извлечена, обнаружилось, что в каморке имеется и кое-что еще - а именно низкая полукруглая дверь, не имевшая, однако, видимых снаружи петель, равно как и замочной скважины.

- Быть может, там еще одна сокровищница? - предположил Горам Сингх, его глаза алчно блестели.

- Надо попытаться открыть! - поддержал его и Ясунда.

- Здесь решаю я, - ледяным голосом произнес киммериец, и его спутники тотчас прикусили языки. - Хорошо. Сделаем так: если нам удастся открыть дверь, то сперва отнесем добычу на галеру и вновь вернемся сюда. Если же нет - то, быть может, тогда я вернусь сюда один... но позже. За дело!

С первого же взгляда киммерийцу стало ясно, что створка этой двери не открывается, поворачиваясь на петлях, но сдвигается в сторону, уходя в скрытую нишу. Ничего сложного, он видел подобное в китайских пагодах. Однако, несмотря на подсунутый рычаг и усилия пиратов, навалившихся на него в шестером - больше просто не помещалось в тесной каморке сокровищницы несмотря даже на всю мощь Конана, дверь не поддалась.

- Отойдите-ка! - распорядился киммериец.

Его взгляд медленно скользил по краю нагло закрытой двери. Быть может, ее открывают нажатием на какой-нибудь неприметный выступ... совсем-совсем крошечный, ничем не отличающийся от остальных... хотя нет, почему же не отличающийся - он-то как раз и должен отличаться!

- А ну-ка, Горам, нажми-ка вот на это!

Палец киммерийца указывал на небольшую шероховатость камня слева от дверной арки. Человеку было неловко дотянуться до нее - однако Конан уже почти не сомневался, что этот дворец - или храм - строили не люди.

Вендиэц послушно надавил большим пальцем на указанное Конаном место. Раздался глухой скрежет, и дверь медленно втянулась в стену.

Пираты за спиной киммерийца торжествующе заорали и заулююкали.

- Тише, акулий корм! - рявкнул на них Конан. - Забыли, как дрались на берегу?! А ведь та милая компания наверняка бродит где-нибудь поблизости!

Пираты пристыжено притихли. В самом деле, былые рубаки вели себя точно неразумные дети на загородной прогулке...

За дверью открылся узкий ход, вырубленный в сплошной скале - громадное здание как будто не имело фундамента. Конан приказал готовить факелы.

Пираты смотрели на своего седоволосого предводителя со всевозрастающим почтением. Как он сумел безошибочно обнаружить ключ к тщательно замаскированному замку? Конан лишь усмехался себе в бороду, видя восхищенно-почтительные взгляды своих головорезов. Он не собирался так просто раскрывать своих секретов - хотя на самом деле на этот раз ему просто повезло. Сработала простейшая логическая цепочка - то место, на которое часто нажимают, быстро засаливается, начинает хоть немного, но лосниться - а камень здесь был довольно мягкий, и зоркий глаз киммерийца разглядел крохотную потертыню подозрительно близко от двери. Очевидно, этим путем ходили довольно часто.

Пираты быстро натащили смолистых веток, годившихся для факелов. Держа один из них над головой, Конан первым вошел в низкую галерею.

Оказалось, что подземный ход круто уводит вниз, идти было трудно, ступени отсутствовали, и, поколебавшись некоторое время, Конан приказал возвращаться.

Конечно, в былые годы он счел бы подобное отступление позорной малодушной трусостью. Но теперь он все чаще и чаще думал не о себе, а о других. Вести за собой в неизвестность целый отряд... оставил лишь двоих караульных там, откуда могла в любой момент последовать атака... нет, рисковать не стоило, тем более, что и торопиться-то особенно некуда. В распоряжении Конана было сколько угодно времени. Он решил вернуться на галеру.

Дверь запирать не стали. Ясунда намертво заклинил ее, попросту вбил один из имевшихся ломов в щель между створкой и стеной.

Возвращение на "Крылатый Дракон" оказалось поистине триумфальным. Киммериец еще на берегу высоко поднял над головой полные пригоршни тяжелых золотых самородков. Ответом ему был многоголосый восторженный рев. Нечего и говорить, что в следующий поход к серому храму идти хотели все до единого. Пришлось метать жребий. Неудачников Конан подбодрил лишь тем, что обещал твердо! - равную долю в добыче с остальными.

Оставив на "Крылатом Драконе" лишь немногочисленную охрану, Конан наутро повел весь свой отряд к загадочному дворцу. Коричневокожие обитатели этих мест по-прежнему не показывались, и это мало-помалу начинало тревожить киммерийца. Зачем, спрашивается, было устраивать засаду, нападать на его людей, если после этого разрешать им преспокойно рыться в древнем дворце?

Однако и на сей раз пираты проделали путь от галеры до храма без приключений. В зале с алтарем все оставалось как и вчера. И все так же торчал заклинавший дверь лом.

Оставив солидную охрану у входа в странный храм-дворец, а также у низкого лаза, Конан повел отряд вниз по подземному ходу. Пламя многочисленных факелов освещало неровные, грубо вырубленные в сплошной скале своды тоннеля. Широкая спираль уводила все глубже и глубже.

Шагая первым, киммериец не думал тогда о посетившем его странном видении, и о загадочных фразах, которыми обменялись в конце сна призрачные игроки. Надо сказать, что Конан уже почти и забыл о привидевшемся, сочтя все это пустой игрой воображения.

Они спускались довольно долго. Затем винтовой коридор внезапно кончился, выведя пиратов в широкую горизонтальную галерею. Впереди забрезжил слабый свет, и Конан приказал погасить факелы.

Чем дальше продвигались воины "Крылатого Дракона", тем ярче становился свет впереди - и все явственнее доносились какие-то неясные звуки - там не-то что-то шлепало, не то стучало, не то шипело... А затем кончилась и галерея.

Конан даже попятился от неожиданности. Он стоял под самым куполом необозримой пещеры, края ее поглощала мгла. Вдоль уходившей в бесконечность стены тянулись длинные вереницы тусклых факелов, а дно покрывала сплошная шевелящаяся масса - коричневые тела их старых и недобрых знакомых, тех же, что нападали в бухте. Взлетали и падали тысячи кирок и ломов, дробя неподатливую породу. Не видно было отлынивавших; не видно было надсмотрщиков; все работали с небывалым усердием.

Вдоль средней линии пещеры из конца в конец было проложено нечто вроде дороги, и по ней сплошным потоком ползли громадные белесые черви, толщиной с круп лошади. На спинах у отвратительных тварей были укреплены корзинки, куда сваливалась отбитая порода. Черви текли по пещере, словно удивительная, небывалая река.

Некоторое время Конан с высоты ошеломленно наблюдал за всем происходящим, уже жалея, что потащил с собой столько людей. Здесь нужнее был бы хороший разведчик-одиночка...

Где-то очень далеко раздался приглушенный расстоянием низкий удар колокола, и поток червей тотчас же смеялся, а бесчисленные камнетесы принялись за тот чуть выдающийся выступ, который только что служил дорогой.

Перед киммерийцем лежал узкий висячий мост, протянувшийся на другую сторону пещеры. Вдоль стен у самого изгиба сводов шли такие же точно подмостки, уходившие кудато вдаль. Внизу в добрых пятнадцати саженях дно было скрыто спинами работающих.

- Стойте, где стоите! - шепотом приказал Конан, осторожно ступая на гибкий мосток. Однако он не успел сделать и одного шага, как позади него раздался подозрительный скрежещущий звук. Киммериец стремительно развернулся, но лишь для того, чтобы увидеть, как перед ним смыкаются толстенные каменные губы. Раздался глухой удар и затем лязг опускающихся в свои гнезда железных засовов. Дорога назад была отрезана.

Несколько мгновений Конан стоял, точно оцепенев, перед нагло закрывшейся дверью. Потом несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и принял тщательнейшим образом осматривать стену возле дверной арки, в попытках найти открывающий запоры выступ - однако тщетно. Камень здесь был совершенно чист, без малейших следов человеческих рук. Долгие и утомительные поиски закончились ничем.

Другой бы, возможно, и впал после этого в отчаяние, но Конан за свою долгую жизнь попадал в переделки и похуже этой. Не вышло здесь - удастся в ином месте. Придя к такому решению, он оставил бесплодные попытки. Пещера велика, из нее должен убираться вырубленный грунт, в нее надо приводить рабочих, доставлять им еду и все прочее... Выход должен найтись!

Конан думал тогда не о себе, а о команде "Крылатого Дракона", которую он столь опрометчиво повел за собой в неразведенное как следует подземелье. Что будет с его людьми?! Не закрылся ли такими же глыбами выход из тоннеля? Мысль эта терзала и не давала покоя. Он обязан выбраться отсюда - и спасти остальных. Сердцем он уже чувствовал, что с ними тоже приключилась беда.

"Но торопливость, как известно, хороша только при ловле блох. Если пытаться вырваться отсюда с шумом и гамом, то, скорее всего, не выберешься, а просто даром погибнешь", - трезво размышлял Конан, лежа на прогибающихся под тяжестью его тела мостках. Он решил понаблюдать за рабочими. Шло время, и кирки все так же взлетали и падали, все так же текли своей дорогой черви-носильщики - а в пещере ничего не менялось. Один раз Конан увидел, как землекопам привезли еду - по середине пещеры ехал, оседлав белого червя, коричневокожий, бросая из корзин на спине твари какие-то свертки в толпу. К полному удивлению киммерийца никто не дрался за пищу, не старался выхватить у соседа его долю. Напротив, передние передавали еду задним.

Дальше Конан ждать уже не мог. Становилось ясно, что пещера эта вообще никогда не опустеет - он заметил, что рабочие все-таки сменялись, одни отходили на отдых куда-то на свободное пространство, другие, напротив, вставали на их места. И тогда киммериец решил положиться на удачу.

Он наугад свернул влево - просто для того, чтобы скала мешала бы размахнуться мечом его противнику, повстречай он кого-нибудь на своем пути.

Идти пришлось очень долго. Час проходил за часом, а Конан все шел и шел над шевелящейся массой согнутых спин и методично работающих коричневых рук. Он уже почти не замечал заполнявшего всю пещеру грохота, многократно усиленного эхом. На него же никто не обращал внимания.

Когда киммериец почти потерял надежду на то, что эта проклятая пещера когда-нибудь кончится, из мглы перед ним внезапно вынырнула торцовая стена гигантской таверны. Здесь оказалась и ведущая вниз с мостков лестница. Но Конана больше заинтересовала неприметная дверь в стене, в которую упирался подвесной мост. В отличие от двух других, встретившихся ему в храме, на этой имелись и петли и ручка. Конан осторожно потянул ее на себя - створка бесшумно приоткрылась. Киммериец серой тенью проскользнул внутрь.

Там оказалась крохотная пустая каморка с обычным столом посередине и двумя лавками подле него. На столе нашелся кувшин с каким-то местным кисловатым легким вином и немного сухарей. Конан проглотил все это за один присест. В противоположной от входа стене он увидел еще одну дверь. Она была приоткрыта и оттуда доносились приглушенные голоса. К своему удивлению, киммериец понял, что разбирает, о чем идет разговор - он велся на старом стигийском наречии.

- О почтенный навал, клыкастый буйвол морей, что ты повелишь содеять с сегодняшними пленниками? - медоточиво проговорил первый голос, в котором Конан безошибочно определил старого царедворца.

- Слушай мою волю, почтенный сегал, щетинящийся клыками волк пучины, тебе надлежит подготовить их для великого жертвоприношения. Мы ждали их так долго, этих проклятых пришельцев с проклятого истинными богами Запада! Но теперь их кровь оросит наши жертвенные и наши небожители возрадуются. Новая сила вольется в них, и они подобно великой грозовой туче низринутся на своих врагов, повергая их во прах. И тогда нашей расе будет возвращено ее исконно высокое место - в то время как те, что именуют себя "людьми", вновь станут теми, кем им надлежит пребывать от века - двуногим скотом!

"Крепко сказано, - мелькнуло в голове Конана. - Выходит, я не ошибся, Птауакан повторяется. Но теперь мне придется обойтись без хрустального феникса!"^[1]

Киммериец не чувствовал страха - одну лишь усталость и сознание того, что ему вновь предстоит тяжелая и кровавая работа - не славный подвиг, не радостная пляска мечей, куда

хорошо броситься молодому, горяча кровь ненавистью - но именно работа, опасная, трудная, вдобавок имеющая обыкновение повторяться с завидным постоянством. И в Антилии, и здесь, на краю неведомого континента, хозяева брали в плен его, Конана, команду, пользуясь своим преимуществом родной земли, где так легко поймать новоприбывших в ловушку...

Конан ожидал продолжения разговора, однако вместо этого до его слуха донеслось:

- Слушаю и повинуюсь, о почтенный навал, короной увенчанный рогатый вспарыватель бездн, лобызаю след твой в водных толщах!

Послышились странные шелестящие звуки - как будто громадная змея проползла по мелкому гравию - и все снова стихло. Приготовившийся было к бою киммериец опустил меч.

Его рассудок работал холодно и четко. Он любой ценой должен проникнуть к этому самому "навалу" (Кром знает, что это может значить!) и, если удастся, то затеять переговоры, предложив здешним заправилам сделку - жизни экипажа его галеры за жизнь местного правителя. Другая возможность пробиться в темницу, где держат его людей, а в то, что они пленены, киммериец не сомневался. Что могло быть проще - закрыть каменные створки в начале и в конце тоннеля, так чтобы весь отряд угодил в одну громадную западню? Киммериец никогда не считал, что смерть предпочтительнее "позорному плена". Из плена можно сбежать, тебя могут спасти, короче - еще можно бороться. Сделавшись трупом, пищей для воронов, пожирателей падали, ты уже бороться никак не сможешь.

Итак, прежде всего теперь следовало добыть "языка". Этого "навала", скорее всего, тщательно охраняют... стоп! В голове киммерийца словно блеснула яркая молния. Как же мог он не понять сразу столь простой вещи! Как могло такое случиться, что королевские покой - а сидевший там, за одной-единственной приоткрытой дверью "навал", был, судя по всему, здесь кем-то вроде правителя - как могло случиться, чтобы королевские покой остались практически без охраны?! Подобных глупостей не позволял себе ни один король хайборийских стран, сколь бы туп он не был. Одно из двух - либо здешние заправители неописуемо беспечны и наивны, что плохо согласуется с их прекрасно разработанным и приведенным в исполнение планом по захвату соратников Конана - либо они каким-то образом узнали, что он на свободе, и им для чего-то понадобилось, чтобы он услышал бы эту беседу. А отсюда следует... Но стоп! Там вроде бы снова заговорили!

Из приоткрытой щели вновь донеслось странное шуршание, а затем низкий и хриплый голос, весьма мало похожий на человеческий, выговаривавший слова с какой-то мертвенною стальной интонацией, произнес следующее:

- Пленники доставлены по приказу великого и устрашающего навала, в камеру под жертвенником. Начаты обряды вызывания. Шестьсот шестьдесят шесть заклинателей творят благоприятственные заклятия. Скоро боги смогут обратиться к нам.

- Прекрасно! - пророкотал в ответ голос того, кто именовался "навалом": - Очищена ли и умащена ли благовониями, угодными богам, дорога нечестивцев к камню заклания? Возжжены ли на нашем пути, пути навала, в достаточном числе ароматические лучины?

- На всем пути от данного покоя величайшего из пленителей моря навала вниз по спиральной, розовой лестнице и прямо по синему коридору все готово для торжественного следования вашей милости к ожидающим заклания.

Подозрения Конана, что он слышит хорошо постав ленный для него и только для него спектакль превратились в уверенность. Так подробно расписать дорогу к камере узников для отлично знающего ее правителя мог только полный идиот. Яснее ясного, это делалось для того, чтобы вернее вывести его, Конана, к этому подземелью... хотя нет, если они знают, что

он здесь, к чему такие сложности? Или они полагают, что он отправит к праотцам добрых полсотни их воинов и потому тоже хотят заманить его в какой-нибудь каменный мешок, где он бы не смог пошевелить ни рукой, ни ногой?

На всякий случай киммериец подобрался поближе к ведущей в большую пещеру двери - если придется бежать, то уж лучше туда. А из-за противоположных створок неслось:

- Но в полном ли порядке путь от камеры долженствующих быть закланными к месту совершения великого обряда? Ответь мне на это, о пожирающий ночную мглу?! (Ну и титулы у них тут! - невольно усмехнулся про себя Конан.)

- Путь в должном порядке, о владыка рогов подводного Зла! До самого морского побережья, где стоит проклятый корабль пришельцев, проложена твоими верными слугами широкая просека. На берег доставлен и Великий Камень нашего народа, камень, помнящий приход и вещие слова истинных богов. Там, над скрытым в пучинах нашим настоящим Храмом, что поднимется в предшествующие жертве часы, мы и совершим наш обряд.

Сердце Конана бешено заколотилось. Они лгут, чтобы заставить его убраться из их подземелей, а тем временем преспокойно покончить с пленниками здесь? Но опять-таки, зачем им все это? Что за непонятная игра, помоги мне Кром?! Конан терялся в догадках. Где тут правда и где тут вымысел? Либо все, что он слышит - истина и тогда ему и впрямь следует отправляться на морской берег, чтобы попытаться там вырвать товарищей из лап этих тварей. Либо это вранье, и тогда нужно ворваться внутрь этой комнаты, схватить за глотку достославного "навала" - да отсохнут у него вспарывающие пучину яйца! - и потолковать с ним уже по-настоящему... но только не здесь, конечно.

Голоса вновь утихли. По лбу и щекам Конана обильно струился пот, однако он даже не замечал этого. Как бы то ни было... вот из щели раздалось удаляющееся шуршание, вновь наступила тишина. И тут, прежде чем киммериец успел ринуться внутрь, дверь внезапно и резко захлопнулась. Щелкнул скрытый внутренний засов. Киммерийцу ничего не оставалось, как выбраться обратно в ту пещеру, откуда он и пришел.

На него по-прежнему никто не обращал внимания. Казалось, он может стоять здесь часами, а внизу все так же будет кишеть море согнутых работой коричневых спин, продернутое белой чертой ползущих червей-тяжеловозов...

В торцевой стене, у верхнего края которой стоял киммериец, он заметил широкий проем, через который белые черви оттаскивали вырубленную породу. Не оставалось ничего иного, как пытаться выйти отсюда через этот проход... а там видно будет. И Конан, положившись на Крома да на собственную удачу, начал спускаться. Он не бежал, не делал резких движений - напротив, он шел размеренно и спокойно, словно человек, которому ничто не угрожает и который, вне всякого сомнения, имеет право здесь находиться.

Он миновал один марш длинной лестницы, затем второй, третий, четвертый... Все было спокойно. Коричневые спины работающих сгибались и разгибались, кирки в их руках взлетали и падали. Несколько ближайших к Конану созданий бросили на него пару-тройку безразличных взглядов - и равнодушно отвернулись. Похоже, до него тут никому не было дела. Быть может, это рабы... или какие-то зачарованные... Конан шагнул в проход, бок о бок со здоровенным вонючим червем. Правивший тварью коричневокожий не удостоил киммерийца даже поворотом головы.

Нескончаемая вереница белесых червей ползла куда-то по низкому и широкому тоннелю. Внешне совершенно спокойный, Конан шагал с краю, не снимая руки с меча, хотя нигде не было видно ни одного воина. Как и в большой пещере, по стенам тянулись длинные

ряды факелов, дававших достаточно света. Подземный коридор шел, не разветвляясь, выбора у Конана не было - он шагал и шагал вперед. Оставалось полагаться только на судьбу.

Наконец он добрался до места, где поток червей разворачивался обратно. Корзины с помощью нехитрого приспособления опорожнялись одна за другой в разверстый зев бездонной черной шахты. Затем, налегке, твари отправлялись в обратный путь.

Возле самого провала на деревянной лавке под укрепленным в кольце факелом сидел невысокий человечек, с острой полуседой бородкой. От тех коричневокожих, что напали на отряд Конана в бухте, его отличал лишь возраст - он казался очень и очень старым, наверное, самым старым из всех, кого удалось увидеть здесь киммерийцу.

Человечек считал опрокинутые в шахту корзины, перекидывая надетые на поперечные прутья костяшки - одну за другой, одну за другой, десяток, сотня, тысяча... Его мутноватый старческий взгляд скользнул по Конану и старику вернулся к своим счетным кругляшкам.

От устья шахты брали начало два коридора - один, темный, уходил куда-то вглубь. Другой, напротив, поднимался вверх и в нем на стенах торчали вбитые факелы. Секунду поколебавшись, Конан избрал освещенную дорогу. Старик продолжал безразлично щелкать костяными счетами, однако когда Конан уже заворачивал за поворот, до слуха его едва слышно донеслись слова на старостигийском, произнесенные чуть громче, чем следовало:

- Он прошел шахту.

За ним следили. Следили, но пока не нападали - почему?

Тело, проведенное на земле добрых шесть десятков далеко не спокойных лет, повиновалось Конану уже не столь хорошо, как в молодости. Однако его прыжок сделал бы честь любому хайборийцу в расцвете сил. Сохранившие железную хватку руки киммерийца сжали в захвате тщедушную шею старика и потащили его в верхний коридор. Конан напряг мышцы - и старец без чувств повалился у стены тоннеля.

Быть может, это была ошибка, а может и нет - кто знает? Возможно, ему следовало бы пройти подальше по освещенному коридору в надежде встретить кого-нибудь из коричневокожих. Но времени не было, и Конан рискнул.

Из-за поворота тотчас же раздались тревожные вопли. Погонщики белых червей соскачивали со спин своих тварей, на бегу выхватывая оружие - длинные обсидиановые ножи с клинками почти в три ладони.

Конан легко вскинул бесчувственное тело старика себе на плечи и побежал, на ходу срывая со стен факелы один за другим. Он мчался во весь дух. Его мышцы, не знавшие праздности даже в те дни, когда он сидел на высоком троне Аквилонии, и сейчас еще могли потягаться с мускулами куда более молодых. Конан дышал тяжело, с хрипом выталкивая из себя воздух однако расстояние между ним и преследователями медленно, но неуклонно сокращалось. Коридор вновь раздвоился и на сей раз - о, чудо! - наверх вела узкая лестница, по которой едва бы смог пройти и один человек. Киммериец сбросил бесчувственное тело старика на ступени и развернулся лицом к нападающим. В перевитой жгутами мышц руке Конана тускло сверкнул верный испытанный меч.

Лестница была настолько узка, что атаковать киммерийца мог только один противник, остальным приходилось ждать своей "очереди". Здесь можно было продержаться довольно долго.

Шестеро или семеро воинов с длинными обсидиановыми кинжалами опрометчиво бросились было к лестнице. Взлетевший меч киммерийца легко отшиб в сторону каменный клинок и глубоко погрузился в грудь самому горячему или же самому смелому из

коричневокожих воителей. Брызгая в разные стороны кровью из глубокой и смертельной раны - ибо Конан, вытаскивая меч, еще и провернул клинок - умирающий воин свалился на каменный пол. Его товарищи спешно отскочили.

Конан начал медленно подниматься по лестнице. Левой рукой, слегка напрягшись, он подхватил тело старика и тут из медленно надвигавшейся толпы прозвучал, наконец, чей-то голос:

- Оставь его нам. Оставь его нам, чужеземец.

- Нет! - рявкнул в ответ киммериец, с трудом припоминая слова древнего наречия. - Не оставлю, пока не получу ответ - где мои друзья?..

Его тотчас же перебили, сразу множество голосов, так что разобрать слова стало почти невозможно:

- Их ведут к берегу. Их ведут к берегу, к жертвенному. Будет большая жертва. Громадная, невиданная в веках! Спустятся сами боги. Сами боги придут принять их души. Твои спутники станут счастливейшими из смертных. Нам эта участь закрыта. Нам она закрыта... Закрыта...

- Вы лжете! - во всю мощь своих легких гаркнул Конан. - Где их камера?!

- Мы не лжем. Не лжем, и проводим тебя туда, если ты хочешь. Проводим безоружными.

- Кидайте мне под ноги! - после мгновенного раздумья приказал Конан.

Целый град обсидиановых клинков полетел на камни; кинжалы звонко ударялись о ступеньки.

- Показывайте дорогу! - велел Конан. - И горе вам, если вы заведете меня в ловушку - меня могут убить, но вы тогда уж точно поляжете!

- Мы не обманываем, - зашелестело в ответ. - Ты волен идти куда хочешь. Мы не станем мешать тебе. Только отпусти нашего.

- Конечно, моим людям будут вспарывать животы, а вы говорите - иди куда хочешь! - взорвался Конан. - Ведите меня к пленникам, иначе, клянусь Кромом, я перережу глотку сперва этой старой развалине, а потом и всем вам!

- Мы поведем тебя куда ты скажешь, чужеземец, - ответили ему.

- Хорошо! Тогда все вперед, руки за голову, никому не оборачиваться и не пытаться бежать: за каждого удравшего прикончу кого-нибудь из оставшихся! Все ясно? Тогда марш вперед! К камере пленников!

Странная процессия тронулась. Впереди семенили разоруженные коричневокожие, их длинные острые уши потешно шевелились. Руки все они послушно держали за головами - и позади них с мечом наголо грозно шагал Конан, позывая колчугой. Он волочил на себе бесчувственного старикашку.

Киммериец ожидал увидеть нечто вроде грандиозного подземного лабиринта, однако они шли и шли все одним и тем же тоннелем, пока он не вывел их наконец к странному перекрестку, где спускавшаяся сверху розовая спиральная лестница (которая на самом деле лестницей не была, ибо не имела ступенек) сливалась с широким и высоким горизонтальным коридором, стены которого были выложены синим камнем. И тут Конан смог убедиться, что прислужники этого самого "навала" не лгали своему повелителю. Воздух был наполнен странными, диковинными и горьковатыми ароматами, совершенно незнакомыми Конану. По стенам догорали тысячи и тысячи крохотных разноцветных лучинок, источавших беловатый ароматный дымок. Тянулись бесконечные гирлянды причудливых морских цветов. Специальные слуги постоянно обрызгивали их водой. Пол

сверкал, надраенный до немыслимого блеска.

Остроухие пленники Конана честно выполнили свое слово - никто из них не попытался бежать, оказавшись на развилке. Не задерживаясь, вся процессия проследовала в "синий коридор", провожаемая равнодушными взорами опрыскивавших цветы слуг.

Тоннель привел к огромной круглой камере. Вход в нее перекрывала опускная решетка. На всем пути сюда Конан не заметил ни единого ответвления - если, конечно, считать, что в стенах подземелья не было ни одной потайной двери. Один из коричневокожих отпер решетку; она легко поднялась.

- Внутрь! - хрипло вырвалось у Конана. Его пленники послушно исполнили приказ.

Киммериец шагнул следом, предварительно ударом эфеса согнув болт замка на решетке так, чтобы ее теперь невозможно было бы запереть.

- Пленники были здесь, - сказал ему кто-то из толпы.

Конан и сам видел, что это - правда. Тут и там на каменном полу валялись вещи его людей. Некоторые из них были амулетами, добыть которые можно было лишь и в самом деле пленив команду "Крылатого Дракона". Киммериец бережно подобрал кусочек оправленного в металл почерневшего дерева - его ванир Сигурд взял с собой, навсегда уходя с родного пепелища. Железная цепочка, на которой рыжебородый всегда носил свой оберег, была перекусена, верно, при помощи больших щипцов. Да, пленники не солгали. Его команда была здесь - но тогда где же они сейчас?!

- Куда их перевели?! - забыв об осторожности, взревел Конан, глаза его блеснули столь дикой и первобытной ненавистью, что коричневокожие в испуге отшатнулись.

- На берег моря, - раздалось в ответ. - На берег, к Великому камню. Там их души сольются с истинными богами. Об этом знают все, чужеземец. Ты тоже можешь пойти туда.

Киммериец в бешенстве огляделся по сторонам. Если все его товарищи попали в плен, то почему с ним так бережно обращаются? "Ты тоже можешь пойти туда..." Они что, боятся честной схватки с ним лицом к лицу?

- Ведите меня туда, где сейчас мои люди, - приказал Конан.

- Хорошо, чужеземец, - ответили ему. Коричневокожие расступились. В противоположной от входа стене киммериец увидел еще одну решетчатую дверь. За ней вдаль уходил еще один коридор.

Старик, которого тащил киммериец, стал мало-помалу приходить в себя. Он приоткрыл глаза и застонал, хватаясь за горло.

- Кому ты передал, что я прошел шахту?! - не давая ему опомниться, прорычал Конан.

В странных желтовато-мутных глазах старика был хорошо знакомый киммерийцу страх. Меч Конана приблизился к груди пленника, и тот поспешил заговорить, трясясь от ужаса и брызгая слюной из беззубого рта.

- Я передал весть великому сокрушающему рогами тьму... великому навалу нашего народа...

- Зачем он следит за мной? Почему никто не нападает, если твоему навалу становится известен каждый мой шаг?!

По рядам замерших возле открытой двери коричневокожих пробежало легкое движение, - и они вновь замерли, словно бы в испуге ожидая чего-то...

Старик с отчаянием покосился в сторону своих соплеменников; Конану казалось, что того терзают одновременно и страх смерти от нависшего над грудью меча - и страх выдать некую тайну своего рода, после чего, быть может, его предадут лютой смерти.

- Отвечай! - напирал Конан. Краем глаза он постоянно посматривал на своих коричневокожих пленников, потому что сейчас они имели самый удобный момент для нападения. Броситься всем вместе, смять, опрокинуть, вырваться на свободу... Однако обитатели подземелей лишь молча переглядывались, словно бы разом лишившись и сил, и мужества.

Острое лезвие клинка неумолимо приближалось к сердцу старика. Как ни претило киммерийцу подобное занятие, иного выхода у него не оставалось. Либо этот старик заговорит - либо погибнут все доверившиеся ему, Конану, люди "Крылатого Дракона".

Старческое лицо жалко и жалобно сморщилось, из тусклых глаз потекли слезы - однако он продолжал молчать.

- Отчего ты не хочешь пойти с нами, чужеземец? - внезапно раздался голос кого-то из пленников. - Ты жаждешь освободить своих. Мы хотим освободить своего. Дай нам слово, что ты отпустишь нашего - и мы проведем тебя к алтарю и, клянемся всеми истинными богами, не станем чинить тебе никаких преград.

- Не станете чинить никаких преград?! - вскинулся Конан, не отводя, однако, меча от груди старика. - То есть ваши навалы или как их там... позволят мне беспрепятственно увести всех моих людей обратно на корабль?!

- Нет, - раздался ответный вздох. - Они станут препятствовать тебе всеми силами. Но, пока ты не окажешься там, тебе ничто не угрожает. Таков наш закон. Отпусти же нашего!

- Вы все - мои заложники! - проревел Конан, вставая. - Ведите меня к этому алтарю - и, клянусь моим богом, Кромом Жестоким, ни один из вас не уцелеет, если вы заведете меня в ловушку!

- Скорее мы все будем извергнуты из лона истинных богов (Конан не слишком понял смысл этой фразы), чем обманем тебя, чужеземец!

И они двинулись дальше, прежним порядком - впереди молодые пленники, а за ними Конан, рядом с которым ковылял всхлипывающий время от времени старики. Киммериец был постоянно начеку, памятуя весьма удачно закрывшиеся каменные створки в этом храме - однако пока все оставалось спокойно. Тщательно прибранный, разукрашенный разноцветными гирляндами цветов и нарядными причудливыми фонариками, широкий тоннель вел слегка вверх, не раздваиваясь и не сворачивая. Навстречу им не попадалось ни одной живой души.

- Когда начнется жертвоприношение, отвечайте! - потребовал киммериец.

- Оно еще не началось, - ответили ему из толпы. - Шестьсот шестьдесят шесть чародеев творят благоприятственные заклятия, а когда они закончат, никто не сможет сказать, даже великий вспарывающий рогами Тьму.

Конану пришлось удовольствоваться этим ответом.

Странный отряд шел и шел вперед, сперва по простым серым плитам, затем - по причудливо чередующимся черным и белым полированным многоугольникам и, наконец, под ногами у Конана оказался настоящий каменный ковер многоцветных виртуозно выполненных мозаик. Здесь к главному тоннелю начали со всех сторон присоединяться боковые, более узкие коридоры: стало ясно, что киммериец оказался в самом сердце грандиозного подземного дворца.

Глава 3.

КАМЕНЬ СУДЕБ

Коричневокожие пленики, что вели киммерийца по тоннелям и переходам удивительного лабиринта, честно выполнили свое слово. Невиданная роскошь прекрасных покоев осталась позади: золото и горный хрусталь, огромные малахитовые глыбы, уходящие во тьму наверху витые колонны, тяжелые драпировки из мягко искрящихся, ниспадающих подобно водопадам тканей, благовонные курительницы - все подобное Конан видел и в других дворцах гиборийских владык, но только здесь каждый дюйм пола, потолка и стен был законченным произведением искусства громадной ценности и великолепия. В глазах рябило от умело подобранных самоцветов - несмотря на их число, было ясно, что сдвинь или убери хоть один - и разрушится вся великолепная картина. И по-прежнему ни одной лестницы, только пологие, шероховатые на ощупь подъемы или спуски.

А потом вся эта роскошь внезапно кончилась и в глаза Конану ударил яркий дневной свет. Он стоял на верхнем гребне невесть откуда взявшейся котловины. Местность разительно изменилась за те несколько часов, что он провел в подземельях коричневокожего народа. Бухта, правда, осталась на месте, и ничего не случилось с "Крылатым Драконом", однако девственные джунгли исчезли, словно их тут никогда и не было. Все склоны котловины покрывала толпа коричневокожих созданий, стоявших тесно друг к другу: неисчислимое море голов смотрело в сторону моря, где возле самой кромки воды высился громадный блистающий Камень.

Он имел высоту не менее трех человеческих ростов, столько же в ширину и не менее десятка в длину. Камень не имел определенного цвета, он полыхал мрачными чернобагровыми сполохами; время от времени на его неровной поверхности беззвучно мелькали ярко-желтые молнии. Сонмище коричневокожих, точно завороженное, следило за игрой световых пятен на необработанных боках Камня. Вершина его, однако, была выровнена, туда вела широкая деревянная лестница, а подле нее, на небольшом песчаном пятаке, Конан увидел окруженных стражниками пиратов. Все его люди были крепко-накрепко скованы толстыми и короткими цепями, так что едва могли передвигаться; руки каждого были соединены кандалами за спиной.

На вершине самого камня стояло примерно десять или около того коричневокожих, раздетых в невероятно богатые одежды, отливавшие всеми цветами радуги. В руках каждый из них сжимал длинный изогнутый серп.

Камень окружала целая толпа бормочущих, извивающихся, жестикулирующих местных обитателей. Очевидно, это и были те шестьсот шестьдесят шесть колдунов, что творили благоприятственные заклинания; судя по всему, колдовство было в самом разгаре и заканчивать они его пока не собирались.

Приведшие киммерийца пленики молча расступились.

- Мы исполнили обещанное, чужеземец. Отпусти теперь и ты нашего - после чего судьба твоя да решится милосердием истинных богов!

Конан оттолкнул старика и тотчас же выхватил меч из ножен. Самым разумным, конечно, было бы обогнуть сейчас этот грандиозный амфитеатр, зайти в воду и незамеченным подплыть к пленикам, но... его уже заметили. Тысячи тысяч глаз уже

обратились на него; однако никто не попытался напасть, напротив, коричневокожие зрители расступались, давая дорогу; спустя считанные секунды перед Конаном открылся достаточно широкий и свободный проход до самого Камня.

"Может, они хотят таким образом заставить меня самого подойти к их жертвеннику? - мелькнуло в голове киммерийца. - Но ведь чтобы сковать меня, им все равно придется сразиться - так не все ли равно, где? Или там за меня примутся их колдуны?!"

Однако выбирать не приходилось. Конан увидел, как первого из его людей потащили по приставленной к алтарю лестнице; пленник едва мог передвигать ноги и четверо стражников почти несли его на руках.

- Кром! - взревел Конан, бросаясь вниз. Ветер упруго ударил в лицо; все вернулось, все стало вновь как в прежние счастливые дни - упоение боем, жажда вражеской крови и всепобеждающая убежденность в собственной неуязвимости. Киммериец громадными прыжками мчался вниз по крутым склонам амфитеатра; никто даже не попытался воспрепятствовать ему.

Коричневые тела по сторонам мелькали, сливаясь в сплошную полосу; там же, у Камня, все оставалось по-прежнему. Никто не обратил внимания на яростный порыв киммерийца - словно все от него только этого и ждали. Точно так же извивались и корчились заклинатели, точно так же неподвижно стояла стража, не сводя бдительных взглядов со скованных пленников; группа коричневокожих на вершине Камня совершила какие-то медленные и плавные пассы руками, даже не повернув голов в сторону несущегося на них подобно дикому вепрю киммерийца.

Зато окруженные и уже почти лишившиеся надежды пираты взорвались хриплыми восторженными голосами. Их капитан, Амра, Лев, истинный вождь, вновь шел к ним на помощь; ряды людей заволновались, самые отважные пытались хотя бы плечами оттолкнуть наставивших на них копья стражников.

- Я иду! - прогремел над замершим амфитеатром громовой возглас Конана; некогда уже было думать, почему все получилось именно так, а не иначе, и не кроется ли здесь хитроумной ловушки - самого первого из пленников уже растягивали на поверхности камня и жрецы заносили над ним длинные обсидиановые кинжалы. У Конана оставались считанные секунды.

И он успел, пролетев последние футы подобно пущенному из пращи камню. Он подумал, что охрана попытается преградить ему путь; однако стражники расступились перед ним, не выказывая никакого желания ввязываться в драку; и киммериец решил оставить их на потом, главным сейчас было спасти того несчастного, что уже попрощался с жизнью под занесенным над его горлом - но пока не опустившимся! - жертвенным ножом.

Киммериец как вихрь взлетел вверх по лестнице. Казалось, ему вновь двадцать, а не шестьдесят; и он оказался лицом к лицу с теми, кого про себя назвал "верховными жрецами". Они все разом повернулись к нему; и на их странных, не слишком-то похожих на человеческие физиономиях появились настолько демонические, настолько жуткие усмешки наивысшего торжества, что киммерийца на миг словно бы окатило волной ледяного ужаса - если они так радуются - не попался ли Конан им на крючок?!

Однако в тот же момент он отбросил эти непрошенные мысли. Нужно было сражаться; и меч Конана пропел привычную и злую песнь атаки.

Раскрученное искушенной в битвах рукой тяжелое лезвие с размаху обрушилось на подставленный обсидиановый клинок и разнесло его вдребезги; правда, при этом отклонился

и меч. Жреца же едва не опрокинуло и он еле-еле удержался на ногах; однако слева и справа на киммерийца бросились еще двое разодетых противников. Сверкнул в длинном выпаде обсидиан; сталь меча в руке Конана отразила выпад. Вновь брызнули острые обсидиановые осколки - однако киммериец уже вторично не успел нанести последний удар, поскольку пришлось отражать новый выпад. Длинные и смертоносно-острые клинки его врагов не выдерживали столкновений с отлично прокованной сталью; однако в руках жрецов, точно по волшебству, появлялись новые и новые.

Киммерийцу пришлось признать, что его противники сражались очень умело. Они нападали согласованно, никто не мешал соратнику, выпады следовали один за другим и каждый из них был смертельным. Конан, защищаясь, отступал шаг за шагом, рассчитывая оказаться возле края камня и там, уже не имея опасности из-за спины, перейти от обороны к наступлению.

Его план вполне удался. Добравшись невредимым до одного из углов Камня, киммериец почувствовал себя гораздо увереннее. Хотя дыхание уже начинало сбиваться и руки малопомалу тяжелели, он еще мог сражаться.

И приветствовавшие каждое его движение дружным ревом пираты увидели, как Амра внезапным и ловким финтом заставил жрецов броситься, очертя голову, на казавшийся открытым бок киммерийца; и как мощное тело Льва неожиданно извернулось и тяжелый широкий меч в его руке развалил тело врага надвое, пройдясь от плеча до пояса.

- Первый! - взревел Конан, опьяняясь пролитой кровью. Сейчас, сейчас, вот еще один, глупец, как он замахивается, всем же ясно, куда ты собрался бить, смертник, ну вот, твой кинжал раздроблен, а меч уже легко скользит вдоль бесполезного каменного огрызка, оставшегося в твоей руке, и вонзается, куда и было намечено, в основание шеи...

Когда упало третье тело со снесенной напрочь головой, Конан уже не сомневался в победе. Никто не пытался помочь жрецам; что ж, быть может, это запрещено какими-нибудь местными дурацкими законами, а нам это только на руку!

Против Конана оставалось теперь лишь семеро жрецов, однако теперь они нападали явно осторожнее. Так... следующим вот этого, самого шустройго... ага, ты уже замахиваешься... ну кто же так атакует, самоубийца!!!

Совсем молодой жрец с выкаченными безумными глазами с визгом кинулся на Конана, забыв и думать о защите; клинок киммерийца пронзил смертника насквозь, однако последнее судорожное движение умирающего еще глубже насадило его собственное тело на страшный вертел в руке Конана, а коричневая кисть, сжимавшая длинный жертвенный нож, все же дотянулась до киммерийца. На горле варвара заалела длинная, но неглубокая царапина.

Она ни в малейшей степени не угрожала жизни: Конан получал их без счета и мимоходом даже подивился, стоило ли его врагу так бездарно отдавать жизнь за никчемную отметину - подумаешь, несколько капель крови!..

Несколько этих самых капель крови скатились по мощной груди Конана и, сорвавшись, упали на полыхавшую по-прежнему поверхность Камня.

В тот же миг жрецы, как по команде, отскочили от киммерийца, разом упав на колени и молитвенно воздев руки. По Камню же от того места, где его коснулись алые капли, начали стремительно разбегаться ослепительно-белые круги, настолько яркие, что на них не возможно было смотреть; в сознание Конана ворвался торжествующе-исступленный вой многих и многих тысяч голосов, в котором утонули крики пиратов с "Крылатого Дракона".

Все бессчетное сонмище коричневокожих остроухих зрителей непонятного и кровавого спектакля выло, вопило и визжало в безумном упоении, словно наконец-то свершилось нечто, ожидаемое столь давно, что об этом уже почти все забыли...

Жрецы хором затянули что-то протяжно-заунывное, раскачиваясь, как в трансе; ничего не понимавший в происходящем киммериец уже шагнул вперед, чтобы разом покончить с этими безумцами - однако мир вокруг него в этот миг начал стремительно меняться. Дневной свет померк; со всех сторон, нарастаая, надвигался низкий громовой рым, а затем Конану показалось, что земля под ослепительно-белым Камнем Судеб разверзлась и они все летят вниз, в неведомые бездны; вверх взметнулись серые каменные стены, сложенные из громадных необработанных блоков, очень напоминавшие внутренности того Храма, куда они с командой попали вчера и отыскали скрытую под алтарем сокровищницу.

А потом внезапно грянул тяжкий, сотрясший все вокруг удар; даже Конан не смог удержаться на ногах, распластавшись на горячей поверхности Камня.

Теперь они вроде бы стояли прочно; однако оказалось, что Конан остался в полном одиночестве - и коленопреклоненные жрецы, и уже приготовленный к закланию пират исчезли. Киммерийца на краткое время окружила непроглядная тьма - а затем ее внезапно прорезали колючие лучи бледно-розового цвета. Конан невольно повернул голову - среди тьмы горела бледная светящаяся розовым арка, из-под которой одна за другой появлялись какие-то призрачные фигуры - люди, великаны, карлики, крылатые львы, чудища с головой орла и туловищем пантеры, с широкими коричневыми крыльями; громадные змеи, свившиеся в клубок, и притом ловко сжимающие петлями своего тела длинные мечи и копья с кроваво-красными пылающими наконечниками... И все они шли мимо полыхающего камня, словно мимо путеводного маяка, делая все, как один, поворот возле него и направляясь куда-то вверх...

Шествие продолжалось довольно долго: не меньше пяти десятков причудливых созданий миновало замершего киммерийца: и было не понять - видит ли он перед собой созданий из плоти и крови, или же странных духов, а, быть может, все это ему и вовсе снится?! Камень, казалось, плавает в черном океане пустоты; лестница исчезла вместе со жрецами.

Киммериец с яростью ударил себя кулаком по колену. Чародейство! И он снова угодил в хитроумно расставленную ловушку! Проклятье, теперь-то ясно, почему эти коричневые твари беспрепятственно дали ему добраться до зачарованного камня! Ясно, почему никто не смел заступить ему путь, пока он не оказался на месте! Им нужна была его, Конана, кровь.

Верно, только она могла разомкнуть некую волшебную цепь, высвободить из заточения давным-давно лежавшие скованными силы... И затем - двинуть их... куда? К какой цели?

Киммериец не мог, разумеется, объяснить, каким был - в деталях механизм свершившегося волшебства, почему именно его кровь нужна была Камню Судеб - да теперь это, в сущности, было уже совершенно неважно. Он провалился в какие-то неведомые преисподние... и все же надежда еще не покинула его.

Киммерийцы с молоком матери впитывают умение карабкаться по отвесным скалам и спускаться по гладким кручам, где даже изощренный глаз не сможет найти за что уцепиться: за годы эта способность Конана не притупилась. И, хотя пальцы лишились части их былой силы и ловкости, он без особых трудностей спустился по отвесному боку камня... и нога его провалилась в пустоту. Камень словно плавал в воздухе, поддерживаемый невидимыми колдовскими нитями; дороги с зачарованного острова не было.

Конан подобрал валявшийся на поверхности Камня небольшой осколок обсидианового клинка, швырнул его вниз - и так и не дождался звука падения. То ли пропасть внизу и вправду оказалась бездонной, то ли волшебство лишило его слух остроты; но, так или иначе, прыжок наугад в чернильную темноту мог означать быструю смерть.

И все же иного выхода у Конана не оставалось. Либо он прыгнет.. либо останется ждать на этом камне - чего?

Киммерийцем овладело отчаяние. Это, как он считал, постыдное и недостойное мужчины чувство накатывало на него лишь считанные разы за всю его долгую жизнь; и никогда еще оно не было столь черным и доводящим до безумия, как в те часы. Из любой земной темницы, даже самой глубокой и тщательно охраняемой, он сумел бы выбраться; но бежать отсюда?!

- Кром, о Кром, помоги мне, - прошептал киммериец, прижимаясь пылающим лбом к холодной поверхности коварного камня. - Кром, могучий Кром, если мой черед настал - не дай мне сгинуть столь бесславной и позорной смертью!

Безумием было ждать ответа, однако киммериец внезапно приподнял голову - ему почудились легкие, негромкие шаги в окружающем мраке.

Бледно-розовые врата тем временем угасли; камень окружала сплошная завеса непроглядной темноты. Конан знал - там нет ничего, кроме Тьмы и Пустоты; однако он не мог ошибиться - кто-то быстро и уверенно шел к камню.

И потому он даже не удивился, когда на краю белоснежной глыбы появилась высокая фигура, облаченная в грубошерстяной плащ - точь-в-точь такой же, что носил в свое время подростком и сам Конан; плащ, который умели ткать только женщины горных киммерийских кланов.

Пришелец был высок, мощен телом, широкоплеч, черноус; из-под высокого шлема на плечи ниспадали прямые, черные волосы, длинные пушистые усы спускались почти до груди; а под самым обрезом стального шишака на замершего Конана смотрели ярко-синие глубоко посаженные глаза. Могучие руки сжимали толстую окованную железом рукоять боевого киммерийского топора, украшенного благородными зазубринами - памятью о бесчисленных и тяжелых схватках; на ногах надеты были простые кожаные сандалии.

- Твой призыв услышан, Конан из Киммерии, - голосом, глубоким и звучным, словно эхо в горном ущелье, пророкотал пришелец. - Твой отец, владыка племен Киммерии, кого ты именуешь Кромом, доволен самым лучшим из своих сыновей. Я послан от него к тебе. Встань же, тебе не пристало слушать чью бы то ни было речь, валяясь на брюхе!

Конан поднялся, с трудом веря своим глазам и ушам. Перед ним стоял воин, в котором не было ничего потустороннего или призрачного; однако же от него исходила такая сила, что без боя заставила бы согнуться перед ним самых лучших земных воителей. Синие глаза смотрели требовательно и грозно; да, это был сам воинственный дух неукротимой страны, так и не покорившейся никому из многочисленных захватчиков.

- Я слушаю тебя, посланец моего повелителя!

- Ты слишком долго прожил на раболепствующем перед своими богами бессильном юге, - неодобрительно покачал головой пришелец. - Кром не повелитель ни тебе, ни мне. Он наш отец. Мы - его сыновья и наши деяния приносят ему те же радость или горе, что и дела смертных сыновей смертному отцу. Кром прислал меня к тебе с такими словами:

"Славный путь прошел ты, о Конан, и не ведал на нем поражений от вражьего оружия. И досада, и позор, и поношение выпадут мне, если потерпишь ты поражение на сей раз. И

потому я, ваш отец, предлагаю тебе такой выбор или ты останешься здесь, на чародейском камне, напоенном чарами злобных и лживых древних божеств, чьи силы неясны и неподвластны мне - либо я дам тебе шанс освободить твоих людей, но взамен этого ты, одержав победу, должен будешь прийти ко мне - навсегда. Ибо давно уже готово у меня почетное, предназначено тебе место - по правую руку от моего трона, в зале, где собираются славные мужи Киммерии, покрывшие себя славой в разные годы и в разных битвах. Согласен ли ты встретить конец, достойный мужчины?"

- Таковы были слова нашего Отца, Конан из Киммерии. Теперь решать предстоит тебе, - закончив свою речь, странный пришелец умолк; глубокая и мертвенная тишина затопила темное иномирье. Посланец Крома молча ждал.

- Я не торгуюсь, - хрипло промолвил Конан. - Великий Кром, наш Отец, дал мне счастье умереть так, как и должно мужчине. Я принимаю его второе предложение!

- Я и не ждал другого, - в голосе посланца слышались разом и торжество, и гордость. - Я знал, что ты не бросишь своих людей. Что ж, киммериец, готовясь к своему последнему бою!

- Я готов, - спокойно ответил Конан. - Но позволь же и мне спросить: ведомо ли тебе, что произошло здесь? Что вообще произошло с нами, как мы очутились здесь?

- Как вы попали в это недоброе место - мне неведомо, - ответил посланец, совсем по-человечески подкручивая ус. - Знаю лишь, что эти владения очень-очень древнего народа, иной, чем мы, люди, расы. Они поклонялись странным богам... которые ныне дремлют где-то в безвестных провалах пространств и времен. Когда-то здешние хозяева держали в рабстве лемурийцев, потом те восстали и перебили былых хозяев. Большая часть уцелевших от мести ушла на запад - но некоторые, наиболее приверженные былой вере, остались здесь и блудут первозданную чистоту расы. Их чародейство пока еще весьма сильно; но для того, чтобы вдохнуть новую силу в своих богов, им нужна горячая кровь жертв, а прежде всего - твоя кровь, о Конан из Киммерии. Ты отмечен особым благорасположением небожителей: если бы не ты, им не удалось бы справиться с ужасным исчадием мрака, вечноголодным Хотли. Только твоя кровь, капнувшая на камень Судеб, могла открыть дорогу в наш мир мрачным богам пленившего твоих людей народа. Ты, наверное, видел розовую арку, пока находился здесь? Это были Врата в их потайное обиталище. Ныне они широко распахнуты: сила Камня Судеб дает им возможность проникнуть в привычные нам с тобой земли. А после того, как вокруг алтаря соберутся все вышедшие из небытия старые боги - вокруг того самого небольшого жертвенника, под которым была запрятана хитроумная приманка - сокровищница и потайной ход-ловушка, боги станут сильны. Именно там - главная святыня этого народа, что происходит от расы более древней, нежели человеческая. Именно там должно совершиться жертвоприношение твоего отряда, Конан из Киммерии, после чего старые боги обретут немалые силы - и даже смогут угрожать тем, кто ныне владеет небесными чертогами - Асуре, Митре и даже нашему Отцу, великому Крому.

- Но почему же, если моя кровь так важна для них, они не пытались попросту схватить меня и перерезать мне глотку на этом их Камне Судеб?! Они ведь не мешали мне ни в чем!

- Да, и в этом-то и скрыта главная хитрость чародейства Камня Судеб. Только в том случае смог бы он открыть Розовые Врата, если бы на него пролилась кровь Конана из Киммерии, но - взошедшего на алтарь добровольно. Притащи они тебя туда связанным и выпусти после этого хоть всю твою кровь ничего бы не случилось. Они страшно рисковали, конечно же; но пока что их расчеты оправдываются.

- Так вот оно в чем дело! - хлопнул себя по лбу киммериец. - А я-то ломал голову, отчего

это они так передо мной расступаются?! Но все-таки отчего это так: я - да и взойти добровольно?

- Сии высокие материи мне неведомы, - признался черноусый посланец. Силы, сотворившие Камень Судеб в невообразимо далеких веках, в затерянных безднах времени, для чего-то поставили такое условие. Впрочем, так ли это важно теперь? То, что свершилось - свершилось; надо смотреть вперед, а не оглядываться назад!

- Ты прав, о посланец Крома, - ответил киммериец. - Я готов последовать за тобой. И если мне суждено пасть - что ж, постараюсь захватить с собой побольше этих коричневых бестий и их бесноватых божков!

Глаза Конана вновь горели былым бойцовским огнем; рука крепко сжимала железную рукоять меча, словно он боялся, что в последнюю минуту оружие откажется повиноваться ему, убоявшись божественной силы его противников...

- Не горячись, - осторегающе вытянул руку посланец Крома. - Бой будет нелегким. Подступы к Храму и алтарю стерегут могущественные силы, получившие свободу благодаря твоей капле крови, пролитой на Камне Судеб. В одиночку тебе с ними не справиться. Твой меч - обычный меч из выкованной человеческими руками стали. Тебе нужны надежные спутники - так решил Кром, наш Отец. На этот день мне дарована большая власть - и я вызову из-за грани Серых Земель, из страны непобедимой смерти тех, кто сможет помочь тебе твоих друзей, надежных и бесстрашных воинов. Соединив ваши силы, вы сможете сразиться и с облечеными в плоть, и с бестелесными противниками.

- Ты хочешь... вызвать в наш мир мертвых?! - Конану стало не по себе.

- Конечно. А почему же нет? Все они были благородными воителями; исполнив возложенное на них, они смогут оказаться в более благоприятных областях посмертия...

- А что, бывает разное? - не удержался от вопроса Конан.

- Бывает, - с самым серьезным видом кивнул головой посланец. - Но наша с тобой речь сейчас не об этом. Вспомни, кого бы ты хотел видеть сейчас рядом с собой! Сосредоточься, думай о них - этим ты поможешь мне разорвать тенета их темниц.

Конан медленно закрыл глаза. Память услужливо воскресила перед его мысленным взором длинную галерею лиц. Здесь были и живые и мертвые. Троцеро, Просперо, Паллантид, командир "черных драконов"... чернокожий великан Юма, одноглазый Ордо... отважный Бальтус с верным псом Рубакой..." Но остальные... остальные... стоп, они-то почти все наверняка живы!

Только теперь киммериец внезапно понял, что ему некого позвать на помощь. Лишь двое - Троцеро и Бальтус. Остальные были либо отборными негодяями, но зато мертвыми, другие - прекрасными и преданными Конану людьми - но живыми.

- Ты готов? - возвысил голос посланник Крома. "Еще нет!" - хотелось выкрикнуть Конану; однако его губы внезапно отказались повиноваться и с них невесть отчего сорвалось: да.

Посланец молча кивнул и, прежде чем Конан успел остановить его, вскинул правую руку с зажатым в ней топором.

- Великий Кром, бог воинов и мужей, пришло время открыть наши ворота!

С лезвия топора вниз потекли бесчисленные серебристые струйки, тонкие, словно паутина. Их становилось все больше и больше, их концы уже начинали свешиваться с Камня, опускаясь вниз, в бездонный и таинственный провал.

Конану показалось, что посланец Крома выглядит несколько удивленным; похоже было,

что он ожидал чего-то совершенно иного. Тем не менее, топор его поднялся вновь; полились ритмические созвучия непонятных заклинаний.

Конан не понимал ни слова в странной речи, однако в сознании независимо от его собственной воли стали возникать причудливые видения: смутные фигуры в роскошных доспехах поднимались с разубранных лож, отбрасывая в сторону окутывавшие их серожемчужные покровы. Мускулистые руки тянулись к сложенному возле изголовий узорчатому оружию; надевались высокие, украшенные пышными плюмажами шлемы. Однако лица их оставались скрыты густыми тенями.

Глаза Конана открылись точно сами собой. Видения исчезли без следа; а в окружавшей Камень Судеб тьме вновь возникли ворота, только на сей раз не бледно-розовые, а ярко-алые, словно только что пролитая кровь. Дорожка из багряных плит протянулась прямо от распахнутых среди мрака ворот до края Камня; и по ней одна за другой двигались бледные, закутанные в плащи из серого сумрака тени.

- Что это?! - вдруг услыхал киммериец потрясенный шепот посланца.

Невольно Конан поднял голову и взгляделся попристальнее; и тут он увидел, что по призрачной дорожке к нему неспешно шествуют женщины. Его женщины. Каждую из них он знал; с каждой были связаны до сих пор бередящие душу воспоминания. Но, во имя Крома, откуда они взялись здесь?!

Впереди всех грациозным, полным истинно королевского достоинства шагом шла великолепная Белит, Королева Черного Побережья, как ее называли порой среди бархарских пиратов. За ней - полногрудая, рыжеволосая Карела. Рыжий Ястреб кезанкийских степей. Следом - Испарана Замбулийская, гордо несшая потрясающую гриву иссиня-черных волос. Четвертой была Раина, Раина Смертоносная, столь же опасная в бою, сколь и неотразимая. И, наконец, шествие замыкала Валерия, погибшая от ядовитой стрелы Тулса Дуума.

- Кром! - прошептал Конан. Никогда, даже в самом страшном сне, не мог он представить себе, что случится, если эти пятеро соберутся вместе! С разных краев хайборийских земель они мелькнули стремительнымиискрами в жизни Конана - и кто погиб, как Белит, кто исчез; больше он никогда не слышал ничего о них.

Значит, все они мертвы... и, судя по их виду, они погибли молодыми. Белит и Валерия расстались с жизнью на руках у Конана; о судьбе же остальных он не знал.

Фигуры приближались. Женщины шли, словно сомнамбулы, ничего не замечая вокруг себя; тела их были полупрозрачны, однако с каждым шагом эта призрачность становилась все менее и менее заметной; шествующие духи на глазах одевались плотью. Каждая из появившихся одета была по-своему: на Белит лишь узкая набедренная повязка, в руке - длинный изогнутый меч; рыжая Карела, напротив, была облечена в полный доспех - кольчуга, шлем, поручни, поножи и верная кривая сабля, памятная Конану еще по походу к замку Аманара. Испарана, казалось, только что сошла с пиршественного ложа - на ней были роскошные, шитые золотом и жемчугом просторные темно-малиновые одежды; однако руки сжимали верный симитар. Раина, сероглазая, в коричневой простой тунике из тонкой шерсти, на первый взгляд казалась безоружной, но Конан хорошо помнил ее скрытые смертоносные кинжалы.

Последней шла Валерия, и она была попросту нага; в опущенной правой руке висела короткая и шипастая боевая цепь - оружие, которого он раньше у нее ни когда не видел.

- Что это, во имя Крома! - с гневным удивлением воскликнул вдруг посланец. Он с недоумением глядел на странную процессию; вид у него был при этом крайне растерянный. -

Что случилось, хотел бы я знать?

- Пошло не так, как надо? - осведомился Конан; он уже взирал на процессию с видом приговоренного к смерти фаталиста, смирившегося со своей судьбой. С таким отрядом много не навоюешь.

- Не так, не так, клянусь Рукой Эрлика! - брови посланца гневно сошлись. - Не тех, вовсе не тех вызывали мои заклятия: и совершенно не подобной должна была явиться к тебе помощь! Ты знаешь их, Конан?

- Знаю, - кивнул головой киммериец, скрещивая руки на груди. - Я любил их всех... в разные годы и в разных странах. Они никогда не знали друг о друге. Они никогда не встречались. И я не знаю, что станет с ними теперь, когда они все сойдутся лицом к лицу!

Внешне Конан казался совершенно спокойным, однако кто из мужчин может сохранить подобное спокойствие, увидав идущей навстречу свою первую любовь, женщину, чьи огненные ласки он не смог забыть до конца своих дней, он, обнимавший после нее десятки и сотни красавиц? Ведь это была Белит! А разве хуже ее Карела, отчаянный Рыжий Ястреб, готовая убить и его и себя, лишь бы он не достался сопернице? Или Испарана? Или Раина? Или Валерия, с которой Конан вдвоем укрывался на скале от своры троллей?

Сердце Конана билось часто и сильно, едва не выпрыгивая из груди; и с невольной горечью он подумал о собственной седине, так не вяжущейся с роскошными кудрями его воскресших былых возлюбленных.

- Но я же звал совсем не их! - продолжал упрямко повторять посланец Крома. - Откуда они здесь взялись? Чье это злое чародейство, помоги мне Кром?!

Белит первой дошла до края Камня Судеб. И, верно, в тот же момент у нее открылись глаза или с них спала некая пелена - она увидела Конана.

- Всемогущие боги, это ты! - прошептала она, глядя на киммерийца в упор постепенно расширяющимися глазами. - Что с нами случилось? Где мы?..

- Клянусь грудями Дэркето! - послышался возглас Карелы, прежде чем Конан успел ответить Белит, - Конан!

Белит обернулась стремительно, точно пантера, заслыпавшая шорох оленя в чаще.

- А это что еще такое? - прошипела она и голос ее не предвещал Рыжему Ястребу ничего хорошего. - Что это тебе от него потребовалось?!

Карела тотчас же показала когти.

- Ах ты, драная помоечная кошка, не вздумай тянуть к нему свои грязные лапы! - взвизнула она, без долгих колебаний хватаясь за меч. - Защищайся, не то я сейчас малость подпорчу твое драгоценное лицико!

Белит не успела ответить; Испарана, Раина и Валерия тоже оказались на Камне; раздался целый хор охов, ахов, вздохов и восклицаний.

- Конан! Конан! Конан! - неслось на разные лады со всех сторон. Казалось, что посланца Крома вообще никто не заметил.

- Тихо все! - внезапно взревел тот, высоко вскидывая свой боевой топор. - Во имя могучего Крома, пославшего меня сюда - что все это значит?! Вы, вышедшие из Серых Стран Смерти - как смогли вы оказаться здесь?! Мои заклятия призывали совсем не вас - и, вдобавок, не облеченные в тела!

- Тебе что, не нравится та плоть, в которую я, как ты выразился, облечена? - гордо подбоченясь, с презрением бросила посланцу бога Белит.

Сейчас она и вправду была чудо как хороша. Каждый изгиб ее молодого тела дышал

силой и неистовой чувственностью. Кончики высоко поднятых упругих грудей были направлены на посланца, словно остряя копий; крутое бедро соблазнительно выгнуто, полные губы полуоткрыты и чуть высунутый язычок медленно прохаживается то вправо, то влево, лишний раз облизывая ослепительно белые зеркальца безупречных зубов. Она вроде бы позабыла даже о ссоре с Карелой.

И тут оказалось, что и посланцы богов, давно ушедшие из мира смертных в высокие подзвездные чертоги, несмотря ни на что, сохраняют память о своем земном бытие. Бледные щеки посланца залила густая краска, словно был он робким пятнадцатилетним юношей, впервые оказавшимся у постели многоопытной куртизанки...

Остальные женщины на мгновение затихли, напряженно наблюдая за этим словесным поединком.

- Никто и не говорит, что тело твое плохо, о добыча Серой страны, жестче, чем следовало бы, отрезал посланец, словно устыдившись своего смущения и теперь пытаясь скрыть его за показной грубостью. - Суть в том, что вы не сможете помочь киммерийцу Конану в день его последнего боя так, как смогли бы те, кого я вызывал вместо вас!

- Это кто ж такие? - насмешливо поинтересовалась Испарана.

- Его друзья, - ответил посланец. - Его друзья, ныне волею могучего Крома ставшие духами и могущие теперь сразиться не только с противниками из плоти и крови, но и с бестелесными!

- Мы справимся не хуже! - вспыхнула Карела.

- Что нам теперь какие-то демоны! - вторила ей Валерия.

- Мы мертвы - так чего нам бояться? - подала голос и молчавшая Раина.

- Я могу сражаться куда лучше каких-то там духов! - гордо бросила Испарана. - И, хотя этот обманщик и похотливый воришко не заслуживает моей благосклонности...

- Как ты, тварь, назвала его?!! - разом вскричали все остальные женщины, явно намереваясь вцепиться Испаране в волосы.

- Как же мне называть его? Он был моим любовником!

- Но и моим! И моим тоже! - раздалось со всех сторон.

После этого речи вернувшихся из небытия подруг Конана стали окончательно неразборчивы для мужского уха. Все потонуло в негодующих воплях, взvizгиваниях и взаимных оскорблений. Выглядело это так, словно все они уже не один год знали друг друга и киммериец изменял каждой из них с другими, причем на глазах у остальных. Они оказались подозрительно хорошо осведомлены обо всех обстоятельствах знакомства Конана с каждой из них; однако каждая полагала, что при всем при этом киммериец близок был только с ней одной...

- Да тихо вы, наконец! - прикрикнул Конан на свой необыкновенный отряд. - Неужто вы не понимаете, что случилось?! Вы же вышли из врат самой Смерти! Разве не ясна вам воля Богов? Мы должны сразиться с тварями из неведомых преисподних, помоги нам в этом Кром! Тогда мои люди останутся целы и смогут уплыть - я правильно понял твои условия? - повернулся к посланцу Конан.

- Воистину правильно, - ответил тот с легким поклоном. - Все доверившиеся тебе будут спасены и - наш Отец поклялся в этом! - смогут отыскать дорогу домой. Что же до вас, - обратился он к чуть присмиревшим женщинам, - то, верно, я могу предложить вам то же, что и тем духам, что должны были явиться на мой зов - возвращение обратно на землю. Возвращение не бесплотными тенями, но живыми, воскресшими, облечеными в плоть!

Думаю, вы не станете отказываться?!

- Нет! - единодушно воскликнули воительницы. Это "нет" звучало более чем убедительно.

- Тогда - следуйте за мной! Нам предстоит нелегкое дело; я смогу помочь вам, но лишь советом. Таковы ограничения, наложенные на меня нашим Отцом.

- Хороший совет в нужный момент - тоже немало, - проворчала Испарана.

- Ладно, идем, - скомандовала Белит, и остальные тотчас же ощетинились.

- Что это ты здесь распоряжаешься?! Здесь тебе не твоя пиратская лохань! Если ты навела чары на Конана и ухитрилась переспать с ним, это еще не значит... - раздалось со всех сторон.

Белит зашипела, словно рассерженная кошка; ее острые коготки уже потянулись к щеке Испараны; лишь звонкий удар боевого топора о камень остановил ссору. Удар этот прогремел, словно могучий боевой колокол; камень отозвался долгим и переливчатым звуком, тьму на миг озарила серебристая вспышка.

- Если будете браниться - отправитесь обратно в Серые Области, и второго шанса выбраться оттуда у вас уже не будет! - прогремел посланец. Вы сможете победить, только действуя заодно, как пальцы одной руки! Понятно?!

Воительницы обменялись разъяренными взорами, однако спорить с посланцем Крома не стали - все же чуть-чуть присмирили.

- Ты поведешь нас? - Конан поудобнее перехватил меч.

- Да. Почти до самой двери Жертвенного Чертога. Дальше мне дороги нет, вам придется пробиваться самим. Ну, все, больше времени на разговоры у нас не осталось. Идем!

Посланец Крома уверенно и бестрепетно шагнул с края Камня Судеб прямо в непроглядную черноту; под его ногами тотчас же вспыхнуло нечто вроде серебристой дорожки, плавно перешедшей в ведущую наверх лестницу.

- Тебе идти впереди, - посторонился посланец, пропуская киммерийца.

За место поближе к спине Конана среди воительниц сразу же разгорелся спор; рукопашную удалось остановить только в самый последний момент.

Ступени, ступени, ступени... Десятки, сотни, тысячи. Подъем казался бесконечным; когда-то железные мышцы ног киммерийца начали сдавать.

А потом впереди как-то неожиданно вдруг забрезжил слабый свет; и Конан услыхал голос посланца:

- Мы в подземельях храма. Впереди уже повсюду на постах слуги изгнанных богов; готовьтесь к бою!

Киммериец обвел взором свой небольшой отряд. Белит пренебрежительно улыбалась, поигрывая своим длинным изогнутым мечом; Карела, похоже, даже не думала о предстоящей схватке - она лишь метала на предводительницу корсаров испепеляющие взоры да тискала эфес своего клинка. Раина и Испарана, как самые опытные, были серьезны; Валерия же, похоже, до сих пор не верила в то, что все это происходит на самом деле.

- Где они стоят? Какое там оружие? Как они сражаются? - быстро и отрывисто по давней королевской привычке спросил киммериец; он вновь чувствовал себя в роскошном шатре повелителя Аквилонии, расставляющим полки для завтрашнего жаркого боя; и, хотя все его воинство состояло лишь из пяти женщин, это ничего не меняло.

- Первыми вам встретятся не самые сильные, - прозвучал ответ. - Хотя вид у них и грозный, и мечи растут прямо из плоти - они так же не любят стали ваших клинков, - он

сделал кивок в сторону спутниц Конана, - как и смертные противники. А вот твой клинок, брат Конан, тут вряд ли поможет. Тебе придется голыми руками выломать один из вражеских мечей из кости какого-нибудь демона, прежде чем ты сможешь на равных биться с ними.

Киммериец со злостью сплюнул.

- Хочешь, возьми мой меч, - тотчас же подскочила Карела.

- Да нужен ему твой ржавый огрызок! - тотчас же вскинулась Белит.

- Хватит! - рявкнул киммериец. - Не буду я ни у кого ничего брать. Ничего, как-нибудь да выломаем. Они в чешуе, эти демоны, или как?

- Нет, без нее, - ответил посланец Крома. - Шкура у них не слишком жесткая, но вот силища... - он сокрушенno покачал головой. - Дело опасное, но иного выхода нет.

- Раз нет, значит, идем дальше, - пожал плечами Конан.

И они пошли. Прямо по серебристой лестнице, к светлому размытому пятну впереди; они шли, и Конан всем своим существом ощущал, как скапливается там, наверху, куда им предстояло пробиться силой, густая, подсердечная ненависть: неведомые враги явно чуяли их приближение.

- Приготовьтесь! - шепнул им посланец Крома, когда маленький отряд оказался подле самого размытого пятна света. Оно было очень странным, это пятно: посреди океана вечной тьмы дрожал и колебался, словно под неощутимым для смертных ветерком, тонкий светло-охристый лист - словно опавший с громадной липы, сотканный из сотен и сотен тысяч стеклянных, наполненных светом нитей. Причудливое, удивительное зрелище; но разглядывать его было некогда. Осторожно приблизившись, киммериец сжался в комок, поднял меч перед собой для защиты и, выставив плечо, словно намереваясь вышибить незримую преграду, бросился вперед.

Яркий слепящий свет хлынул со всех сторон, настолько яркий и настолько слепящий, что казался обжигающим. Несколько мгновений Конан ничего не видел вокруг себя и лишь по внезапно накатившейся откуда-то справа волне нестерпимой вони смог определить, откуда последует первая атака.

Глаза киммерийца еще не успели привыкнуть к непереносимому свету, а руки уже действовали: клинок описал защитный полукруг. Что-то со звоном столкнулось с мечом Конана и, судя по всему, было отброшено в сторону.

Только теперь он смог разжать плотно сомкнувшиеся веки.

Это походило скорее на колоссальный, оторванный от остальной плоти мира объем пространства: та же пещера, только вместо каменных сводов - куда более могучие и непреодолимые преграды. Там, наверху, клубились розовато-жемчужные облака; яркий же свет исходил из ослепительно-белых раскаленных шаров, свободно паривших тут и там. Под ногами, однако, оказались самые обычные каменные плиты - точь-в-точь такие же, как и в том храме забытого бога, где стоял небольшой каменный алтарь со следами жертвоприношений на гладкой поверхности...

Теперь Конан видел своего врага. Существо состояло, казалось, из одной только пары длиннейших многосуставчатых рук: на них вместо пальцев росли блестящие и длинные прямые клинки. Тело же являло собой комок зеленоватого мяса с тремя выкаченными красноватыми глазами на макушке; ростом это создание приходилось Конану лишь по пояс, зато руки поднимались над головой киммерийца на добрые три фута. Ноги твари Конан разглядеть не смог.

На мгновение ему пришло в голову, что здешние окрестности что-то уж слишком сильно

похожи на памятную игровую доску Богов, явленную ему в странном видении; однако в тот же момент противник Конана начал атаку и киммериец позабыл обо всем, кроме свиста и блеска клинков.

Непросто было отразить стремительный веер начищенной стали; меч Конана весь покрылся глубокими зазубринами, принимая на себя страшные удары, но все-таки выдержал. Улучив мгновение, киммериец ответил одним стремительным выпадом, лезвие его клинка распороло зеленую плоть чуть выше мечепальцевой кисти - однако противник даже не дернулся. На месте раны вспенилась дурно пахнущая алая пена... и спустя мгновение там виднелся лишь небольшой темно-зеленый рубец. Как и говорил посланник Крома, выкованная человеческими руками сталь была бессильна против пришедшего из неведомых глубин демона.

И все же он, демон, потерял несколько секунд, пока затягивал свою рану. В эти секунды его натиск все же несколько ослабел, чем и не преминул воспользоваться Конан.

Отбросив меч, киммериец с ревом бросился вперед, проскользнул под рухнувшими сверху растопыренными железными пальцами твари и, что есть мочи ударив ногой по левой лапе чудовища, обеими руками вцепился в кисть правой, что было сил выворачивая и выламывая сустав. Конан страшно рисковал; его защищали хорошие доспехи, но чудовище было наделено поистине страшной силой - его удар, даже не пробив кольчугу, наверняка переломал бы киммерийцу кости.

Однако удара не последовало. Растопыренные пальцы-клиники лишь косо скользнули по кольчатой рубахе Конана; красноватые глаза страшилища вылезли из орбит от боли - а спустя миг, поддаваясь сверхчеловеческому усилию Конана, сустав в твари стал медленно выворачиваться.

Натянулась и лопнула зеленоватая рыхлая кожа, не выдержав напряжения; что-то затрещало, жутковато захрустело, начали рваться мышечные волокна - а затем с коротким мокрым звуком, словно что-то влажное и мягкое со всего размаха швырнули о стенку, один из пальцев-мечей чудовища вырвался из сустава.

И в тот же миг тварь нанесла ответный удар - как будто терзавшая и парализовавшая ее боль тотчас исчезла. Она ударила изо всех сил целой, здоровой пятерней, всеми нацеленными в спину киммерийца мечами, и все, что мог сделать Конан, это лишь чуть сдвинуться в сторону, уповая на помощь Крома да на свою удачу...

Но жестокий бог жесткой Киммерии редко снисходил до помощи кому-либо из своих сыновей; скорее киммерийцу просто повезло. Клинки демона заскрежетали, разрезая кольца железной рубахи, однако на теле киммерийца остались, по счастью, лишь не слишком глубокие порезы. Сила этого удара швырнула Конана на каменный пол и он едва успел, перекатившись через плечо, избегнуть еще одного удара, обрушившегося сверху.

Киммериец забыл обо всем, он не видел ворвавшихся следом за ним в зал его воительниц, не видел начавшейся жаркой схватки - он смотрел только на своего врага. Он должен был убить тварь своими собственными руками! Он не имел права ни на чью помошь, он, убивавший в своей жизни и людей, и демонов, и даже кое-кого из Богов...

Пусть бешено бьется сердце, с явной натугой гоня кровь по жилам; пусть не хватает воздуха, а грудь словно бы стягивают железные обручи удушья; пусть взоры затянуты багровым - но руки еще могут держать странный клинок, у которого вместо эфеса обломанная кость, окровавленная, с обрывками мяса и сухожилий - и значит, мы будем драться.

Коротко свистнув, серый меч наискось полоснул по незащищенной плоти чудовища; пузырясь и пенясь, на свободу с шипением вырвалась странная темно-зеленая кровь. Демон неожиданно тонко взвизгнул от боли, однако и не подумал отступить; искалеченная лапа чудовища бессильно повисла, но другой он орудовал вовсю, и Конану даже пришлось отступить на несколько шагов, кое-как отбиваясь неудобным, лишенным и намека на баланс мечом с осклизлой костью вместо рукояти.

И все же демон мало-помалу начинал слабеть. Он еще напирал, еще шел вперед - но оставляемая им полоса зеленой слизи становилась все шире. Киммериец отошел еще чуть назад и тут уже встал крепко.

Пять клинков плели ослепительную паутину у самого лица Конана. Требовалось все умение киммерийца, весь его звериный инстинкт боя и вся ненависть, чтобы выдержать эту атаку. Сталь звенела о сталь; на клинках одна за другой появлялись зазубрины. Наконец Конану удалось быстрым ударом отвести в сторону железную пятерню врага - и его собственный меч напрочь отсек искалеченную лапу, а затем киммериец, упав на одно колено, в длинном выпаде выбросил вперед правую руку, и темно-серое лезвие снесло макушку твари вместе с ее тремя глазами.

Испуская пузырящиеся струи зеленоватой крови, страшилище распростерлось на камнях; бессильные клинки-когти звучно ударились об пол.

Однако у Конана не было времени гордиться этой победой или хотя бы просто рассмотреть как следует свой необычный трофей. Вокруг кипел бой и киммериец мог бы поклясться, что это был один из самых невероятных боев, в котором ему довелось сражаться.

Слева и справа от него Белит, Карела, Ралина и Испарана звучно рубились с точно такими же демонами, как и только что сраженный Конаном. Валерия уже прикончила своего и теперь хладнокровно вытирала клинок, по самую рукоять покрытый отвратительной зеленой слизью.

- Пошли, поможем, - выдохнул Конан, обращаясь к ней.

- Этим шлюхам? - Валерия презрительно наморщила лоб. - Вот уж нет...

- Ну что за неразумная женщина! - гневно воскликнул державшийся в самом тылу посланец Крома. - Разве я не говорил тебе - мы победим, только если...

- Вот и иди помогай, что за моей-то спиной отсиживаешься, сказочками красивыми прикрываешься, кот усатый? - невозмутимо отпарировала пиратка.

Конан, конечно, не оставил бы это так просто, но тут клинок одного из демонов задел плечо Карелы и та застонала, пошатнувшись и зажимая покрывшееся кровью плечо. Киммериец рванулся на выручку бездумно, не рассуждая - и только потом сообразил, что неведомые Боги и впрямь облекли его былых подруг самой настоящей плотью...

Железные пальцы противника Карелы со всего размаха врезались в каменную плиту, высекая снопы искр. Рыжий Ястреб успела перекатиться через здоровое плечо; а в следующий миг удар Конана перерубил одну из лап чудовища; корчась и подергиваясь, отсеченный обрубок задергался на полу, точно раздавленный скорпион.

А спустя еще мгновение что-то внезапно лязгнуло уже над самым ухом киммерийца, слева от него; это меч Валерии отразил быструю атаку другого демона, отбросившего на несколько футов от себя Белит...

Тем временем Ралина тоже покончила со своим противником - и, вместо того, чтобы помочь Испаране или Белит, тотчас же кинулась прикрывать Конана справа, так что киммериец теперь оказался окружен со всех сторон надежной стражей: каждая из его подруг,

похоже, решила во что бы то ни стало держаться поближе к предмету своих вздоханий, цинично предоставив менее удачливым спутницам самим разбираться с врагом.

- Проклятье, вы будете сражаться или нет?! - загремел киммериец. Раина, возьми этого! Валерия - левого! Надо покончить с ними, иначе мы опоздаем, проклятье на ваши головы!

Это возымело действие. Вдвоем Валерия и Белит довольно быстро разделались со своим демоном, попросту поотрубав ему лапы и потом хладнокровно добив; Испарана и Раина напали на противостоявшего им с двух сторон, и два кинжала бывшей телохранительницы волшебницы Иллианы вонзились в глаза чудовищу, после чего то в корчах забилось на полу и тотчас было приколото хладнокровной замбулийкой...

Бой был выигран. Четыре демона полегло; два бежали, и жемчужно-розовый туман быстро поглотил их.

Женщины сбились в кучу вокруг киммерийца. Все тяжело дышали, почти у каждой появились мелкие, неглубокие порезы и царапины; более серьезно ранена была Карела, однако, зажимая рану ладонью, она категорически отказалась оставаться в задних рядах. Помог и посланец Крома. Со словами: "Ну, это-то мне не запрещено!", он проделал несколько пассов ладонями, поколдовав над окровавленным плечом - и Рыжий Ястреб вновь смогла двигать рукой. Хотя резаная рана имела весьма и весьма зловещий вид, Кареле она больше не мешала. Правда, посланец после этого стал как будто бы чуть бледнее и вроде бы даже прозрачнее, но Конан в тот момент не придал этому значения.

Маленький отряд вновь двинулся куда-то в неизвестность сквозь странный розовый туман; посланец Крома указывал направление. Конан же, когда схлынула горячка боя, все больше и больше убеждался в том, что это место как две капли воды смахивает на то, что он видел в видении, где забавлялись непонятной игрой странные, Нездешние Боги...

- Первый барьер мы одолели, - сообщил их провожатый. - Теперь лестница наверх, точнее - пандус. Дальше уже сложнее...

- А почему пандус, а не ступени? - перебил его Конан.

- Да потому что змеям так удобнее ползать, - с некоторым удивлением ответил посланец. - Разве ты не знаешь? Тут ведь правят змеи...

- Это что еще такое? - изумился Конан. - Люди-змеи? Так ведь мы вроде бы покончили с ними в Замке Черепа...

- С теми, кто ушел из родных мест, спасаясь от мести короля Кулла, положившего начало освобождению людского рода от тирании этих тварей - да. А это те, кто никогда никуда не уходил. Тонули и вздигались континенты, сменяли друг друга дочеловеческие расы, а они ухитрялись выживать, правда, с годами все больше и больше утрачивая сходство с людьми... Впрочем, обо всем этом мы поговорим позже, а сейчас внимание - вон, впереди - вход на пандус!

- А что там? - осведомилась Испарана.

- Там? Твари несколько посильнее и похитрее тех, с которыми вы справились. Уже не демоны, но еще и не сами Забытые Боги. Их ближайшие подручные. Если сломим их - то окажемся у алтаря. Перевидаемся с самими Богами...

- Ты-то сзади останешься, а "перевидываться"-то нам придется! буркнула Карела. - И чем они сражаются?

- Да обычно они молнии предпочитают, - в тон ей ответил посланец. Зазеваешься - спалят со всеми потрохами.

- Ну а хоть на что они похожи? - не унималась Рыжий Ястреб.

- Боги имеют тот вид, какой им благоугодно будет принять, - с некоторой торжественностью объявил посланец Крома. - Я не знаю заранее, в каком они являются обличьи.

- Очень мило! - фыркнула Карела.

Она явно собиралась отпустить какую-то колкость, но тут они добрались до входа на пандус, и Конан поднял руку, призывая к молчанию.

Маленький отряд остановился. Перед ним раскрылась высокая арка входа; широкий проход залит был приятным молочно-белым светом. Где-то под потолком неспешно перетекали, свиваясь и вновь развиваясь, смутные зеленые нити причудливых, невесть кем отбрасываемых теней. Путь был открыт; но киммериец отчего-то медлил, не спеша двигаться дальше. Обострившиеся чувства, древние и тайные таланты его племени, подсказывали, что впереди затаился невидимый пока враг, который, однако, уже давно сумел учゅять их самих и теперь предвкушал сытную трапезу.

А потом Конану на миг показалось, что в волнах легкого, почти прозрачного тумана он видит громадное игровое поле богов и чью-то исполинскую руку, неспешно перемещающую с места на место темные, неразличимые в деталях фигурки... но видение это длилось секунду, не более. Киммериец встряхнул головой, отгоняя нахлынувшее оцепенение - и шагнул вперед, знаком приказав остальным стоять, где стояли.

- Я выманю его на себя, - бросил киммериец, не оборачиваясь. Белит и Карела дернулись было последовать за ним, и воительниц заставили остаться на месте лишь жесткие пальцы посланца Крома, ухватившие их за локти.

Конан медленно крался вдоль плавно уходящего вверх тоннеля. Гладкий пол постепенно повышался; стены по-прежнему скрывал туман, это все меньше и меньше нравилось киммерийцу. Стены как будто бы расходились все дальше, широкий проход превращался в бесконечный зал - а опасность, сперва таившаяся где-то впереди, теперь ощущалась вроде бы по правую руку; мышцы Конана непроизвольно напряглись, готовые в любой момент сорвать тело с места одним решительным броском - и это спасло ему жизнь.

Зверь прыгнул внезапно. Призрачную завесу тумана разорвало мощное львиное тело с гордой орлиной головой и широкими, лоснящимися крыльями. Грифон пронесся над головой киммерийца и мягко опустился на все четыре лапы у него за спиной. Киммериец уже замахнулся было своим необычным мечом, выломанным из лапы поверженного демона, но тут золотистый зверь обратился к нему на чистом хайборийском языке; в алых глазах плясали бесчисленные, крохотные оранжевые искорки.

- Прими мой совет, брат, - поворачивай обратно. Не связывайся с этой безумной игрой; если хочешь, попытайся вырваться из нее вместе. Я ведь тоже пленник, как и ты. Спорить с Богами бессмысленно; но, чем дальше ты выполняешь их волю, тем труднее отвергнуть их следующее приказание. Я пытаюсь.

Грифон чуть склонил на бок гордую голову, пристально глядя на киммерийца не позвериному разумными глазами.

- О какой игре ты говоришь? - вырвалось у Конана.

- Как? Ты, Смертный,участвуешь в великой Игре и даже не подозреваешь о ее существовании? - искренне удивился грифон. - Впрочем, что я, ведь вы, Люди, все поголовно такие. Увы, у нас нет времени, а то я мог бы многое порассказать тебе. Лучше бы тебе поверить мне на слово. Итак?

- Там, на жертвеннике - мои люди, - ткнул пальцем вперед Конан. - Я не оставлю их.

- Это западня, - быстро ответил грифон. - Когда ты шел сюда - разве ты не ощущал опасности? Ты решил, что угроза исходит от меня; но это не так. Твои люди - это просто приманка, на которую пытаются поймать тебя, именно тебя и никого другого. Высоким Богам прекрасно известно о твоих приключениях, в том числе и о последнем, на островах, называемых тобою Антилией. Они не стали утруждать себя новыми выдумками, попросту взяли тот же самый случай... - внезапно он осекся. - Все, время вышло! Решай, ты со мной, или?..

- Я иду за своими, - медленно ответил киммериец, чувствуя, что это говорящее, точно ритор, чудовище кое в чем право. - Но, быть может, ты присоединишься ко мне?

- Я? - удивился грифон. - К тебе?

Судя по всему, эта несложная мысль не приходила ему в голову; однако обдумать ее как следует он уже не успел. Жемчужный туман, доселе мирно стлавшийся по стенам, внезапно ринулся на грифона со всех сторон. Мгновенно свившиеся серые пушистые веревки оплели огромные крылья; туго петли стянули мощные лапы со смертоносными когтями. Из горла существа вырвался сдавленный, предсмертный хрип; и прежде, чем Конан подоспел ему на помощь, бьющийся в путах грифон оказался поглощен разошедшися на миг и вновь сомкнувшимися над ним каменными плитами. Спустя мгновение уже ничто не напоминало о разыгравшейся только что сцене.

Конан невольно потянулся утереть пот со лба - и очнулся лишь когда ладонь вместо разгоряченной кожи коснулась тепловатой стали высокого шлема.

Опасности он больше не чувствовал. То, что таилось у него на пути, скрылось куда-то, верно, спугнутое грифоном; не было смысла торчать и топтаться на одном месте, и Конан скомандовал своему отряду двигаться дальше.

- Что здесь было? Кто с тобой говорил? - разом накинулись на него все пятеро воительниц, перебивая и отталкивая одну другую.

- Встретил одного старого приятеля, - отвечал на все расспросы Конан; и не открыл правды даже посланцу Крома.

Наклонный ход закончился. Пол вновь стал ровным; маленькая кучка людей, двое мужчин и пятеро женщин, стояли спина к спине среди необозримых равнин, залитых однообразным жемчужно-серым туманом. Киммериец косился на мглу с некоторым подозрением - потому что знал, на что она способна, если только получает соответствующий приказ. Однако пока все оставалось спокойно.

Посланец Крома уверенно повел их куда-то вперед; под ногами по-прежнему лежал шероховатый камень. Судя по всему, они и впрямь брали сейчас какими-то здешними путями, волшебным образом оказавшись в подземельях старого храма дочеловеческой расы. Игра была в самом разгаре.

Посланец Крома вел отряд, в то время как Конан, понадевшись на многолетний опыт, чуть расслабился, доверясь чутью и напряженно обдумывая происшествие с грифоном. Если за ним следят все время - то почему они дали зверю вообще заговорить с киммерийцем и, как ни крути, все же сказать достаточно много?

А что, если этот грифон сам был подослан и все, развернувшееся на глазах у киммерийца - не более чем искусное лицедейство?..

- Мы пришли, - вдруг шепнул Конану посланец Крома, и киммериец тотчас же поудобнее перехватил импровизированный меч.

Неведомые поля кончались. Впереди из жемчужного сверкания, из колышащихся волн

серебристой мглы, перевитой пурпурными нитями, простирали контуры самой обыкновенной каменной стены, сложенной из темных, почти черных базальтовых плит. Прямо перед Конаном зиял провал распахнутых настежь ворот.

Оттуда, из темного нутра, на Конана пахнуло чьим-то тяжелым, жарким и смрадным дыханием. Там копилась беспощадная, нечеловеческая ненависть, для описания которой в хайборийском языке не находилось слов; там предвкушали ужасное пиршество; оттуда доносились отчаянные крики.

Кричал человек, и кричал он от жуткой, непереносимой боли, настолько сильной, что она сломила даже знаменитые пиратские стойкость, гордость и презрение к палачам.

"Это же пытают моих! - полыхнуло в сознании киммерийца. - Моих людей, а я толкуюсь здесь, как последний баран!"

И, точно пущенный из пращи камень, Конан ринулся вперед, с яростным боевым кличем Киммерии на устах.

Глава 4.

СДЕЛКА

Черные ворота оказались входом в еще один наклонный тоннель, широкий и короткий. Конан преодолел его в два прыжка; за ним следовали Белит, Испарана и остальные. Посланец Крома вновь, как и в первый раз, замыкал процессию.

Тоннель вывел их в знакомый уже алтарный покой храма. Отсюда отряд Конана пустился в роковой путь по подземному ходу-ловушке; и вновь у жертвенника киммериец увидел десятка полтора коричневокожих жрецов в роскошных и сумрачных одеяниях цвета запекшейся крови. Связанные, возле жертвенника стояли пираты; и первого из них уже растянули на гладком камне алтаря.

Однако знакомой оказалась лишь малая часть открывшегося перед Конаном и его спутниками зрелища. Дальняя стена здания исчезла; там разверзся грандиозный провал, заполненный хорошо уже знакомой жемчужной дымкой, где плавали смутные, уродливые тени - из числа тех, что шли мимо киммерийца торжественным маршем, пока он грыз костяшки кулаков в бессильной ярости, плененный на Камне Судеб.

И на сей раз к обреченной жертве на камне алтаря тянулись не какие-то там жалкие ножики из вулканического стекла - время от времени твари в бездне раскрывали пасти, вываливая длинноющие, бесконечные языки; их оранжевые кончики то и дело касались тела несчастного, заставляя того корчиться и рвать горло жуткими криками. Все немалое пространство между алтарем и бездной было заполнено толпой коричневокожих, а под потолком храма вились, словно чудовищные летучие вампиры, другие создания, родные братья расположившихся в пропасти любителей человечины.

Только теперь Конан осознал, что в храме играет музыка - низкая, басовитая, полная рычащих, угрожающих созвучий, от которой начинало ломить в висках. Музыкантов нигде не было и Конан уже потом сообразил, что роль оркестра исполняли тяжело взмахивавшие огромными крыльями создания, кружившие над жертвенником, похожие одновременно на змею и на летучую мышь, с разноцветными полусферическими глазами: в лапах они сжимали причудливые деревянные инструменты, в которые без устали дули.

На сей раз никто не собирался покорно расступаться перед киммерийцем. Проход перегораживала тройная шеренга закованной в медные латы пехоты; грозно сверкали три ряда выставленных пик.

- Поглядим, что вы можете, мразь! - взревел Конан, обрушивая вырванный из сустава демона клинок на подставленный край щита, одновременно уклоняясь от копья, направленного ему в живот.

Неудобный, неухватистый и несбалансированный меч тем не менее рассек щит почти до середины и выдернулся на удивление легко. Второй удар киммерийца, страшный прямой выпад, надвое расколол щит, пронзил медную кирасу и вышел из спины незадачливого панцирника. Пики его соседей пронзили воздух там, где только что стоял Конан, а за это мгновение его клинок успел снести голову еще одному копейщику.

В стене щитов образовалась брешь. Первой в нее ворвалась Раина; за ней последовала Белит, и спустя несколько мгновений разгорелся жаркий бой.

Однако тут же и оказалось, что оружие коричневокожих пиклеров никуда не годится в сравнении с клинками Конана и его спутниц. Доспехи лопались, панцири пробивались, шлемы разрубались пополам; не прошло и трех десятков секунд, как пал последний противник, и шестеро бойцов, с головы до ног в брызгах чужой крови, устремились дальше.

- С дороги! - выкрикнул Конан на старостигийском, рассчитывая, что безоружная толпа тут же расступится перед обнаженной сталью; вдобавок пример с копейщиками должен был показать коричневокожим, чего стоят их жизни...

Однако вместо бегства ряды полуубнаженных тел сомкнулись еще плотнее. Сотни глаз смотрели в упор на киммерийца; сотни жизней предлагались ему - он чувствовал, что может истреблять коричневокожих сколько ему заблагорассудится; равнодушным Богам бездны все равно, сколько погибнет этих жалких созданий. Отчего-то им нужна была кровь именно спутников Конана... а, быть может, и его самого.

У киммерийца не осталось выбора. Он с разгону врезался в плотную толпу коричневокожих; взлетел и опустился смертоносный клинок. Первое обезглавленное тело повалилось под ноги Конану; за ним спешли его спутницы, подобные в тот миг кровожадным богиням смерти, войны и всеобщей погибели. Страшный клин все глубже и глубже погружался в коричневое море; казалось, стоявшие тесной толпой люди лишились рассудка, они не пытались защищаться, стараясь схватить и обезоружить киммерийца голыми руками. Он не хотел убивать невинных; но иного выхода не оставалось. Никто не пытался дать ему дорогу; напротив, уже рассеченные, истекающие кровью тела падали так, чтобы хоть как-то, но помешать ему сделать следующий шаг...

А потом внезапно прозвучал приказ. Приказ, изреченный нечеловеческими устами, устами кого-то из забытых божеств, долго дожидавшихся во тьме своего часа - и, наконец, вернувшихся, благодаря зачарованной крови Конана.

Весь огромный зал храма наполнился низким, непередаваемо грозным ревом, в котором киммериец инстинктивно ощущал какие-то невообразимо древние слова, исполненные воспрянувшей, обновленной силы. Коричневокожие, сбивая с ног и давя друг друга, точно стадо баранов, отхлынули в стороны, освобождая киммерийцу проход к алтарю. И тотчас же из бездны в бой пошли настоящие орды.

Шли уродливые демоны, словно нарочно вылепленные, как злая карикатура на человека. Шли, смешно переваливаясь на коротких лапах, клыкастые драконы. Шла прочая нечисть, большей частью из числа тех, что промаршировали мимо Конана, пока он сидел на камне судеб. Двинулись и твари, что ловко метали языки в прикованную к алтарю жертву. А за ними из мерцающей бездны неспешно поднимались настоящие хозяева этого причудливого зверинца. Бесформенные, пока бестелесные, они еще не имели четких очертаний - плыли, подобные облакам сероватого дыма, но Конан чувствовал, что в этих облаках заключена сейчас громадная мощь - и что не пройдет и нескольких мгновений, как она обернется против него. Огненный дождь можно было бы считать большой удачей в том смысле, что если бы дело обошлось только им.

Все было понятно без слов. Конан и его спутницы бросились к скованным пленникам; и шестидесятилетний киммериец бежал в те мгновения так, как не бегал даже в молодости. Орава демонов катилась ему навстречу, однако киммериец успел к алтарю чуть раньше.

- Конан! - прохрипел Сигурд, стоявший возле самого камня. Рыжая шевелюра ванира превратилась в белоснежно-седую.

Взмах серого клинка - и цепи, сковавшие Сигурда, со звоном лопнули. Следующего из

команды "Крылатого Дракона" освободила Белит; слыша за спиной звон разбиваемых кандалов, Конан повернулся навстречу подоспевшим демонам.

Это были самые настоящие демоны, здоровенные, красновато-черные твари, совершенно нагие и невооруженные ничем, кроме своих громадных, бугрящихся чудовищными мускулами рук. Когда-то, в молодости, Конану уже пришлось иметь дело с подобным молодцом, по имени Дивул; и киммериец должен был признаться, что справиться с гостем из преисподней тогда оказалось очень нелегко...

Взмах серого меча - снизу вверх - и сталь глубоко погружается в живот самого шустрого из наступавших. Зловонная пасть распахивается в истощенном реве, но тут сбоку прыгает Раина, и два ее кинжала, точно большие ножницы, начисто сносят уродливую башку. Тело валится, едва не придавив Конана, и быстро растекается шипящей пепельно-серой лужей.

Тем временем Карела, Испарана и Валерия уже добивали жрецов, что толпились подле алтаря. Подробности этой схватки Конан не видел; лишь слуха его достигали азартные взвизги Рыжего Ястреба, означавшие, что очередной выпад достиг цели и кривой меч прошел насеквоздь через тело; глуховатые выдохи-вскрики Испараны; яростное шипение Валерии.

Белит продолжала рубить цепи; на подмогу Конану с Раиной пришли остальные, однако демоны теснили их в глухой угол зала, откуда не было выхода.

Ванир Сигурд подхватил длинный обрядовый нож, выпавший из руки мертвого жреца, и тоже вступил в бой. Освобождаясь один за другим, пираты очертя голову бросались в пекло яростной схватки; их боевым кличем вновь, как и в былые годы, стало имя грозного предводителя:

- Амра! Амра! Бей, бей, побеждай!

Однако Конан не дал себе опьяниться затягивающим азартом. Его голова оставалась холодной и он понимал, что против неубывающей орды великанов из преисподней им долго не выстоять. Нужно было что-то неожиданное... что-то необычайное, невероятное - такое, что солено пришлось бы и тем туманным тварям, что продолжали медленно вытягиваться из провала... Он должен был придумать это.

Удар, другой, третий, раскаленная лапа демона мазнула по кольчуге и соскользнула; тварь с размаху врезалась в жертвенный камень и, пронзенная, стекла вниз раскаленной лужицей...

- Прорываемся! - заорал над самым ухом Конана посланец Крома. - Я открываю проход!

Прежде, чем Конан успел сообразить что-либо, раздался глухой грохот, стену за спиной у пиратов пересекло несколько трещин, и каменные блоки начали валиться.

- Уходите! - рявкнул Конан своим. - Мы прикроем вас!

Теперь рядом с ним сражались уже не только Белит, Испарана и прочие, но также и Сигурд, Ясунда и Яков, и Горам Сингх... Несколько человек из команды "Крылатого Дракона" уже погибло, однако остальные, защищаемые медленно пятившимися Конаном и его спутницами, начали выбираться через пролом. И тогда боги явили, наконец, свой гнев. Мрачная монотонная музыка, не прекращавшаяся все это время, внезапно оборвалась одним режущим слух, нестерпимо высоким аккордом; из смутных туманных форм, паривших над провалом, прынула пылающая белым огнем ветвящаяся молния; она была нацелена прямо в Конана - и настигла его.

Казалось, воздух вокруг него превратился в сплошное море огня; Конан ослеп, оглох, страшный жар опалял кожу... А затем среди слепящего света, возникнув прямо из его волн, появилась высокая, стройная фигура воина с ярко-огненными волосами и бородой, - почти

как у Сигурда - державшая в руке громадную секиру, показавшуюся сперва киммерийцу очень неудобной - лезвие было длиной почти с рукоять.

- Пришел твой час, Конан, - услыхал он позади себя негромкий и печальный голос посланца Крома. - Я выведу твоих. Встретимся в покоях нашего с тобой Отца!

Киммериец не успел ответить. Мягким, неслышным шагом воин с секирой шагнул вперед, как-то сразу очутившись возле бывшего владыки Аквилонии...

Окружавший Конана мир исчез. Их осталось лишь двое, посреди ослепительного сверкания - и старый киммериец понял, что это сверкание будет последним, что ему суждено увидеть в жизни.

Секира с шипением рассекла воздух - и навстречу ей взметнулся меч Конана. Клинки столкнулись и отскочили; киммериец с трудом удержался на ногах. Его противник обладал поистине сверхчеловеческой силой; перед ней ничего не стоила вся немалая мощь Конана.

На лице рыжего воина простирали слабая улыбка. Не торопясь, он вновь поднял секиру... и в этот миг Конан сам ринулся в атаку. Как бы там ни было, он не собирался покорно подставлять шею под топор!

Меч из кости демона проскрежетал вдоль подставленной рукояти секиры и задел обнаженное, не прикрытое никакими доспехами правое плечо секироносца. Показалась кровь, по виду обычная человеческая кровь - однако стоило ее каплям сорваться и коснуться пола, как каменные плиты вздрогнули, раздался глухой грохот и прежде, чем убийственное оружие прислужника забытых богов опустилось, пол под ногами Конана разверзся и он полетел вниз, в жадную черную пустоту.

И, уже падая, он краем глаза успел заметить, что храмовый зал вновь стал самым обычным залом, таким же, каким его увидели в первый раз товарищи Конана, едва ступив под его своды. Но теперь потолочные балки стремительно разламывались, потолок проседал, контрфорсы стен рушились. И последнее, что запомнилось Конану - вид медленно устремляющейся вслед за ним лавины обломков камня, кирпича, стропил и балок.

А потом был жестокий, сотрясший все тело удар - и пустота забытья.

Он пришел в себя от боли. Она была настолько сильна, что терзания привели его в чувство; он открыл глаза. Кругом - лишь непроглядная тьма.

Конан попытался пошевелить рукой, ногой - тело как будто бы еще слушалось. Он лежал на куче битого камня; справа и слева громоздились рухнувшие балки. Одна, особенно толстая, придавливала Конана к обломкам; киммерийца отделили от смерти считанные дюймы. Он не мог подняться даже на четвереньки, не говоря уж о том, чтобы встать; он попробовал ползти получилось. За его головой как будто бы имелось свободное пространство - и Конан бездумно пополз туда. Пополз, пока его еще не охватило обессиливающее отчаяние, от осознания того, что он завален и вряд ли уже сможет выбраться отсюда...

Его вытянутые над головой руки не нащупали преград. Кое-как, точно полураздавленная ящерица, Конан пополз вперед. Каждое движение давалось с величайшим трудом и отзывалось резкой болью во всем теле; мышцы едва-едва повиновались. В один миг он стал чувствовать себя так, как и должны были чувствовать все шестидесятилетние обитатели хайборийских земель, отягченные бесчисленными болезнями и недугами. Дыхание сбилось, сердце колотилось с ощутимыми перебоями, руки и ноги двигались еле-еле... Конан полз бездумно, потрясение оказалось слишком велико: он просто знал, что надо ползти, знал, как знает тяжело раненный зверь.

Он двигался в полной темноте. Узкий и извилистый проход вел куда-то вниз; казалось чудом, что рухнувшие сверху стропила, балки и плиты все же оставили заживо погребенному слабую надежду на спасение. Сперва ход, которым пополз Конан, был просто случайно образовавшимися в завале пустотами, не заполненными битым камнем; но затем спуск окончился и киммериец сполз на животе в низкую подземную галерею, облицованную тесанными плитами. Это обнадеживало - он оказался в одном из переходов подземного дворца коричневокожих, правда, и здесь Конан мог идти, лишь согнувшись в три погибели. И все же это была надежда.

Один конец галереи был завален; киммериец проник в нее через пролом в потолке. Выбора не оставалось, он просто шел, куда его вела судьба. Рука по-прежнему крепко сжимала меч из плоти демона...

Только теперь начали возвращаться и прочие мысли: что же стало с его командой... с женщинами... неужели все погибли вновь, неужели его былым подругам пришлось пройти через кошмар повторной гибели? Нет, нет, этого не может быть, ведь посланец Крома обещал... и стена уже была проломлена...

Киммериец старался идти быстрее, однако приходилось все время ощупывать пол перед собой - он опасался щелей и провалов. Дважды это выручало его пальцы проваливались в пустоту и он кое-как переползал через расщелины, по счастью, они оказывались не слишком широки...

Он обязан был выйти. Сколь бы ни оказался сложен подземный лабиринт коричневокожих, он, конечно же, имел выходы на поверхность; оставалось только разыскать их.

Внезапно стены узкой галереи, которые Конан то и дело задевал боками, резко разошлись в стороны. Гулкое эхо отразилось от высокого потолка; Конан очутился в просторном подземном покое. Чуть поколебавшись, он решил двинуться вправо, касаясь рукой стены. Это единственный способ выбраться из лабиринта, если, конечно, неходить в нем по кругу. Острием меча киммериец кое-как процарапал неглубокий желобок возле самого угла - чтобы опознать это место, если он сделает круг. Затем выпрямился в полный рост - и начал обход.

Идти оказалось легко - пол и стены были гладкими, не попадалось ни трещин, ни проломов. Конан шел и считал шаги. Их он успел сделать ровно пятьдесят, прежде чем уперся в препятствующую ему путь стену. Киммериец свернул влево, по-прежнему касаясь рукой камня. Еще пятьдесят шагов. И вновь угол. Теперь он уже шел обратно, судя по всему - к той стене, где находилось устье галереи.

Пятьдесят шагов. Угол.

Конан стиснул зубы, сорвал шлем - глаза заливал едкий холодный пот ужаса. Три стены из четырех остались позади - а он так и не нашел выхода. Неужели он заперт под землей и ему уготована теперь медленная и позорная смерть от жажды?!

Погоди, одернул он себя. Шансы еще есть. Быть может, проход отыщется рядом с входом в эту мышеловку...

Теперь Конан шел, точно по раскаленному металлу. Каждый шаг означал потерю еще одного шанса; рука впивалась в камень стены, готовая ломать и крошить его, пусть даже ногтями; как жаждал он, чтобы его кисть вдруг провалилась бы в спасительную пустоту!

Он отсчитал двенадцать шагов, когда его рука провалилась-таки в желанный проем.

Из горла Конана вырвался хриплый стон. Неужто?!.. Нет, нет, надо проверить... И, упав на

колени, он осторожно пополз вперед, ощущая каждый дюйм каменных плит пола, пуще смерти страшась нашарить сейчас сделанную им засечку возле угла того коридора, которым он пришел сюда...

Нет... Нет... и тут нет... вот уже и угол галереи... неужели это выход?! Стоп! А это?! Что это, здесь, под пальцами?.. Зарубка? Желоб? Да, его желоб!

С уст Конана сорвалось страшное богохульство. Подземная камера оказалась ловушкой. Из нее не было выхода. Он был заперт, погребен под немерянными толщами земли и камня; все было потеряно.

Киммериец стиснул зубы так, что они захрустели. Нет, он не сдастся так просто! Быть может, какие-нибудь отверстия отыщутся под потолком; быть может, есть проруки в стенах... Он обязан обшарить здесь каждый дюйм камня, каждую плиту - прежде чем бросится на собственный меч.

Конан работал, как одержимый. Подбрасывая камни, он определил высоту потолка - три его роста; это немного, и он сумеет подняться, было бы куда! А потом начал долгий обход - шаг, в стену швыряется камешек, стук удара, стук падения, шаг в сторону, новый бросок, новый удар, чуть выше или чуть ниже первого... И затем все повторяется снова.

Прошло довольно-таки много времени, и Конан вновь очутился возле входа в подземный зал-ловушку. Все его усилия были тщетны. Выхода не отыскалось.

Киммериец сидел, привалившись спиной к стене. В мыслях царила зияющая давящая тишина. Выхода не было. Не было, не было, не было...

Его окружало мертвое безмолвие. Безмолвие склепа; он был уже все равно что мертв. Он был мертв, и не вывел своих в безопасное место; не выполнил условий Крома. Что станет теперь с теми, кто шел в бой по первому слову Конана?

Волна накатившегося непереносимого стыда заставила киммерийца взыть, подобно волку. Все, с этим нужно было кончать!

Однако он еще не успел сбросить шлем, как выяснилось, что долгое швыряние камней в стены разбудило и кое-кого еще из здешних обитателей. Во тьме галереи появились бесчисленные парные огоньки приближавшихся глаз.

Крысы. Пещерные крысы. Здоровенные твари, размером с добрую кошку; их челюсти настолько сильны, что разом прокусывают человеческую руку до кости. В Птауакане Конану уже пришлось иметь дело с подобными же тварями - только там было куда бежать, а потом очень кстати подвернулся подземный поток...

Здесь бежать было некуда. Ну что ж, он постарается захватить с собой побольше этих тварей; видно, Богам очень нравится именно этот спектакль, раз они решили вновь поглазеть на него - и это после столь короткого перерыва!

Киммериец вскочил на ноги. Здесь, в узкой галерее, он продержится дольше. Не было света, придется рубить на звук - да еще на блеск глаз. У птауаканских тварей глаза, насколько он помнил, не светились...

Бесчисленные лапы чуть слышно шелестели, ступая по камню. Вот твари оказались в пределах досягаемости - и клинок Конана взял с них первую дань.

Это и впрямь оказалось почти как в антильских подземельях. Некоторое время Конан вовсю рубил направо и налево, хорошие доспехи защищали от укусов - однако силы таяли очень быстро. "Ну что ж, - пришло холодное и твердое решение, - когда я почувствую, что приходит конец... думаю, я сумею попасть этим железом куда следует".

И он рубил. Рубил, чувствуя, как с каждым взмахом тяжелеют руки и немеют плечи, как

непереносимой тяжестью наливаются кольчуга, как давит на голову шлем... Твари бросались на него с редкостным упорством, словно их вела чья-то злая воля. Они не обращали никакого внимания на разрубленные тушки своих собратьев - их целью был только Конан.

И вот когда силы почти уже покинули киммерийца, и клинок уже выскользывал из его потной ладони - тогда крысы внезапно, как по команде, отступили. Отступили, но не исчезли - красные глаза мрачно поглядывали на киммерийца из глубины галереи, точно ждали момента для следующей атаки.

- Они крепко потрепали тебя, Конан, - с легкой насмешкой произнес чей-то голос позади киммерийца. Старый воин обернулся - и в тот же момент подземелье осветилось. Мягкий лиловатый свет залил все вокруг; а из сгущения этого света в самом центре зала вышла невысокая, кривоватая фигура горбун, облаченного в ярко-алый камзол; на поясе его болтался короткий меч в простых черных ножнах. Лицо горбuna не отличалось красотой; глаза смотрели с нескрываемым ехидством, длинный тонкогубый рот кривился в усмешке.

- Приветствуя могучего Конана, владыку Аквилонии! - карлик поклонился с преувеличенной почтительностью. - Не желаешь ли поговорить?

- Кто ты? - только и спросил Конан. Ясно было, что его посетил не простой смертный.

- Кто я? - Имя мое тебе знать вовсе не обязательно, да... Тэ-экс, могу сообщить тебе - если, конечно, для тебя это важно, - что жительством своим имею я дворец в небесных пределах, средь звездных сфер, гдестроен хор светил... ну и так далее, как там положено у ваших поэтов. Одного очень способного ты, помнится, прикончил - он еще участвовал в каком-то дурацком заговоре против тебя, когда вы схватились с Тот-Амоном... А жаль! - горбун вздохнул. - Очень талантливый был парень. Ну да его уж теперь не воротишь. Так о чем бишь это я? Ах, обо мне. Так вот, прислали меня сюда те, кто... гм... может вытащить тебя из этого премилого и уютного садка с крысками, Конан. Как их зовут, где они обитают - поверь, для тебя это совершенно несущественно. У пославших меня есть намерение поручить тебе одну работенку. Как, возьмешься?

- Работенку? - прохрипел Конан. Ему начало казаться, что он сходит с ума. - Работенку? Где? Какую?

- Все узнаешь, все, - успокаивающе вытянул руки горбун. - Всему свое время. Я пришел предложить тебе сделку, не знаю, понравится ли она тебе... но иного шанса выбраться отсюда у тебя уже не будет. Как ты понимаешь, мне вообще наплевать на всякие там глупые условия, что поставил тебе этот напыщенный гордец Кром. Ему, видите ли, понадобилась твоя жизнь! - горбун возмущенно фыркнул. - Но у меня есть средства, чтобы помешать этому. Так вот, либо ты соглашаешься на мое предложение - либо, отказавшись от него, ты остаешься здесь. И тогда эти милые тварюшки очень скоро будут иметь удовольствие пообедать тобой, а вдобавок погибнут все твои люди. Вызванные же к жизни Белит и прочие... - тут он гнусно захихикал, - будут отправлены удовлетворять грубую похоть грязных демонов в одну из отдаленнейших преисподних, о которой хайборийские боги даже не подозревают. Мне стоило некоторого труда видоизменить простенькие чары этого слуги Крома, чтобы сюда явились твои былые подружки. Согласись, от этого вся история стала куда более забавной! О, да ты уже в бешенстве! - внезапно перебил сам себя горбун. - Твои кулаки сжаты, твои глаза налиты кровью, тобой овладевает жажда убийства... Очень хорошо. Я бы даже сказал - просто превосходно. То, что и требуется. Увы, я разочарую тебя, мой смертный друг, - меня тебе не сразить, несмотря даже на клинок из плоти демона, что лежит сейчас в твоей руке, так что умерь на краткое время свой гнев, киммериец. Потом тебе представится еще одна

возможность выместить свою злость на ком-либо. А сейчас я бы посоветовал тебе дослушать меня. Так вот, я вкратце обрисовал тебе одну возможность; но существует также и другая. Ты, конечно, силен, очень силен, очень крепок и очень вынослив для своих лет; и все же старость непобедима. Еще немного - и ее холодная костлявая рука сдавит твоё горло, ты лишишься еще содержащейся в мускулах моци, обратившихся в жалкую руину. Даже сейчас ты уже начал ощущать приближение конца. Если ты примешь мое предложение, подобные вопросы не станут волновать тебя: я предлагаю тебе не только свободу, киммериец. Я предлагаю тебе вторую молодость. Да, да, ты не ослышался, я предлагаю тебе прожить жизнь еще раз, сила и мощь двадцатипятилетнего Конана вновь вернутся к тебе, но при этом ты сохранишь всю память себя нынешнего. Подумай, чего ты тогда сможешь добиться! Мировое господство Акилонии - это самое меньшее, на что ты сможешь рассчитывать. Все пираты с "Крылатого Дракона" будут спасены, а женщины, которых ты любил, вновь станут твоими. Я выведу их из Серых Земель через Врата Смерти. Подумай, Конан!

- Что ж тут думать... - вырвалось у киммерийца. - Но что ж это за работенка, за которую мне предлагают столь высокую плату?

- Для тебя она более чем привычна, - усмехнулся горбун. - Нужно прикончить одного некроманта. - Он порылся за пазухой и извлек оттуда внушительного вида пергамент. - Здесь все изложено. Воля моих хозяев отправит тебя с твоими подружками и с этим глупым гордецом, посланцем Крома - к дальним подступам владений этого чародея. Ты проберешься в замок и убьешь его. В сокровищнице замка ты отыщешь несколько магических безделушек - Чашу Баала, в частности. Еще там где-то должны обретаться Пояс Бафомета, Боевой Ошейник Тифона и... - горбун задумался, словно учитель, подбирающий сложное задание лучшему ученику, - ну и, скажем, Перо Гаруды. Принеси эти четыре предмета мне - то есть вытащи из замка - и первая часть твоей службы будет исполнена.

- А что, последует и вторая? - не удержался Конан.

- Ай-яй-яй, как нехорошо торговаться со своим спасителем, - покачал головой горбун. - Да, Конан, - последует и вторая. Но я поклянусь тебе нерушимой клятвой Богов - именем нашего Творца, - что второе дело станет и впрямь последним.

Горбун внезапно выпрямился, точно струна, и словно бы стал даже выше ростом, уродливый горб исчез без следа, сквозь коричневый камзол на миг блеснули ослепительно-огненные одежды; правая рука вытянулась вверх в повелительном жесте - и потолок подземелья внезапно исчез. Конан увидел завораживающую глубину звездной бездны, в причудливом танце дрожали и кружились бесчисленные огоньки светил...

- Ты видел мою клятву, - торжественно провозгласил горбун. - Если я нарушу свое слово, огненные жернова, движимые именем Творца, обратят меня в ничто.

- А почем я знаю, что это именно так? - подозрительно спросил Конан.

- Тебе придется поверить мне, - ответствовал горбун. - Иных доказательств я тебе предоставить не могу. Однако мы ведем сейчас пустой разговор. Ответь сперва, согласен ли ты на мое предложение?

- Ясное дело, согласен, - буркнул в ответ киммериец. - Давай, выводи меня отсюда. Там дальше видно будет. И не забудь о своих обещаниях - насчет моих людей!

- Не беспокойся, - заверил его горбун. - Значит, ты согласился... Очень хорошо. Я, разумеется, не стану требовать с тебя каких-нибудь идиотских росписей кровью или тому подобной глупости. Достаточно твоего слова. Оно уже на Весах Творца.

- Да что это еще за Весы Творца?! - не выдержал киммериец. - И вообще, что за боги

прислали тебя? Кому ты служишь? Митре? Асуре? Иштар? Или какому-нибудь Хануману?

Горбун рассмеялся.

- Нет, любезный мой Конан, боюсь разочаровать тебя, но все эти божки для меня ничего не значат. Существуют куда более могущественные Иерархии Сил, в которых названные тобой божества - не более чем мелкие прислужники на самых нижних ступенях Великой Пирамиды... Быть может, впоследствии мне будет позволено открыть тебе больше, а пока удовлетворись моим ответом.

- Тогда что же мы мешкаем?

- Ни в малейшей степени! - запротестовал собеседник Конана. - Должен заметить, ты неплохо держишься. Многие и многие из твоей расы, услыхав подобное, впадали в безумство...

- Последние дни вокруг меня творилось одно сплошное безумство, проворчал Конан. - Что ж дивиться еще одному... Скажи, не ты ли это притащил сюда мой корабль?

- Не я, но по моему приказу, - кивнул головой горбун. - Но хватит вопросов, Конан. Держи крепче твой меч. Мы отправляемся. Не забудь попрощаться с крысками...

И в тот же миг тело киммерийца сжало тугое обятие незримого вихря. Стены подземелья стремительно таяли, обращаясь в ничто; перед взором Конана раскрывались земные бездны, он видел всю запутанную паутину подземных лабиринтов коричневокожего народа, видел громадную пещеру, где тысячи и тысячи рудокопов были по-прежнему заняты своей непонятной работой; вновь, откуда ни возьмись, появилась громадная пропасть, где все еще клубились смутные тени забытых богов этого странного народа. Невольно Конан попытался заглянуть за край пропасти и, заглянув, понял, для чего коричневокожим понадобился в таких количествах вырубаемый в пещере камень - из разверстого зева шахты сплошной поток породы сыпался прямо в грандиозный, горящий странным синеватым пламенем костер; насколько мог судить Конан, костер этот тянулся наскую милю. Над полыхающей бездонной пастью открывалась не одна, а добрый десяток шахт...

А потом все это поплыло куда-то вниз, одновременно заволакиваясь серой тоскливой мглой. Киммериец не мог понять, что происходит - они с горбуном никуда не летели, они даже не двигались с места, горбун вообще стоял рядом, глядя куда-то в сторону с крайне брюзгливым и равнодушным видом - а мир вокруг них стремительно менялся.

Вот взвихрилась зеленая круговерть джунглей и Конан увидел отряд своих пиратов. Когда-то рыжебородый, а теперь седой как лунь Сигурд вел их к кораблю. Пираты отступали в полном порядке, сохраняя даже подобие строя.

- Ты сможешь проститься с ними - когда "Крылатый Дракон" отчалит.

Казалось, Конан и горбун парят над зарослями - хотя на самом деле под ногами киммерийца был все тот же камень подземелья. Они никуда не торопились. Горбун дал Конану досмотреть все до конца. Сигурд благополучно довел отряд до галеры; пираты поднялись на борт.

- Я доставлю их назад, на Барахские острова, тем же способом, что и притащил вас сюда, - заверил горбун.

Якоря были подняты, гребцы расселись по местам; огромные весла опустились в воду. И тотчас же Конан заметил, как за кормой уже развернувшейся носом на восток бирюмы стали сгущаться облака сероватой мглы.

- Если хочешь, ты можешь сказать им несколько слов, - заметил горбун. Заверь их в том, что они доберутся до места целыми и невредимыми. Клянусь тебе в этом именем Нездешних

богов!

- Эй, парни, слушайте меня! - крикнул Конан, обращаясь к своей команде.

Слова его произвели небывалый эффект. Пираты, люди далеко не робкого десятка, позеленели от страха; антильские новобранцы и вовсе чуть не лишились чувств. Невесть откуда на короткой носовой палубе корабля появился их без вести пропавший капитан, появился ниоткуда, точно дух или призрак!

И один лишь Сигурд бестрепетно шагнул вперед.

- Конан, ты ли это, во имя когтей Шайтана и глотки Одина! Как...

- Слушай меня, старый морж, и не перебивай. Я уже не вернусь. Вас доставят обратно на восток, до самых островов. Я пришел сказать вам последнее прощай. Береги людей, они славные рубаки. Надеюсь, ты будешь им хорошим капитаном. Прощайте все!

- Прощай, Амра! - отозвался хор голосов, и видение тотчас померкло.

- А теперь нам и вправду пора спешить, - с некоторой озабоченностью сказал горбун. - Первая часть обещанного мной выполнена, что же до второй... скажи мне, как ты себя чувствуешь, Конан?

Киммериец помедлил, прислушиваясь к своим ощущениям. С ним и впрямь творилось что-то странное; по телу пробегали теплые волны, поуменьшившиеся с годами мускулы вновь вздувались, образовавшая кое-где складки кожа вновь натягивалась; Конан ощупал свое лицо и убедился, что глубокие морщины, избороздившие лоб и щеки, исчезают бесследно; суставы вновь обретали былую кошачью гибкость. Горбун откровенно наблюдал за ним.

- Смотри-ка, даже седина пропадает! - заметил он не без самодовольства, как гордый своей работой мастер. - Тебе вновь двадцать пять, Конан! Я не стал убирать только шрамы. - По-моему, они тебе к лицу.

Киммериец глубоко вздохнул и расправил плечи. Ощущение было таким, словно он сбросил давно давивший на него тяжелый груз, который он таскал на себе столь долго, что свыкся с ним, как будто даже перестал замечать - и лишь избавившись, понял наконец, насколько велика была эта привычная тяжесть...

- Я держу данное слово... - заметил горбун.

- Я тоже исполню свое, - ответил Конан, с наслаждением потягиваясь. - И что же, мне теперь... можно начать жизнь заново?

- Ты получил вторую молодость как аванс, - ответил горбун. - Но, если ты справишься с поручением, аванс станет твоей собственностью. А уж начинать ли тебе жизнь заново... или, скажем, вернуться в Аквилонию... будет видно.

- Что мне делать в Аквилонии, я же передал престол сыну? - удивился Конан. Горбун в ответ лишь с загадочным видом пожал плечами.

- Дай мне руку, - обратился он к киммерийцу. Конан протянул горбуну ладонь; так, держась за руки, точно дети, они сделали три шага вперед... и тут мир, наконец, перестал безумствовать и принял нормальные очертания.

Они стояли на узкой, полузаросшей проселочной дороге. С обеих сторон ее окружали непроходимые джунгли; исполины древесного царства смыкали кроны над их головами; ничего особенного, обычные джунгли - быть может, в Кхитae, а, может, в Вендии или в Черных Королевствах Юга...

- Мы с тобой стоим на дороге к замку некроманта, - деловито заговорил горбун. - Отсюда до него три дня пути. Иди туда, - он указал рукой на восток, где над горизонтом медленно поднимался алый солнечный диск. - К полудню доберешься до поляны с

источником. Там тебя буду ждать... Белит и остальные. Возьми этот пергамент, - горбун протянул Конану свернутый в трубку свиток. - Все, что тебе нужно знать, - в нем. Когда задание будет выполнено, я сам тебя найду. Прощай! - горбун повернулся спиной к киммерийцу, ловко перепрыгнул через глубокую и широкую канаву и тотчас исчез в зарослях.

Делать было нечего, и Конан двинулся в указанном направлении. Дорога оказалась сухой, идти было одно удовольствие, тело наполняли вновь обретенные силы... и киммериец на краткий миг перестал заглядывать в будущее, предоставив, как встарь, Судьбе решать за него. Он не чувствовал ни голода, ни жажды. Даже данный горбуном свиток не слишком заинтересовал его. Так замечательно было просто идти рассветным лесом, слушая его вечную песнь Пробуждения, дышать полной грудью, разрази Кром, попросту жить!

Широким волчьим шагом Конан добрался до поляны с источником задолго до полудня. Там еще никого не было, но его это не слишком встревожило появятся в полдень, горбун же говорил... Конан отчего-то не испытывал сейчас никакого желания гадать, кем мог быть этот горбун, кто послал его, что за великие Иерархии, о которых он толковал... Все разъяснится само собой когда-нибудь, ну а не разъяснится - горевать не станем.

У родника, в тени отыскался удобный плоский камень, на коем Конан и устроился. Теперь можно было взглянуть и на пергамент.

Желтоватый свиток сам собой развернулся у него в руках. Сухим, деловитым языком в нем было сказано буквально следующее:

"Ворота. Створки из каменного дуба, усиленные восемью запирающими заклинаниями. Таран не поможет. Охрана: четверо демонов в обличии четырехруких гигантов. Рост: десять футов пять дюймов. Оружие: копья десятилоктевые, заговоренные - возвращаются в руку бросившего. Прорыв через ворота не рекомендуется. Стены: высота сорок пять футов. Камень старый, выщербленный. Подъем возможен. Охрана верхних парапетов - парные караулы, совершающие обходы вдоль всего периметра. Эти караулы: ученики некроманта низшей степени посвящения. Люди. Оружие: заклятия. Не допускать долгого боя! Иначе зачаруют".

Далее в пергаменте следовал подробный план замка, с указанием всех внутренних постов, всех потайных переходов, в том числе и особо секретного коридора, ведущего из личных покоев некроманта.

- Да с таким чертежом здесь бы управился самый последний из последних аренджунских воров! - не удержавшись, вслух подумал Конан. - И зачем им понадобился именно я?

Прежде чем он успел найти ответ на этот риторический вопрос, кусты слева от родника затрещали, их ветви раздвинулись, и взору Конана предстал отряд его подруг в полном составе; посланец Крома вновь замыкал шествие.

Шедшая впереди Белит первой заметила Конана - и замерла с открытым от удивления ртом. Из-за ее плеча показалось лицо Карелы; Рыжий Ястреб опомнилась быстрее соперницы.

- Конан! Мой Конан! - взвизнула она, с разбегу бросаясь к нему на шею. - Ты молод! Ты молод! Клянусь грудями Дэркето, ты никогда еще так потрясающее не выглядел!

- По какому это праву ты объяляешь его своим, рыжая шлюха! - раздался звенящий от ярости голос Белит. Сверкнула обнаженная сталь.

Конан успел выбить оружие из рук предводительницы пиратов лишь в самый последний

момент; однако на Карелу уже готовы были броситься разом и Раина, и Валерия, и Испарана.

- Ну-ка, девочки, давайте договоримся, - загремел Конан, и вернувшаяся мощь его голоса заставила затрепетать даже неустранимую Белит. - Я сейчас ничей, понятно? Если хотите, установите очередность, бросьте жребий, в конце концов... Мне надо столько вам рассказать, а вы вместо того, чтобы слушать, затеваете глупые бабы споры!..

Воительницы несколько присмирили, лишь Карела с Белит по-прежнему обменивались яростными взглядами.

- Что с тобой случилось, Конан? - шагнул вперед посланец Крома. - Чье чародейство вернуло тебе силу и облик молодости? Мне такое не под силу. Как тебе удалось уцелеть?.. Ты ведь...

- Ну да, я должен был погибнуть, - перебил посланца Конан. - Пашть от честного меча и вступить под кровлю чертогов нашего Отца... Да, так все и случилось бы, но... - и он, как мог, поведал спутникам обо всем, что с ним приключилось. Посланец Крома слушал его, выпучив глаза и яростно теребя многострадальный ус. Он то и дело порывался что-то возразить - и всякий раз Конан повелительным жестом заставлял его умолкнуть.

Когда Конан закончил, на время воцарилось мертвенное молчание. Посланец Крома опустил голову, словно в тягостном раздумье.

- Так что выбора у нас, в общем-то, нет, - закончил Конан. - Либо мы пройдем эту дорогу до конца, либо... но об этом не хочется и думать.

- Ради того, чтобы вырваться из Серых Земель, можно перебить всех до единого некромантов на свете, - кровожадно бросила Белит.

- Если есть план, то дело вряд ли окажется сложным, - заметила Валерия.

- Если есть возможность получить столь подробный чертеж замка, нет нужды искать на стороне того, кто расправится с обитателями этой крепости, рассудительно молвила Раина. - Здесь что-то не то. Слишком уж просто, если план верный: ну а если он неправилен...

- Сидя здесь, мы все равно ничего не выясним, - сказала Испарана. Нужно отправляться к замку.

- А, по-моему, ничего этого делать как раз и не стоит, - вдруг вмешался посланец Крома.

- Мы столкнулись с силами, о которых даже я, живший подле могучего Бога Киммерии, не знаю ровным счетом ничего. Мой повелитель должен узнать обо всем этом; думаю, нам следует подождать его высокого решения.

- А каким же образом мы узнаем об этом высоком решении? - с неприкрытым усмешкой произнесла Белит.

- Я немедленно отправлюсь в Чертоги Крома, - очень серьезно ответил посланец. - И, как только Он изречет свое Слово, я вернусь...

- Ну, это у тебя вряд ли получится, - насмешливо произнес знакомый голос горбuna. Все разом повернулись к нему.

- Видишь ли, в мои планы совершенно не входит ставить в известность твоего Крома, - задушевно сказал он, срывая какую-то травинку и завязывая узелком ее стебель. - Тебе лучше отправиться вместе с Конаном. Может, сподобишься хоть чем-то помочь... - ловкие пальцы затянули первый узел и взялись за второй.

Посланец Крома оказался не робкого десятка.

- Да кто ты такой, сожри тебя Сет?! - загремел он, вскидывая свою устрашающую секиру. - Откуда ты такой взялся? Отвечай, не то...

- Стоял бы ты спокойно, - лениво процедил горбун сквозь зубы, взмахивая при этом

травинкой с завязанными узлами. - Отрезаю пути твои, отрезаю воздушные тропы, отрезаю дороги небес... ну и все прочее, чего там полагается, - неожиданно закончил он начатую торжественным распевом фразу.

Посланец Крома дернулся было, словно собираясь сорваться с места, но тотчас же и замер; руки его с отчаянной быстротой совершили какие-то пассы, но все было напрасно. Горбун наблюдал за попытками посланца с нескрываемой усмешкой.

Лицо слуги Крома побагровело, глаза расширились; губы все время шептали что-то... однако он не мог сдвинуться с места.

- Достаточно, я полагаю? - лениво спросил горбун. - Ты пойдешь туда, куда я укажу. Когда я сочту нужным, тебе, быть может, и разрешат вернуться обратно в чертоги твоего Крома. А пока - слушай, что тебе говорят, и не пытайся придумать на ходу что-то свое! Эта игра не для подобных тебе.

Весь в поту, посланец Крома прекратил бесплодные попытки; его мощная рука лишь бесцельно тискала топорище. Сделать он ничего не мог, несмотря на все свое могущество.

- А теперь идите! - приказал горбун. - Вас ждет теплая встреча в замке. Смотрите, не подведите меня - это ведь именно я уговорил моих хозяев вытащить вас всех из Серых Земель! Тебя, конечно, это не касается, - тотчас же, однако, поправился он, кивая в сторону посланца. - Идите, и без глупостей! Помните, я с вас не спускаю глаз.

С этими словами горбун попросту исчез, растворившись в воздухе, даже не дав себе труда отойти в джунгли, как было в прошлый раз.

- Ну и что ты теперь скажешь? - Конан тяжело взглянул на посланца Крома. Тот лишь витиевато выругался, словно был не высоким приближенным могучего Бога Киммерии, а подгулявшим портовым грузчиком.

- Он и впрямь отрезал мне все пути, - с неожиданной болью в голосе признался он. - Меня словно разом все силы покинули... Я ничего не мог сделать, даже пальцем пошевелить...

- Да, жуткий этот горбун... - потянула Белит; лицо предводительницы пиратов казалось необычайно серьезным. - С такими не шутят.

Остальные воительницы дружно закивали головами, хотя слова Белит были произнесены лишь для того, чтобы сказать хоть что-нибудь; однако сейчас подругам Конана было просто страшно и они, позабыв на время о своей тяжбе, неосознанно тянулись друг к другу в поисках поддержки. Единство, пусть кажущееся, помогало.

Дорога оказалась не из трудных. Неширокий, но сухой и ровный проселок пролег, точно ущелье, между высоких зеленых стен тропического леса.

- Здесь не обошлось без магии, - мрачно проронил посланец Крома.

- Это еще почему? - удивилась Белит.

- В джунглях любая тропа зарастает за неделю, - пояснил за посланца Конан. - А тут нет никаких признаков того, что ее расчищают; да и грунт совсем другой, чем в южных лесах! Он скорее смахивает на аквилонский...

- Верно, - кивнул посланец. - Эту дорогу поддерживает волшебство... я ощущаю его присутствие... Мы направляемся к какому-то средоточию древних сил...

Что-то мне все это не слишком нравится, - неожиданно закончил он.

- Не нравится то дело, которое нам навязали, не нравится та сила, против которой нас бросили, или то и другое вместе? - осведомился Конан.

- И то, и другое, - ответил посланец. - Боюсь, нам предстоит встреча с не совсем

обычным некромантом...

Шло время. Изредка переговариваясь, они шагали и шагали по удивительно приятной дороге, под неумолчный птичий щебет, провожаемые взорами бесчисленных ярких цветов.

- Что-то все это не слишком похоже на владения чародея, занимающегося столь неаппетитным волшебством, как некромантия, - покачал головой Конан.

Остальные даже не успели ответить ему. Дорога сделала внезапный и крутой поворот, выведя их на открытое место.

Валерия восхищенно вздохнула, Испарана сильно прищурилась, Карела прикусила губу, а Белит только сплюнула. Перед ними открылся изумительный вид: долина тихой неширокой речки, к руслу широкими террасами спускались сады; утопая в зелени, среди разноцветных, цветущих кустов стоял небольшой кокетливый замок розового мрамора. Он и впрямь был замком - имел ворота, башни, два бастиона, донжоны, контрфорсы у стен; но все этоказалось не более чем детской игрушкой.

Дорога пересекала небольшую поляну и спускалась к реке, через которую был переброшен изящный арочный мост; за мостом проселок превращался в аккуратную садовую дорожку и вел прямиком к парадным воротам игрушечного замка. Стены его были совсем не высоки; из-за них виднелись кроны деревьев.

Все место казалось наполненным каким-то удивительным, радостным покоем, или, быть может, ожиданием чего-то чудесного, что вот-вот может появиться. Было в этом нечто от детских видений и снов, что приходят после рассказанной взрослыми сказки о добрых волшебниках...

- Кто бы тут ни жил, вкус у него неплохой, - прощедила сквозь зубы Испарана. - Я, признаюсь, ожидала увидеть нечто черное, страшное и мерзкое...

- Нечего торчать здесь у всех на виду! - прикрикнул Конан на свой отряд, чуть ли не силой заталкивая воительниц под прикрытие лесных зарослей. В нем тоже зародилось сомнение - туда ли они попали? В пергаменте ничего не говорилось о реке. Киммерийцу вовсе не улыбалось преодолевать ее вброд, тем более, что в крепостных рвах маги частенько селили различных милых созданий, никогда не упускавших случая полакомиться человечиной. Поразмыслив, Конан принял самое простое решение.

- Ждем до вечера, - объявил он. - Стемнеет - пойдем напрямик, через мост. Я уже не мальчик - ползать по всяkim лужам...

Его слова были встречены без возражений. Посланец же Крома, похоже, глубоко погрузился в свои размышления, ничуть не оспаривая право Конана распоряжаться и отдавать приказы.

Они устроились шагах в десяти от края леса. Конан установил череду дежурств, но и его подруги и он сам напрасно напрягали глаза - ни на стенах, ни подле замка, ни над ним не появилось ни одного живого существа.

Свечерело. Умолкли голоса дневных птах; речную долину затопил синеватый сумрак. И лишь тогда Конану и его спутницам, затаившимся в непроглядной тени под корнями какого-то лесного исполина, удалось заметить свет, мерцающий в узкой бойнице Привратной башни. Кто-то живой там все же был - если, конечно, этот свет не был простой уловкой для отпугивания трусливых воришек, тех, что дерзают забираться только в пустые дома...

- За мной! - одними губами приказал Конан и они, все семеро, быстро и бесшумно двинулись вперед. Спустились по склону долины, оставили позади деревянный мост и начали подниматься к воротам. Карела уже разматывала веревку с железным якорем -

забросить за стену.

- Проклятье, клянусь Кромом, мне совершенно не хочется убивать хозяина этого славного местечка, - неожиданно для самого себя пробормотал Конан себе под нос. Он не раз бывал в логовищах колдунов и черных магов; там даже воздух, казалось, был пропитан злом. А здесь же... Среди роскошных, нарядных цветов тщательно ухоженного сада, среди серебристых листьев с густо-зеленым отливом, в голову отчего-то лезли совсем неподходящие и совершенно невоинственные мысли - о том, что неплохо бы и в самом деле повидать Аквилонию... посидеть за чашей вина в добропорядочном тарантийском кабачке... может быть, даже сплясать. "Кром, наверное, пришел бы в ярость, узнай он, что я могу так думать", - устыдился было киммериец; однако ему потребовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы противостоять умиротворяющей магии этого места.

Им никто не препятствовал. Под прикрытием кустов они двинулись в обход замка, к тому месту, где от кольца внешних стен шла крытая галерея к внутренним постройкам.

- Что ты чувствуешь сейчас? - шепотом осведомился Конан у посланца Крома.

- Ничего, - с оттенком неуверенности в голосе отозвался тот. - Магия была в той дороге, что привела нас сюда - но здесь я не ощущаю ничего.

- А ты не мог бы заглянуть внутрь? Твои чары не способны на это?

- Увы, нет, - вздохнул посланец. - Этот горбун отрезал мне не только небесные пути и воздушные тропы. Он отрезал еще и целую область очень полезных заклинаний, так что я сейчас в лучшем случае могу пригодиться тебе как боец.

- Это уже немало, - желая подбодрить павшего духом, сказал Конан. Впрочем, мы пришли, если только я правильно разобрал этот чертеж. Карела!

Рыжего Ястреба не требовалось просить дважды. Свистнула брошенный якорь, железные крючья звонко ударились о камень, а в следующее мгновение Конан уже лез вверх. Он намеревался честно исполнить порученное.

Глава 5.

РОЗОВЫЙ ДВОРЕЦ

Согласно плану горбuna, парапет должна была патрулировать стража однако Конан не услышал их шагов, даже прижавшись ухом к теплому камню. Никто им не препятствовал; на стену один за другим влезли все пятеро воительниц и посланец Крома - а вокруг по-прежнему царило полное безмолвие.

Двор небольшой крепости был залит мягким розоватым светом: на стенах горели многочисленные фонари, освещены были и многие окна в большом, трехэтажном доме, что стоял посреди крепостного двора, окруженный благоухающими зарослями.

- Ни собак, ни сторожей, ни этих самых черных магов... - прошептал посланцу Крома Конан. - Что-то здесь не так. Чует мое сердце, нас заманивают в ловушку!

- Отступать все равно уже поздно, - озираясь по сторонам, ответил тот, поудобнее перехватывая увесистый топор. - Нам вроде бы в эту галерею?

Украшенная тонкой резьбой с инкрустациями дверь из черного дерева тотчас же распахнулась от легкого касания руки. Их взорам открылась длинная галерея, освещенная гирляндами розоватых фонариков; в нишах застыли бронзовые статуи, между ними располагались резные каменные скамьи. Путь был открыт, но Конан не торопился - подобные чересчур легко открывавшиеся двери могли таить за порогом замаскированное смертоубийственное устройство: стоило сделать шаг внутрь и нездачливый вор получал арбалетную стрелу в упор, либо ему на голову рушилась тяжелая решетка с заостренными наконечниками, либо поворачивалась плита пола под ногами...

Киммериец осторожно протянул вперед свой меч. Ничего. Пошарил им вдоль порога, за ним, пытаясь отыскать потайную пружину... И вновь ничего не случилось.

Это было более чем подозрительно. Конану не раз приходилось бывать в подземных храмах, в тщательно охраняемых тюрьмах или сокровищницах, где частенько встречались подобные устройства; однако на сей раз, похоже, путь и впрямь был открыт.

Он медленно и осторожно шагнул через порог. Обутая в сандалию нога коснулась пола сперва одними кончиками пальцев; Конан весь превратился в слух - иногда можно услышать подозрительный скрип или шорох...

Однако все его предосторожности оказались излишними. Дверь в галерею действительно оказалась самой обыкновенной незапертой дверью, без всяких хитростей или ловушек. Вскоре весь отряд киммерийца, уже готовый к бою, крался вслед за ним мимо застывших по сторонам прекрасных изваяний - бывший король Аквилонии поневоле научился разбираться в скульптуре, и он готов был поклясться, что подобного совершенства ему видеть еще не доводилось. Стройные молодые воины с открытыми и неустранимыми взорами; прекрасные девушки; умудренные годами старцы - все они провожали киммерийца невидящими взорами, и он внезапно ощутил, что щеки его начинает заливать краска стыда. За что он взялся? Он, сливший добрым и справедливым королем, которого поданные еще при жизни прозвали "великим"?

Галерея кончилась еще одной парой створок, распахнувшихся так же легко, как и входные.

Киммериец и его спутники оказались в просторном помещении, с расписным потолком и громадными, распахнутыми навстречу ночи окнами. Казалось, они очутились в саду - повсюду прямо из пола росли невысокие кусты самых разнообразных форм, названий которых Конан не знал. По проложенному искусственному желобу журчал ручеек; где-то в ветвях негромко насвистывали невидимые птицы.

- Все точно, - шепнул Конан. - Зимний сад. В углу должна быть еще одна дверь. Там вроде бы обозначен пост, так что приготовились! За ним уже покой самого некроманта!

Когда от часовых тебя отделяет одна лишь двустворчатая дверь, причем стражники не подозревают о твоем приближении, самое лучшее - это брать их на испуг. Входить должно с самым что ни на есть естественным и непринужденным видом, словно ты имеешь полное право тут находиться и чрезвычайно оскорбившись их намерениями тебя куда-то не пропустить.

Конан со спутниками так и поступили. Двустворчатая дверь приоткрылась, и киммериец с деланно-равнодушным видом шагнул вперед, держа меч в опущенной правой руке. Сейчас раздастся грозный рык стражника... а там посмотрим.

Бывшего короля Аквилонии встретила мертвая тишина. Он очутился в небольшом коридорчике; посередине на полу стояла ваза изумительной работы из чуть светящегося бледно-алого камня, и кроме этой вазы в помещении больше ничего и никого не было.

- План замка что, неверен? - сквозь зубы осведомилась Белит.

- Выбора у нас все равно нет, - угрюмо проворчал киммериец. - До окончательной проверки осталось совсем немного. Эта дверь, - он махнул рукой, - должна быть последней. Откроем и посмотрим, что за ней.

Дверь подалась так же легко, как и остальные. Из щели потянуло теплом, незнакомыми манящими ароматами каких-то экзотических женских благовоний... В следующую секунду Конан и остальные ворвались внутрь.

Это и впрямь оказался покой некроманта. Его самый сокровенный покой, его спальня. И сам некромант тоже был там и, вместо того, чтобы, напрягая все силы своей магии, противостоять дерзкому вторжению, он самым невероятнейшим образом спал, ломая в сознании Конана все представления о тех, кто занимается этой профессией.

Посреди покоя был устроен небольшой мраморный бассейн, заполненный странной посверкивающей зеленоватой жидкостью, явно не водой, хотя и прозрачной. А в самом этом бассейне, точно на пуховой перине, мирно и безмятежно спала самая прекрасная девушка из всех, что когда-либо доводилось видеть Конану.

Обнаженное жемчужно-розоватое тело покоилось чуть ниже поверхности, оставляя на воздухе только лицо. Веки с длинными пушистыми ресницами были смыкены; грудь мерно и медленно вздыхала. А от одного взгляда на линии безупречно вылепленных грудей и бедер у Конана тотчас застучало в висках.

Однако при всем при том девушка эта казалась напрочь лишенной всякой чувственности, о которой прямо-таки кричали фигуры пяти воительниц. Она казалась невинной, как весеннее утро; и казалось, что скорбь или боль еще ни разу не касались этого лица своими безжалостными когтями...

Несколько мгновений все молча смотрели. Затем пятеро женщин, как по команде, перевели взгляды на Конана... и тотчас же, словно разом поняв все, творившееся в тот миг у него на душе, дружно и молча ринулись вперед, к бассейну, на бегу занося клиники.

- Стойте! - заорал Конан нечеловеческим голосом, но его лишившихся рассудка от

ревности подруг не остановила бы и сотня тяжеловооруженных панцирников.

В бассейне что-то слабо плеснуло. Девушка приподнялась, держась одной рукой за бортик, глядя по сторонам широко раскрытыми недоумевающими глазами. Ей оставалось жить не более секунды, и Конан уже ничем не мог помочь ей пять сверкающих клинов ударили разом, но в последний миг девушка успела нырнуть. На поверхности остались лишь роскошные светлые волосы, не пожелавшие следовать за хозяйкой...

Мечи воительниц с размаху врезались в воду - и отскочили со звоном, словно жидкость эта обладала прочностью самых лучших доспехов. Белит, с перекошенным от ярости лицом, ринулась в бассейн сама - но лишь болезненно охнула, ударившись о невидимую преграду. Казалось, бассейн затянуло невидимым слоем прочного льда.

Железо мечей еще несколько раз ударило в незримый барьер, прежде чем Конану и посланцу Крома удалось оттащить разъяренных, как фурии, воительниц от бассейна.

- Ты сошел с ума! - срываясь на визг, закричала Испарана. - Из-за этой твари с белесыми волосишками ты погубишь и себя и нас! Почему ты предупредил ее? Зачем, зачем ты это сделал!! ? - она отбросила меч, голос пресекся яростным рыданием, более похожим на вой смертельно раненной или лишившейся щенят волчицы.

- Ты взялся убить некроманта и залогом стали не только твоя жизнь, но все наши, - мрачно взглянула Валерия. - А теперь все погибло... Ты и впрямь стал стариком, Конан - лишаешься рассудка при виде нетронутых девочек! Вот подожди, доберись до нее теперь!

Не отвечая, Конан склонился над бассейном... и невольно вздрогнул, потому что бассейн был пуст.

- Для чего вы ворвались ко мне в столь неподходящий час? - вдруг прозвучал нежный переливчатый голос, чистый, точно журчание горного родника. Все невольно подняли глаза - отгораживавшие угол покоя жемчужно-алые драпировки раздвинулись и оттуда появилась исчезнувшая из бассейна светловолосая девушка, уже облаченная в подобие розовой хламиды. Безоружная, она медленно приближалась. Казалось, что она идет, не касаясь пола - на ее одеянии не колыхнулась ни одна складка. Большие миндалевидные глаза такого же, как и у Конана, ярко-синего цвета, скользили по угрюмым лицам воительниц и остылбеневшим - Конана и слуги Крома.

Не дойдя нескольких шагов до живописно замершей группы, девушка остановилась.

- Для чего вы пришли ночью и пытались поразить меня своим оружием? - в ее голосе не слышалось ни злости, ни даже раздражения. - Наверное, вы что-то не так поняли. Разве я сделала что-нибудь плохое кому-то из вас?

Прежде, чем Конан успел остановить ее, Карела прыгнула вперед бешеной пантерой. Кривая сабля вспорола воздух серебристой молнией; удар был нацелен прямо в грудь хозяйки розового дворца.

Клинок со звоном отлетел от незримой преграды. Рыжий Ястреб звучно выругалась.

- Сестра, твое оружие не может причинить мне вреда, разве ты не знаешь об этом? - удивленно обратилась к ней девушка. - Почему ты стараешься убить меня - даже зная, что это невозможно?

- Ты хочешь знать?! Ты хочешь знать?! - Карела затряслась в припадке ярости. - Так вот знай, красотка, нам щедро заплатили за твою жизнь - мы должны были отнять у тебя твою, чтобы нам вернули наши!

Несколько мгновений девушка пристально вглядывалась в лицо Карелы, чуть прищурясь, словно перед ней оказалась книга с очень мелкими буквами; а потом вдруг понимающее

кинула головой.

- Да, вас вытащили из Серых Земель... тебя, тебя, и тебя тоже... всех вас, сестры... А вы, братя? Позвольте мне взглянуть на вас...

- Нечего тебе на них бесстыжие свои зенки плятить! - взвизгнула Карела, и девушка в розовой накидке вновь обернулась к ней.

- Почему? - последовал недоуменный вопрос.

- Будто не понимаешь! - фыркнула Рыжий Ястреб...

- Не понимаю, - улыбнулась хозяйка. - Надеюсь, ты объяснишь мне этот обычай... чуть позже, когда несколько успокоишься. А теперь я все же взгляну!

Киммериец смущенно кашлянул. Ему, прошедшему все, горевшему, тонувшему, сражавшемуся в бесчисленных битвах, любившему самых прекрасных женщин Старого Света, сделалось отчего-то очень неловко под пристальным взором этих ясных синих глаз. И это невинное, очаровательное существо он собирался убить бесчестным ударом! Да, в его жизни случалось всякое, в свое время он служил и наемником, он врывался в числе первых в обреченные города и потом его там еще долго помнили, но все же...

- Ты живой! - объявила девушка. - Ты живой, но чары изменили твоё тело... Мне кажется, я узнаю их... А ты, брат, - она перевела взор на посланца Крома, - ты ведь тоже не из мира живых... но и не из Серых Земель... а, ясно, ты, наверное, из свиты кого-то из правящих народами младших богов... Кром Киммерийский, я не ошиблась?

- Нет, - только и смог выдавить из себя посланец.

- Тогда кто же послал вас сюда?.. Впрочем, я уже догадываюсь. Горбун, не так ли? - лицо девушки потемнело, в громадных глазах появилась тень пережитой когда-то боли. - Он зачаровал вас, он пообещал вам спасение и жизни в обмен на мою смерть, он ведь прекрасно знал, что я не могу пасть от руки Бессмертного... И вы явились сюда! - теперь в голосе хозяйки звучала неприкрытая горечь. - Еще несколько душ встали в темный строй, - девушка отвернулась от них и, казалось, разговаривала сейчас сама с собой.

- Но кто же ты, хозяйка? - наконец смог выдавать из себя Конан.

- Кто я? - девушка чуть улыбнулась. - Вряд ли тебе будет дано понять это, смертный Конан из Киммерии. Скажу лишь, что в свое время я ответила "нет" тому, кто послал тебя сюда... а горбун не умеет прощать обиды. И для того, чтобы отомстить, он и нанял вас... хотя, точнее будет сказать, принудил... Он рассчитал все - только тот меч, что ты держишь в руке, киммериец, смог бы причинить мне вред, меч из ядовитой кости мерзкого порождения темных мировых бездн... - она содрогнулась. - Тогда я оказалась бы в полной власти этого горбuna...

- Но все-таки, кто ты? - Конан вновь повторил свой вопрос.

- Да, прости меня, я отвлеклась, - девушка одарила Конана мягкой извинительной улыбкой, вызвав шей яростное шипение всех пяти воительниц. - У меня много имен. Но в той части твоего мира, где меня знали и где мы находимся сейчас, я известна была под прозванием Гуаньлинь.

Имя это, судя по всему, ничего не говорило ни Кареле, ни Белит, ни даже Раине, хотя та и прослужила много лет в свите могущественной волшебницы. Посланец же Крома заметно вздрогнул, и лицо его залилось густой краской стыда.

Конану же понадобилось некоторое время, чтобы припомнить - где-то в Кхитае кое-кто действительно поклонялся прекрасной и девственной богине счастья, добра, милосердия и достоинства; однако в ту пору киммерийца куда больше занимали могучие кровожадные

Боги тьмы: с ними он сражался насмерть, и ему не оставалось места для милосердия.

- Но что же тогда нам делать, богиня! ? - почти простонал посланец Крома, подаваясь вперед. - Ты видишь, ты чувствуешь, ты прозреваешь - мы в полной власти этого горбатого демона, я лишен былой силы, мне даже не воззвать к моему господину! Помоги нам, сними это ужасное заклятие!

Лицо Гуаньлинь посерезнело.

- Эти чары я снять не могу, - она покачала головой, и глаза наполнились состраданием. - Ты не знаешь имени горбuna, не знаешь, кто он такой; лучше тебе и дальше пребывать в неведении, потому что с ним не справиться ни мне, ни тебе, ни нашему Крому.

- Что же нам тогда делать? - вырвалось у Белит.

- Дай мне поразмыслить, сестра, - отозвалась Гуаньлинь. - Быть может, мне придется воззвать к вышним Силам великих Иерархий... Но расскажите же мне сперва, как случилось, что вы все оказались в его власти?..

Рассказ Конана длился довольно долго. Пока он говорил, Гуаньлинь сделала несколько незаметных пассов рукой и никто и глазом не успел моргнуть, как все очутились сидящими в прохладных удобных креслах, возле каждого появился столик с фруктами, бокалами и кувшинами - вся посуда из чистого горного хрусталя.

Когда киммериец дошел в своем повествовании до явившего ему двух Божественных игроков видения, Гуаньлинь заметно вздрогнула и прекрасные глаза ее заволоклись страхом, и страх этот уже не покидал их все то время, пока длился рассказ Конана.

- ...И вот мы здесь, - закончил киммериец.

Гуаньлинь медленно поднялась, зябко поведя плечами, словно на нее налетел порыв внезапного холодного ветра.

- Скажу сразу - дело куда хуже, чем мне показалось сперва, сосредоточенно произнесла она, не поднимая глаз. - Я было решила, что все случившееся - дело рук горбuna... имени которого лучше пока не называть. Но, судя по твоему видению, Конан, в дело втянуты и высшие Иерархии, о природе которых сама я знаю очень и очень немного. Горбун давно был как-то связан с ними... А я не придавала тому значения. Быть может, я встала поперек горла только ему одному... а, быть может, и кому-то из его могущественных покровителей... Пока я могу только гадать. Чтобы ответить наверняка, придется... - она внезапно осеклась. - Но об этом вам лучше не знать, смертные. И тебе тоже, - изящная рука указала на посланца Крома.

- Все эти рассуждения не стоят и ломаного гроша! - ощерилась Белит. Ответь лучше, красотка, что нам делать, когда горбун притянет нас к ответу и потребует назад выданный аванс?

- Я не богиня войны, - покачала головой Гуаньлинь. - Со мной горбуну не справиться, но вот как же мне защищать вас...

- Твой меч, Конан! - внезапно зашипела Испарана. - Если у тебя не хватает духа, дай мне его - я покончу с этим сама.

Киммериец бросил на замбулийку короткий взгляд и лишь крепче стиснул кость эфеса. Лицо Испараны исказилось, она пригнулась в кресле, словно собираясь прыгнуть на Конана.

- Во всяком случае пока вы останетесь здесь, - наконец решила Гуаньлинь. - В моем дворце горбуну до вас не дотянуться... ну а я пока вопросу Иерархии. Располагайтесь, слуги мои укажут вам ваши комнаты...

- Ну вот это уж вряд ли... - глумливо протянул знакомый Конану голос горбuna и спустя мгновение нескладная фигура в коричневом одеянии и с мечом у пояса спокойно выступила

из-за спины Гуаньлинь.

- Ай-яй-яй, Конан, - с насмешкой покачал головой горбун. - Так-то ты платишь за твоё спасение! Ты разочаровал меня, очень разочаровал...

- Ты обманул меня! - прохрипел в ответ киммериец. - Здесь нет никакого некроманта! Здесь женщина, а я не убиваю женщин, да еще спящих!

- У тебя короткая память, киммериец, - по-прежнему не обращая ни малейшего внимания на сжавшуюся и со страхом глядящую на него Гуаньлинь, продолжал горбун. - Разве я хоть раз сказал тебе "мужчина"? Некромант может оказаться любого пола; и разве ты предупредил меня, что принял на себя такой обет? - Горбун откровенно потешался. - Но, увы, ты разочаровал не только меня. Ты разочаровал моих покровителей, о существовании коих столь блистательно догадалась проницательная Гуаньлинь, - последовал не то шутливый, не то почтительный поклон в сторону напрягшейся, точно струна, богини.

- Как ты попал сюда, презренный, разве я не закрыла тебе дорогу? бросила та.

- На один-единственный вечер, моя дорогая, на один-единственный вечер те, в чьей власти погасить и твое, и мое сознание, точно огонек свечи, дали мне силы войти, - с неожиданной серьезностью, отбросив ерничанье, ответил горбун. - Так что тебе нечего опасаться... пока нечего.

- И чего же ты хочешь, ты, страшавшийся даже назвать нам свое подлинное имя? - презрительно бросил горбуну посланец Крома.

- Я? Да сущего пустяка: объявить вам волю Вышних Сил.

- Ну так что же ты тянешь? - бросила Белит.

- Ни в коем случае. Слушай и внимай, смертный Конан: Высокие Боги дают тебе еще один шанс. Но, поскольку ты оказался куда более слабым, чем мы полагали, второе задание будет совсем другим. Слушай те же, вы, вызванные мной из Врат Смерти воительницы; ты, слуга низшего Бога, и ты, смертный Конан, отодвинутый моей силой от последнего рубежа, слушайте и внимайте Конан вновь должен стать королем Аквилонии. Он должен свергнуть своего собственного сына, что занимает сейчас престол. Если вы потерпите неудачу и на этот раз, никакие силы уже не спасут вас от ужасов самых кошмарных Преисподних, которые человеческий ум бессилен даже представить себе. Я сказал, а вы услышали!

Несколько мгновений Конан сидел, точно пораженный громом. Смысл услышанного с трудом пробивался к его сознанию; но, когда киммериец в полной мере осознал сказанное, тело его все решило само.

Оно, тело, мягким прыжком взвилось в воздух; сжимавшая меч из кости демона рука描画了 широкий полукруг, серое лезвие с шипением рассекло воздух. Безупречный удар был нацелен в шею горбuna, однако тот сделал лишь полшага навстречу Конану, нарочито-небрежно вскинул руку, перехватив в воздухе кисть киммерийца, и... горбун одним движением заломил Конану руку, причем проделал это с такой ловкостью и быстротой, что бывший владыка Аквилонии даже не успел ничего понять. Резко вспыхнувшая боль заставила его разжать пальцы и выпустить оружие; сильный толчок в грудь отбросил согнувшегося киммерийца назад, к тому месту, где он стоял.

- Ай, ай, Конан! - с ехидным упреком покачал головой горбун. - А я-то думал, что ты куда ловчее. Неужели я зря старался, возвращая тебе силы и молодость? Ты, похоже, так и остался глубоким стариком. Воистину, негоже вливать молодое вино в старые мехи!

Боль наконец отступила, рассудок Конана прояснился. Киммериец поднял глаза на подбоченившегося перед ним горбуном, несколько мгновений молча смотрел на кривую

усмешку посланца неведомых богов... а потом опустил взгляд и прохрипел:

- Этого ты от меня все равно не добьешься! Грози чем хочешь...

- Гм! Опрометчивое решение, оч-чень опрометчивое... - протянул горбун. - Но, быть может, твои очаровательные спутницы придерживаются иного мнения? Быть может, им удастся уговорить тебя не делать глупостей? А? Что вы скажете? - горбун повернулся к воительницам. - Я ведь не шучу. Хотите взглянуть на уготовленную вам Преисподнюю? Туда как раз должны были сбросить одну... одну грешницу, что весьма сильно прогневала Богов... Зрелище, обещаю, будет весьма впечатляющее. Ну как, будем смотреть?

- Остановись, Зертрикс, - глухо промолвила Гуаньлинь. - Остановись, проклятый, если в черной душе твоей есть хотя бы одна капля добра и света, заклинаю тебя, молю именем творца - остановись!

- Не могу, - вдруг тихо и серьезно ответил горбун Зертрикс. - Не могу, моя повелительница. Силы пославших меня несоизмеримы ни с твоими, ни с моими. А я пока еще не желаю отправляться в ссылку! - Он прищурился и, переведя взгляд на воительниц, продолжал прежним глумливым тоном: - Попробую все же еще раз уговорить тебя, Конан, прежде чем надолго испортить настроение твоим подружкам. Ну рассуди сам - что может помешать моим хозяевам осуществить их капризы? Ничто. И только от тебя зависит, какая участь постигнет принца... точнее, пока еще короля Конна. На тебя наложено будет тогда одно ограничение - ты не сможешь открыть ему истинный смысл происходящего. Иначе - та же кара, что и в случае невыполнения. И как бы ни сверкал ты на меня глазами, мой милый, это все равно ничего не изменит. Покорись! Ведь другой, которого вместо тебя пошлют на это, не остановится перед медленным сдиранием кожи с твоего сына - и это только для начала...

В висках киммерийца тяжелыми толчками билась густая кровь. Бешенство гнало ее по жилам, бешенство требовало немедленного действия - все равно, какого и с каким исходом.

Но все же не зря он был Конаном, шестидесятилетним Конаном, по чистой случайности оказавшемся в молодом и полном сил теле. Этот уже весьма и весьма немолодой боец отлично понимал, что бесполезно бросаться на неуязвимого противника; не лучше ли попробовать хитрость?

Конан бросил быстрый взгляд на своих спутниц. Белит перехватила его первой:

- Соглашайся! - воскликнула она, подавшись вперед и прижимая руки к груди неосознанным жестом умоляющей женщины; это, наверное, поразило Конана сильнее всего. Неукротимая предводительница пиратов, капитан "Тигрицы" никогда и ни о чем не просила, тем более - не умоляла.

- Соглашайся, Конан!

- Разумные слова, весьма разумные, - одобрительно кивнул Зертрикс. - Но все же я решил показать вам кое-что, а то вы слишком долго колебались...

- Нет! - вскинулась Гуаньлинь.

- Да! - передразнил ее горбун. - Сегодня мой день, богиня, и не тебе вставать у меня на дороге. Но ты, если не хочешь, то не смотри, - и он прищелкнул пальцами.

Прямо перед замершими Конаном и его отрядом заклубился кроваво-черный, с рыжими огненными прожилками туман. Струи его свивались и сплетались, точно громадные удавы; затем в самом сердце этого дикого танца огненно-дымных змей возник небольшой просвет; оттуда хлынул мертвенный желтый свет. Просвет быстро расширялся, и взорам зрителей предсталася ясная картина...

Над выжженной, иссущенной невидимым светилом равнине клубились коричневые смерчи. Медленно ползли громадные удушливые облака - Горбун явил Конану лишь видение, однако постарался на славу, и в самом деле перенесся внутрь Розового дворца непереносимое зловоние этих туч. Нигде не было видно никаких следов растительности.

Однако жуткая пустыня кишила жизнью. Всюду - на вершинах песчаных раскаленных барханов, в ложбинах между песчаными волнами, в тяжелом воздухе - всюду летали, ползали, катались, шагали, тащились, ковыляли, прыгали самые причудливые и неописуемые создания из темныхочных кошмаров. Человеческая фантазия не смогла бы создать подобных монстров; сплошное уродство и гротеск.

Шла непрестанная кровавая охота. Все сражались со всеми и все пожирали всех. Зубы, пилы, клешни, когти и тому подобные смертоносные орудия, которыми в изобилии были оснащены обитатели этого странного места, не знали ни минуты покоя. Тут и там на голой земле валялись доиста обглоданные костяки.

Среди диковинных творений разгулявшейся фантазии неведомых Богов медленно бродили высокие фигуры, смахивавшие на огромных обезьян. Длинные руки свисали до земли: под гладкой черной кожей перекатывались бугры мускулов, жутковато, багрово просвечивавших через покровы - казалось, там текут струи расплавленного металла. В глубоких глазницах, точно уголья, горели дикие, лишенные даже затачек разума глаза. Твари эти казались здешними хозяевами - никто не осмеливался заступить им дорогу.

А потом жуткое безмолвие, нарушающее только хрустом непрестанно жующих челюстей, внезапно нарушил истощный, отчаянный женский визг. Видение тотчас же изменилось - пробивая ядовитые желтые тучи, вниз к земле камнем летела белая фигурка обнаженной молодой женщины.

Она была хороша собой - успел понять Конан; успел понять только это, потому что в следующее мгновение несчастная рухнула прямо на песчаный откос пологого длинного бархана.

Она упала удачно - во всяком случае, осталась жива. Судя по всему, она не слишком понимала, что с ней произошло, и попыталась подняться на ноги; видно было, что раскаленный песок обжигает ей пятки.

А потом... Того, что случилось потом с ней, Конан не пожелал бы и злайшему своему врагу. Разбежавшиеся было твари, напуганные шумом падения, оправились от неожиданности, и со всех сторон двинулись к ней. Она истощно вскрикнула, метнулась в одну сторону, в другую... Кольцо жутких тварей быстро сжалось. С побелевшим лицом и расширенными от ужаса глазами женщина шагнула назад раз, другой... а потом нечисть, как по команде, бросилась на нее со всех сторон.

Крик несчастной, казалось, будет вечно звучать в ушах Конана. А самым же страшным было то, что жертва продолжала жить, несмотря на страшные рваные раны и неустанную работу челюстей и клешней. Песок покрылся кровью, внутренности вывалились, а она все жила, не теряя сознания...

А потом к месту кровавого пиршства подоспели черно-багровые демоны, те, что походили на гигантских обезьян, и началось самое ужасное. Демоны отогнали хищную свору и "сложили" несчастную "по кусочкам" обратно - чтобы немедленно приступить к удовлетворению своей похоти.

И тогда Гуаньлинь вскочила на ноги. Кроткие глаза ее превратились в два пылающих яростью костра; все тело трепетало в неистовом порыве, казалось она сейчас вспыхнет в

горло Зертриксу зубами. Горбун даже невольно отшатнулся, несмотря на всю свою самоуверенность.

- Я приказываю - освободись, душа! - громко и властно произнесла Гуаньлинь, простирая руки в повелительном жесте. Взор ее пылающих глаз был направлен на терзаемую демонами несчастную, и черно-багровые фигуры на миг отскочили от жалкого подобия человеческого тела, которое все еще служило им игрушкой; отскочили, но лишь на секунду, сила доброй богини была явно недостаточна для того, чтобы защитить жертву; пользуясь нерешительностью демонов, на тело бросились пожиратели и спустя мгновение на песке остались лишь доиста обглоданные кости да пятно крови...

- Она умерла. Это все, чем я могла помочь... - выдохнула Гуаньлинь, обессиленно опускаясь на пол. Глаза ее заволоклись мглой.

Воцарилось мертвое молчание. Конан бережно подхватил на руки невесомое тело Гуаньлинь и осторожно дал ему соскользнуть в бассейн. Это подействовало: глаза хозяйки Розового Дворца вновь приоткрылись.

- Ну, теперь вы все видели, так сказать, своими глазами, - горбун потер руки, точно приказчик после удачной сделки. - Я думаю, это несколько поколеблет решимость вашего предводителя. А, Конан? Ты еще не отказался от глупого упрямства?

Киммериец стиснул зубы. Пока этот горбун был ему не по силам; но что-то подсказывало киммерийцу, что их встреча - не последняя; и откуда-то пришла твердая, будто камень, уверенность, что они еще посчитаются и что тем или иным способом он, Конан, найдет возможность поквитаться с Зертриксом.

- Конан, умоляю тебя, - глухо промолвила Раина. - Нам не найти спасения даже за гранью смерти! А твой отказ все равно не спасет принца...

- Весьма разумно! - одобрил горбун. - Вижу, число здравомыслящих растет не по дням, а по часам.

- Хорошо, - глухо раздался голос Конана. Все вздрогнули - впечатление было такое, что заговорил мертвец.

- Ты согласен? - тотчас же подскочил к нему горбун.

- Согласен, - прежним голосом проговорил киммериец.

- А, я вижу, что мелкая надежда у тебя все же осталась... - внезапно прищурившись, заметил Зертрикс. - Такая маленькая, наивная и неуклюжая надежда - сейчас я соглашусь, а потом, как знать, вдруг да и смогу обмануть этих извергов? Не отпирайся, я читаю твои мысли, для меня они все равно что открытая книга - так, по-моему, принято говорить у вас, людей? Что ж, не буду лишать тебя этой надежды. В противном случае игра потеряет всю свою привлекательность. Ну, хорошо. Тогда не будем терять времени. Понял ли ты задание, Конан? Ты должен свергнуть своего сына - не отстранить, попросив на полчаса уступить тебе трон, а именно свергнуть! И, напоминаю лишний раз, ты не вправе ничего ему рассказывать. Твои очаровательные спутницы, и ты, слуга Крома, вы поможете ему. А с тобой, Гуаньлинь, я прощаюсь, - горбун с усмешкой поклонился. - Мы расстаемся, но помни, что если я выполню волю пославших меня Высоких богов, моей наградой станешь ты! Я уже спросил это.

Гуаньлинь смертельно побледнела, словно простая смертная.

- Давай, обращайся к своим защитникам, - вдруг с непонятной и злой горячностью бросил горбун, разом утративший все свое спокойствие. Вооружайся, возводи барьеры, призови всю свою магию - тебе уже ничто не поможет. Лучше приведи в порядок

праздничный гардероб, - закончил он уже обычным своим ерническим голосом, видимо овладев собой.

- Я не стану отвечать тебе, дитя мрака, - медленно произнесла Гуаньлинь, - скажу лишь, что сделаю все - не для того, чтобы спасти себя от постылого брака, но ради жизней тех, кого ты обманом и принуждением толкаешь на страшный путь злодейства. Ты понял меня, Зертрикс?

- Я понял тебя, Гуаньлинь, - зло прищурившись, ответил горбун. - Я понял тебя очень хорошо. Будь уверена, я во всех подробностях изложу твои слова Высоким Богам, посмотрим, что они скажут!

- Их капризам когда-нибудь должен быть положен конец! - вспыхнула богиня. - Сила не может быть безответственной!

- Ну, это уж не нам решать, - с шутовским смирением пожал плечами горбун. - А теперь, извини, нам пора. Иди за мной, Конан.

Зертрикс повернулся и, не оборачиваясь, двинулся к дверям. Киммериец и его спутницы последовали за ним.

За несколько шагов до порога горбун небрежно взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху; взмахнул - и в проеме развернулся дрожащий, переливающийся мглистый занавес.

- Вам сюда, - церемонно поклонился Зертрикс. - Вы окажетесь на границе Аквилонии. Как вы затем будете действовать - ваше дело. Но помните! Над каждым из вас довлеет судьба. И, поверьте, участь вашу стану решать не я.

Конан молча шагнул к радужному занавесу, однако Зертрикс внезапно удержал его.

- Чуть не забыл! - губы горбuna вновь искривились в усмешке. - Я бы хотел показать тебе и еще кое-что.

- Я не нуждаюсь в твоих обманных миражах, - прорычал киммериец, и уже было отодвинул Зертрикса в сторону плечом, как тот схватил Конана за локоть.

- Нет, я не собирался пугать тебя. Однако не слишком ли быстро ты, киммериец, забыл о тех, кому удалось победить тебя там, в джунглях, возле каменного алтаря забытых богов, о тех, из чьего подземелья не кто иной, как я, имел честь вытащить тебя, о непобедимый герой Аквилонии? Так вот, я недооценил тех тварей из бездны. Каким-то образом они ухитрились выследить тебя. Точнее, не они сами, но их сподвижники, та премилая коричневокожая компания, что сумела захватить в плен твоих людей. Ты, оказывается, действительно нужен им, киммериец! Не знаю уж зачем... - тут же поспешил добавить Зертрикс, однако глаза его как-то по-особенному вильнули в сторону, и Конан понял, что его враг сейчас лжет.

Горбун знал, зачем Конан мог понадобиться коричневокожим, как знал и то, что со стороны хозяев заброшенного храма это желание отнюдь не было пустым капризом или нелепым суеверием... Где-то глубоко-глубоко в самой природе - или в самой судьбе Конана - скрывалось нечто, за чем столь упорно охотились коричневокожие. Теперь найти это в себе самом предстояло киммерийцу.

- Так что ты хочешь сказать? - Конан бросил на горбuna презрительный взгляд.

- Только чтобы ты был бы осторожен, - язвительно улыбнулся тот. Высоким Богам ведь будет все равно, по какой причине ты не выполнил их задание.

- А ты можешь показать мне тех, кто вышел на охоту?

- Нет ничего проще, - расшаркнулся горбун. - Смотри!

Ловкие гибкие пальцы щелкнули еще раз перед самым лицом Конана. Очевидно, горбун

Зертрикс, кем бы ни был он в действительности, и впрямь мог заткнуть за пояс любого мага и чародея хайборийских стран. Он не нуждался ни в каких колдовских аксессуарах, вроде руки задушенного матерью младенца или кисточки из волос девственницы, убитой собственным отцом, и обесчещенной им же уже после смерти. Один щелчок пальцами - и на поверхности радужного занавеса появилось новое изображение.

... Низкое небо яростно плевалось короткими алыми молниями. Черные деревья, искривленные, изломанные, стояли в гниющей воде мелких болот. То тут, то там на поверхность неподвижной воды поднимался блеклый, тускло светящийся пузырь, дававший немного света. Между уродливых стволов была проложена тропа из ошкуренных бревен. По узкому осклизкому настилу, обвязавшись длинной веревкой, шла цепочка воинов. Приглядевшись, Конан без труда узнал в них своих коричневокожих приятелей. Они несли на себе полное вооружение, однако в тот момент киммерийцу не было дела до того, каким именно способом эти вдохновенные господа вознамерились лишить его жизни. Замерев от ужаса и отвращения, он смотрел на предводителя странной цепочки белесое полупрозрачное существо, точно сотканное из плотных туманных струй. Больше всего оно напоминало улитку с содранным панцирем и длинной, выдающейся вперед крокодильей пастью. На длинных мясистых отростках зыркали по сторонам два каких-то подгнивших, источающих гной глаза.

- Они идут сейчас закрытой для смертных дорогой через один из принадлежащих Демонам миров преисподней, - вполголоса пояснил Зертрикс. Мне стоило некоторого труда разыскать их и показать тебе. Они настолько одержимы мыслью найти тебя, что отдали свои души на съедение демонам - как плату за проход по этой бездне. Их боги смогли проведать, кто и как увел бесценного пленника из заваленной подземной тюрьмы. Их боги сумели установить, что я намереваюсь отправить вас обратно в хайборийские земли... надеюсь только, они не знают, зачем мне это потребовалось.

Так что будь бдителен, Конан из Киммерии! Эти одержимые могут оказаться страшными противниками.

- Спасибо за предупреждение, - насмешливо бросил Конан и, оттолкнув-таки горбuna с дороги, решительно шагнул за переливающийся занавес. И последнее, что он успел услыхать, прежде чем страшная сила рванула его куда-то в бездонную и беззвучную пустоту, были слова Гуаньлинь:

- Я постараюсь помочь! Верь мне, Конан! А потом все чувства разом оставили его.

Глава 6.

АКВИЛОНСКИЙ РУБЕЖ

На стыке границ между Зингарой, Аргосом и Пуантеном, самой южной из аквилонских провинций, где подле северной оконечности Рабирийских Гор быстрая Алимана сливаются с могучим Хоротом, издревле жил мирный, совсем не воинственный народ. Три больших государства как-то на удивление безболезненно поделили этот клочок земли. По Хороту шел основной поток грузов, для не имевшей выхода к морю Аквилонии, и обитатели этих мест не бедствовали. Они никогда не затевали ссор с воинственными пуантенцами - те как-то не обращали внимания на эту мелюзгу, занятые пограничными спорами с коренной Аквилонией, а потом правителям Тарантии удалось направить эту воинственность на извечного противника Аквилонии - соседнюю Немедию...

По ухоженному, не в пример иным местам, проселкуспешным шагом двигался странный отряд. Впереди шагал могучий воин в полном вооружении со странным мечом - эфес его являл собой грубую, необработанную и неудобную для руки кость, как будто бы только что выломанную из чудовищного сустава.

Конан вел своих спутников к обитаемым местам. Когда удушающие объятия магии Зертрикса наконец выпустили его, киммериец увидел, что стоит на длинном и низком мысу у слияния двух рек. Место он узнал сразу - устье Алиманы, возле самой пуантенской границы.

- Однако странно, - сказал сам себе Конан. - Раньше по Хороту баржи и плоты шли сплошным потоком - по крайней мере, пока я был королем и держал зингарцев с аргоссцами в узде... Неужто Конн... - брови киммерийца сдвинулись.

- Что ты намерен делать дальше, Конан? - посланец Крома тронул бывшего короля Аквилонии за плечо. - Эти места мне незнакомы, вдобавок... как это сказать... я уже давно служу нашему Отцу и... несколько отвык передвигаться подобным образом...

Конан замедлил шаг. Прислушивавшиеся к их разговору воительницы подошли поближе.

- Я чувствую, что надо мной будто бы топор палача подвесили, - хмуро проговорил киммериец. - Словно кто-то постоянно глядит мне в спину и только и ждет, чтобы я сделал нечто, нарушающее договор...

- Да, да! - воскликнула Белит. - Со мной то же самое!

Остальные спутницы киммерийца дружно поддержали ее, даже Карела.

- Давно ль ты отвечаешь невпопад, сын Киммерии? - несколько обиделся посланец Крома. - Я задал тебе вопрос.

- А какой сейчас может найтись ответ? - огрызнулся Конан. - Кроме как идти к Тарантии, я ничего не могу придумать. Нам запретили говорить о чем-либо Конну; но со жрецами Митры или, скажем, Асуры-то я могу поговорить?

Посланец Крома с сомнением покачал головой.

- Вряд ли тебе помогут самые низшие из слуг этих божеств, - заметил он. - Но, за неимением лучшего... Где тогда нам отыскать ближайший храм?

- В Пуантене, где же еще, - буркнул Конан. - Я вас туда и веду.

Однако далеко в тот день им уйти не удалось. Широкий наезженный проселок вывел их к покрытой садами широкой долине; по левую руку остался берег Алиманы, а впереди

замаячила небольшая и очень уютная на вид деревушка с аккуратными глинобитными домиками под желтыми тростниковые кровлями.

- А не думаешь ли ты, Конан, что тебе не следовало бы ходить туда? внезапно заговорила рассудительная Раина. - Ты ведь сейчас - точь-в-точь старый король Конан Великий; ты не думаешь, что народ тотчас же разбежится от ужаса, узрев тебя во плоти? Не лучше ли тебе дождаться, пока мы сходим на разведку и вернемся? В словах Раины был здравый смысл, и Конан уже хотел было согласиться; но тут в деревню влетел всадник на взмыленном коне; в руках он держал высоко поднятое острием вверх красное копье с подвязанным к нему багрово-алым флагом.

- Это что еще такое? - вытаращил глаза Конан. - Аргосский знак войны!

Они всемером стояли на южном гребне долины. И, словно в гигантском театре, они увидели, как мирная деревенька мгновенно преобразилась, словно ее обитатели только и ждали этого знака. Из домишек высакивали их обитатели, что-то неистово вопя и размахивая самодельным оружием, в основном - вилами и топорами, только пересаженными на более длинные рукоятки. Никто не остался в стороне: даже древние старики и старухи тянули высохшие руки, скимавшие серпы и кухонные ножи.

Орущая и воющая толпа окружила вестника, осадившего коня на небольшой деревенской площади. Всадник в запыленном, заляпанном грязью сером плаще приподнялся в стременах и зычно выкрикнул, потрясая красным копьем:

- Время сбора! Время сбора! Вставайте все под знамена короля Ариосто! Поход на Тарантию! Время сбора! Время платить долги!

Толпа встретила эти слова дружным и неистовым ревом, словно тут собирались кровожадные пираты Бараха, а не мирные аргосские крестьяне. Закачался целый лес самодельных пик, кто-то, истошно вопя, размахивал пылающим факелом, не заботясь о том, что летящие в разные стороны огненные брызги могут попасть на сухие тростниковые крыши; кто-то пустился в дикий, исступленный пляс, кто-то повалил визжащую женщину прямо в дорожную пыль, лихорадочно задирая ей полотняную юбку... Никто ни на кого не обращал внимания, казалось, в одночасье спали все запреты, исчезли обычай, правила, заповеди; мирные землепашцы превратились в озверевшее стадо демонов.

- Что с ними могло случиться? - услыхал Конан потрясенное бормотание Карелы, однако он и сам был удивлен никак не меньше своей спутницы.

Тем временем толпа поселян, похватав заплечные мешки, гурьбой повалила по ведущей на север дороге вслед за всадником с красным копьем. В деревне остались лишь несколько уж самых древних старух да несколько малолетних детей при них. Все остальные обитатели ушли; и мужчины и женщины, и было брошено все имущество; скот, птица: никто не остался следить за ними.

Пыль, взбитая десятками и сотнями ног, еще не успела осесть, когда Конан заметил на опустевшей площади привязанного к дереву человека в золотистом одеянии жреца Митры.

- За мной! - коротко скомандовал киммериец. Через несколько минут его отряд уже бежал по деревенской улице, распугивая беспечных кур и поднимая нежившихся в грязных лужах свиней.

Деревня казалась вымершей; немногочисленные оставшиеся ее обитатели не показывались.

Привязанный к дереву жрец был без сознания. Его одеяние было разодрано, лицо украсили многочисленные кровоподтеки. Несчастного привязали как раз напротив

небольшого храма Митры, совсем недавно - прибранного и аккуратного, украшенного немудреными цветочными гирляндами, что плели в дар Солнечному Богу местные девушки, а ныне - разгромленного и разграбленного. Двери были сорваны, окна - выбиты, алтарь и небольшая статуя Митры свергнуты с постаментов; из зияющего дверного проема остро разило нечистотами.

Райна сунула Конану в руку кожаную флягу с водой; киммериец поднес горлышко к запекшимся губам жреца. После нескольких попыток им удалось напоить его и привести в чувство; однако прошло еще немало времени, пока жрец смог говорить.

Его глаза изумленно расширились при виде склонившегося над ним сурового лица Конана.

- Мой повелитель... - прохрипел несчастный, делая попытку соскользнуть на пол и поклониться. Конан силой удержал его.

- Почему ты называешь меня повелителем? Разве это земли Аквилонии и разве я - ее король?

- Конечно, господин. Это южный рубеж Пуантина. А не узнать тебя я не мог - я учился в Тарантии... Я видел тебя... пока ты еще не передал престол твоему сыну, принцу Конну... Ты вернулся, государь! - глаза жреца лихорадочно блестели. - Ты вернулся, и теперь все пойдет по-иному...

И вот что рассказал им Эрмитреус, молодой жрец Митры, с отличием прошедший обучение у самых знаменитых богословских учителей Тарантии, однако избравший нелегкий путь жреца в небольшой южной деревеньке, чтобы иметь возможность помогать тем, кто действительно нуждается в его помощи и утешении.

Долгое время местные жители были действительно кротким и миролюбивым народом; однако некоторое время назад - примерно с месяц - их словно бы подменили. Все внезапно заговорили о каких-то понесенных от Аквилонии "обидах". Понятно, что никто не мог привести никаких доказательств; впрочем, в них и не нуждались. Главным было - проклясть Аквилонию и тарантийских правителей.

Волна безумств стремительно охватывала аквилонское пограничье. На западе, в Зангаре, вдруг ни с того ни с сего припомнили недоброй памятью герцога Гварралидского, Панто, что попытался как-то раз напасть на Аквилонию; авантюрист, ни во что не ставивший жизни простых зингарцев, обманувший их лживыми посулами и трусливо сбежавший при виде грозного воинства Аквилонии, бросив на произвол судьбы свою армию, вдруг стал почитаться чуть ли не святым. Народ Зингары внезапно преисполнился жаждой мщения. До Эрмитреуса дошли слухи, что рати собираются и там. Восточнее, в Аргосе, творилось то же самое.

Старые недруги, Офир и Коф, вновь подняли головы. В Офире поминали "доброго" короля Амальруса, в Кофе - Страбонуса. Достопамятная Шамарская битва дорого стоила этим двум королевствам; однако там все как по волшебству забыли, что причиной ее стало коварство этих двух королей, ложью и обманом заманившими Конана в ловушку...

- Вести поступают ко мне из многих мест, - хрипел жрец. - Их приносит голубиная почта, но последнюю неделю новостей почти не было. Многие храмы Митры подвергаются разорению и осквернению, служителей Солнечного Света предают мучительным казням... Если бы не ты, господин, мне бы тоже не удалось дожить до сегодняшнего вечера. Но теперь ты вернулся и все будет хорошо.

Конан отвернулся, не в силах видеть горящего безумной надеждой взора. Как сказать

этому несчастному, что он-то послан сюда с совершенно иной целью!

Речь жреца тем временем становилась все более и более бессвязной. Похоже, у него начинался бред. Конан поспешил осмотреть тело, однако не нашел ни одной раны, что могла бы угрожать жизни. И тем не менее Эрмитреус умирал.

Агония молодого жреца была недолгой. Не прошло и четверти часа, как глаза его навсегда закрылись.

- Здесь не обошлось без магии, - угрюмо бросил Конану посланец Крома, помогая киммерийцу копать могилу.

- Да, и я сам об этом подумал, - проворчал в ответ тот. - Чья-то воля заразила безумством жителей окрестных земель; бедняги! Их же всех гонят, считай, на убой - разве такие землепашцы выстоят хоть минуту против моих Черных Драконов?!

- Не торопись сбрасывать их со счетов, Конан, - покачал головой сподвижник Крома. - Если в дело вмешалось волшебство, то можно ждать всего. Например, у всех твоих воинов вдруг завязнут в ножнах мечи...

- Хотел бы я знать, что творится сейчас в Немедии и пиктских Пущах, проронил задумчиво Конан. - Готов прозакладывать руку, они поднялись тоже. Те, наверху, - он ткнул пальцем в небо - не играют по мелкому. Сдается мне, Аквилония уже в кольце. Я бы, по крайней мере, на их месте поступил бы так.

- Не вижу, какое значение это имеет для нас, - неожиданно вмешалась в разговор Испарана. - Что нам было приказано? Сместить с трона твоего сына, Конан. Так зачем мы теряем здесь время? Надо двигаться к Тарантии. Там будет видно - быть может, удастся сохранить жизнь Конну.

- Разумно, - сквозь зубы бросила Карела. - Может, все же прислушаешься к нашим словам, Конан? Сила солому ломит. Бороться с богами бессмысленно, тем более со столь могущественными.

Киммериец скрипнул зубами, однако ответить по существу ему было нечего. Не теряя больше времени, маленький отряд двинулся на север, вслед за ушедшими крестьянским воинством.

Час проходил за часом, дорога постепенно расширялась. Вокруг расстилалась богатая страна. Апельсиновые и пальмовые рощи, широкие луга так что же заставило ее обитателей бросить все нажитое, похватать первое попавшееся под руку оружие, которое, собственно, с большой натяжкой могло называться таковым, и последовать за исконными врагами этих краев?

Отряд Конана миновал несколько опустевших деревень. Однако выяснилось, что к армии аргосцев присоединились не только поселяне. Ушли и владельцы пограничных замков, ушли сами и увезли с собой всю многочисленную челядь и рыцарей. У киммерийца невольно стиснулись кулаки. Пуантенцы! Самые верные, самые надежные, не раз выручавшие его в трудные дни дружья - и вот идут вместе с обезумевшими толпами врагов Аквилонии...

Они остановились на ночлег в одной из оставленных крепостей. Просторные залы выглядели словно после поспешного бегства - похоже было, что здешние обитатели бросили все нажитое, захватив только оружие. Дверь небольшой сокровищницы даже не была заперта. В конюшнях стояли лошади и дальше двигался уже верхом.

На следующий день они увидели впереди дымы многочисленных пожаров. Шла уже настоящая война. Очевидно, магия неведомых Чародеев-Богов далее не распространялась.

- Надо обогнать эти орды, - сумрачно бросил спутникам Конан. Киммериец чувствовал себя совершенно омерзительно - потому что даже отдаленно не представлял себе, что делать дальше. "Пробираться в Тарантию!" Слишком расплывчато для бывшего короля, привыкшего повелевать многотысячными армиями...

Около полудня им попался еще один брошенный замок.

- Остановимся здесь, - внезапно обратилась к киммерийцу Белит. - Не забывай, мы теперь не призраки, и нам не под силу мотаться весь день в седлах, точно диким амazonкам!

Конану показалось, что глаза предводительницы пиратов смотрят чересчур уж хитро; остановка здесь была совершенно бессмысленной и киммериец, конечно же, воспротивился.

И тут впервые все пятеро воительниц дружно накинулись на него, впервые вечно ссорящиеся соперницы оказались заодно, и даже Карела на время прекратила свою вечную пикировку с Белит.

- Некогда нам! - выйдя из себя, заорал Конан. - Вы что, не видите, что творится?!

Его спутницы переглянулись.

- Нам от тебя кое-что нужно, Конан, - наконец выдавила из себя Раина.

- Это что ж такое? - хмыкнул киммериец.

И после этого ему простыми словами и распространенными простонародными жестами было объяснено, чего, в сущности, от него ждут. Совсем несложного. Куда более естественного, чем драки с колдунами, поединки с чудовищами и тому подобные бессмысленные дела, на которые недалекие мужчины почему-то тратят большую часть своей жизни...

- Мы ведь теперь люди, - закончила Испарана. - И ничто людское нам не чуждо, Конан. Мы долго спорили и решили, чтобы никому не было обидно - ты должен побывать со всеми. Очередность решит жребий.

Признаться, Конан не ожидал подобного. Да, он любил утеши плоти, сам по молодости предавался им, бывало, в совершенно неподходящем месте или в не подходящее время... Но сейчас... и, главное - с НИМИ... кто еще несколько дней назад были покойницами... кого подняла из безмолвия и праха могил жуткая воля Неведомых... Было в этом что-то извращенное, чего всегда сторонилась буйная, но предпочитающая естественные удовольствия натура Конана.

- Ну уж нет, - он покачал головой. - Не до того сейчас, красавицы.

- Да чтоб сожрали тебя твои Неведомые Боги! - топнула ногой Белит. - Ты не понимаешь, что нам нужно забыться? Хоть на миг перестать думать о том, что будет с нами, если мы не выполним то, что нам велели?! Когда мы плавали на "Тигрице", Конан, тебя не приходилось просить и одного раза! Может, ты совсем растерял пыл с годами?!

Снести подобное было выше сил киммерийца.

- Ах так?! - зарычал он, подбочениваясь. - Ну, это мы еще посмотрим!..

Воительницы обменялись между собой торжествующими взглядами. Отчего-то в этот момент они перестали ссориться.

Кавалькада свернула с широкой дороги на ведущий к брошенному замку проселок. Еще пять минут скачки - и копыта зацокали по плитам мощенного камнем двора. Дверь в главную башню была распахнута настежь.

Раскрасневшаяся, с шалыми глазами Белит молнией слетела с седла.

- Помните, что я - первая! - выкрикнула она товаркам и бегом бросилась вверх по ступеням сложенного из гранитных глыб крыльца. Киммериец последовал за ней, посланец

Крома отстал, он держался нарочито-равнодушно - и потому, наверное, первым заметил опасность.

Прямо над головой неистовой Белит, словно чудовищный цветок, распустилась тонкая черная сеть, сотканная из почти невидимых нитей. Предводительница Алого Братства не успела и глазом моргнуть, как оказалась сплененная по рукам и ногам. Веревки накрепко притянули к телу ее правую руку; левая успела выхватить небольшой кинжал, но лезвие бессильно скользило по тонкой паутине сетей: очевидно, эту снасть защищало какое-то чародейство!

И отовсюду - из-за надворных построек, из отваленных люков подвалов, из темного нутра опустевших конюшен на отряд Конана со всех сторон ринулись коричневокожие воины. И на миг киммерийцу почудилось, что за каждым врагом тянется быстро исчезающий бледно-огненный след...

- К мечу! - заорал Конан, забыв, что он не во главе эскадрона Черных Драконов. Сам он успел соскочить с коня и отпрыгнуть к стене до того, как волна врагов докатилась до него.

Ворота замка-ловушки со скрипом захлопнулись. Отряд оказался в западне. Боги забытого всеми странного народа с крайних восточных окраин великого континента оказались способны подстроить мелкую пакость своим удачливым соперникам и, если и не расстроить их планы, то, по крайней мере, проследить пути их слуг.

Отряд Конана оказался захвачен врасплох. В прекрасных головках воительниц роились весьма далекие от бранных дел мысли; накатившийся коричневый вал смял их и разбросал в разные стороны. Киммериец видел, что у Валерии вырвали из руки ее боевую цепь; Карела получила тяжелый удар по шлему и с трудом удержалась на ногах. И только Раина с Испараной встретили нападение так, словно ожидали его все это время.

Не подвел и посланец Крома. Воин лихо присвистнул, вскинул увесистую секиру - и на камнях распростерлось первое тело, аккуратно разрубленное надвое - от плеча до промежности.

Отчего-то коричневокожие воины не пускали в ход колющее и рубящее оружие. Очевидно, они получили приказ любой ценой взять Конана и его спутников живыми. Поэтому в основном они пользовались увесистыми дубинками без шипов, пригодными скорее для того, чтобы оглушать, а не убивать.

Белит билась в сети, точно бешеная пантера. Казалось, она лишилась рассудка от ярости. Гибкое тело то выгибалось тугой дугой, то вдруг с неистовой силой распрямлялось: кинжал в левой руке по-прежнему пытался перерезать стягивающие ее путы.

- Держись, мы идем! - взревел Конан, видя, что шестеро коричневокожих вознамерились утащить первую пленницу в глубь замка. Вдвоем с посланцем Крома они рванулись вперед и некогда было уже спрашивать, почему слуга Владыки Киммерийцев решил наконец обагрить свою секиру в крови...

Дорогу им преградил плотный строй. Кто-то из коричневокожих уже размахивал арканом, кто-то готовился метнуть боло, кто-то разворачивал сети; большинство подняло свои дубинки.

Два бойца ворвались в толпу врагов словно два медведя в стаю охотничьих псов. Конан угрюмо рычал от ярости; прежний, молодой боевой азарт опьянил его, превратив в презирающего смерть берсерка. Меч из кости демона как никогда удобно лежал в руке.

Первый же взмах серого клинка рассек надвое уже летящую на Конана сеть. Второй легко, словно невесомый прутик, отбросил подставленную было дубину и отделил голову

нездачливого противника от коричневого тулowiща. Фонтан крови брызнул в лицо Конану, и запах этой крови только удесятерил его ярость.

Только теперь Конан понял, какой сказочный дар вручили ему равнодушные Боги; тело повиновалось, как в лучшие дни молодости, а к мощи юных мышц прибавился накопленный опыт. Сейчас киммериец мог смело выйти один против нескольких десятков.

Конан перешагнул через поверженного, уже намечая себе нового противника, когда отстававший на два шага посланец Крома внезапно глухо вскрикнул.

Это был крик смертельно раненного, крик пораженного насмерть; невольно киммериец обернулся и волосы у него на голове тотчас же встали дыбом.

Отрубленная голова медленно катилась обратно, к бездыханному тулowiщу, жутко оскалясь и дико вращая глазами. Кожа на щеках, лбу, подбородке, лопалась и отваливалась большими лоскутами, из-под которых проглядывало нечто иссиня-черное, кипящее, маслянисто поблескивавшее. Глаза стремительно багровели и начинали светиться, превращаясь в жуткие буркалы голодного демона.

Через несколько очень долгих секунд с хлюпающим звуком - точно сплюнула громадная пасть - из черной плоти вылетел ненужный белый череп.

Сражение остановилось само собой. Противники с равным ужасом глядели на совершающееся превращение; тем временем голова докатилась, наконец, до среза шеи, прижалась к зияющей ране... и по руке, груди и спине поверженного зазмеились длинные черные трещины, как будто раскалывалась глыба скального монолита.

Черное, словно ночь, существо приподнялось, оставив на земле доистра обглоданный скелет. Оно не имело ни рук, ни ног - столб черной плоти, полужидкой, кипящей, с лопающимися на поверхности мириадами зловонных пузырьков. Два красных глаза занимали половину того, что только что было человеческим лицом. Эти глаза были лишены зрачков; не походили они и на тлеющие угли - это было самое настояще багровое пламя, жадное, живое, жгучее; в самой его середине время от времени проскальзывали ослепительно-белые яростные искры.

На месте зарубленного Конаном противника стоял голодный демон из бог весть какой Преисподней. Смерть одержимого открыла его хозяину дорогу в мир, населенный лакомыми живыми кусками мяса.

Взор пылающих глаз вперился в киммерийца, и Конан почувствовал, как по спине начинает струиться ледяной пот. Похоже, что этой твари было явно не все равно, кого пожирать, она знала своих врагов.

Мгновение... еще одно... и еще... Страшную тишину разорвал дикий вопль Испараны, перешедший в истощный визг. От ужаса тряслись и коричневокожие воины - они поняли, что ждет их после кончины.

Ноги Конана, казалось, приросли к земле. Он не раз насмерть схватывался с обитателями темных бездн - чего стоил один достопамятный Дивул! - однако те демоны походили либо на уродливое подобие человека, либо на уж ни с чем не сравнимое чудовище и с ними, какказалось теперь Конану, было легче. Сейчас же, под мертвым взором пылающих глазниц, Конан понял, что стоящая перед ним тварь не просто абсолютно чужда ему (с Дивулом можно было хотя бы обмениваться отборной бранью и стороны прекрасно понимали друг друга) - но и способна сделать с ним, с его душой нечто такое, перед чем бледнели все ужасы черных колдунов и некромантов. Глазами черного демона на киммерийца смотрело самое слепое, равнодушное, алчное Ничто, умеющее обратить в

игрушку любой предмет, любое существо, и подробности подобных игр заставляли содрогаться даже бессмертных Богов.

Черный демон двинулся. Двинулся и в тот же миг от его бока отделилась тонкая и длинная конечность - словно кто-то провел в воздухе черту гигантским пером, с которого слишком быстро стекают чернила. Неимоверно удлинившаяся длань загребла добрый десяток коричневокожих воинов - и с неодолимой силой швырнула их вперед, прямо на клинки Конана и посланца Крома.

Если бы в тот миг коричневокожие повернули бы оружие против черной твари из адских провалов, Конан не раздумывая присоединился бы к ним. Он даже опустил вниз острие клинка и вскинул левую руку, в знак того, что хотел бы говорить - но коричневокожими, похоже, окончательно овладело безумие. На губах разорванных криками ртов выступила пена; лица были искажены так, что утратили последние остатки сходства с человеческими. В их руках замелькали арканы, сети, дубины; и, чтобы уцелеть, киммерийцу вновь пришлось драться.

- Остановитесь, может, вместе мы убьем демона! - крикнул Конан, уворачиваясь от молодецкого удара булавой. Он не хотел больше ничьих смертей - потому что каждый убитый им враг, как он догадывался, будет означать появление в этом мире еще одной кошмарной твари, с которыми неизвестно как бороться... Тем временем обратился в демона и убитый посланцем Крома коричневокожий воин. Не обращая никакого внимания на спутниц Конана, две черных bestii, предусмотрительно держась поодаль, принялись гнать все новые и новые жертвы к киммерийцу.

Длинная тонкая длань демона загребла и тех коричневокожих, что тащили прочь связанную Белит; пиратка упала на ступени. Тем временем первой от оцепенения оправилась Карела; Рыжий Ястреб одним прыжком оказалась подле одной из черных тварей, привычно размахнулась саблей...

Кривой клинок застрял в башке демона; острие высунулось как раз между жутких глаз. Демон лишь слегка повел головой - и Карела с коротким воплем отлетела на несколько шагов в сторону, выпустив из пальцев рукоять. Сабля ее так и осталась торчать в черной пузырящейся плоти - и не похоже было, что она хоть чем-то мешает демону.

Вокруг Конана и посланца Крома кипел настоящий штурм. Коричневокожие в буквальном смысле градом сыпались на них: лапы демонов загребали людей, точно пухи соломы, и с силой швыряли их прямо к отчаянно рубящимся бойцам. Киммериец, как мог, избегал смертельных ударов, стараясь, по крайней мере, оглушить или обезоружить. Но появившиеся вместо дубин мечи и копья обезумевших врагов мелькали все ближе и ближе, иные отражала уже только кольчуга и, когда киммериец получил очень чувствительный удар в спину, ему пришлось разрубить противника.

Появился третий демон; и тут началось самое страшное.

На гладких черных мордах демонов, где не было ничего, кроме ужасных глаз, внезапно прорезались щели багровых пасть. Складки черной плоти разошлись; из провалов ртов вырвалось дымное пламя. Воздух сотряс торжествующий рев, и земля под ногами Конана внезапно вспутилась. Плиты, которыми был вымощен двор, отвалились в стороны; комья полетели далеко окрест. Из появившейся дыры стремительно вырвалось темно-серое облако, моментально принявшее вид хищного крылатого дракона. Раскрылась пышащая огнем пасть; по двору понеслись струи бледного пламени.

Коричневокожие воины бросились врассыпную - очевидно, они понимали, в чем дело, и

страх перед происходящим пересилил даже наложенные на них заклятия. Однако было уже слишком поздно. Конану приходилось видеть немало смертей, но даже его потрясли десятки мечущихся живых факелов, объятых странным, бездымным магическим пламенем. Оно дотла пожирало человеческую плоть, обнажавшиеся кости еще несколько мгновений бежали, движимые неведомой силой, а затем падали. Вокруг белых скелетов на мгновение вскипала густая черная жижа - а затем сослужившие свою службу человеческие останки отбрасывались, и во дворе крепости один за другим появлялись все новые и новые демоны.

Пока черные чудовища как будто бы не обращали особого внимания на Конана и его отряд; этот шанс нельзя было упустить.

- К воротам, все, быстро! - заорал киммериец, взмахивая мечом.

Воительницы одна за другой вскачивали обратно в седла; Конан же и посланец Крома рванулись к бьющейся на ступенях связанной Белит. Демоны сутились уже меньше, движения их постепенно приобретали осмысленность; мешкать было нельзя.

Конан одним ударом рассек стягивавшие Белит путы и рывком поднял ее на ноги.

- Беги! - прохрипел он прямо ей в лицо. - Лови коня и к воротам!

Предводительница пиратов сорвалась с места, словно выпущенная арбалетная стрела. Белит промчалась сквозь смыкающиеся ряды черных демонов, туда, где ее ждали остальные спутницы. И - удивительное дело! - поводья в руку ей сунула не кто иная, как Карела...

Райна и Испарана тем временем уже возились с запорами ворот.

По шеренгам безликих чудовищ прошло короткое движение. Они сдвинулись; демоны становились плечо к плечу - и все вместе, словно вымуштрованные придворные гвардейцы, дружно качнулись вперед. Крыльце, на котором замерли Конан и посланец Крома, оказалось в полукольце. Выхода не было. Нужно было пробиваться с боем.

Киммериец бросил быстрый взгляд на своего невольного товарища. Лицо посланца исказила странная гримаса, словно он до боли в ушах пытался разобрать приходящие откуда-то из дальней дали слова. Отсутствующий взор посланца замер, глаза смотрели в одну точку; казалось, он напрочь забыл и о демонах, и о самом Конане.

- Вперед! Да вперед же! - киммериец грубо рванул его за плечо.

- Погоди! - посланец вырвался. - С меня спадают путы... я чувствую силу... Сейчас, сейчас, еще немного... - он лихорадочно совершил руками какие-то мелкие пассы, словно кружевница, плетущая сложный узор.

Демоны, словно черные волны Мертвого Моря, окружили крыльце. До слуха Конана донесся отчаянный крик Карелы; кажется, она звала его...

Первый из черных демонов начал неспешно подниматься по ступеням. Медлить дальше было нельзя. Ноги Конана сами пружинисто разогнулись, и он всей тяжестью своих двухсот фунтов обрушился сверху на чересчур смелого гостя из бездны, обеими руками опустив тому на голову серый меч из кости демона.

Несмотря на всю громадную силу киммерийца и несмотря на его прыжок, клинок погрузился в плоть твари лишь на две ладони, рассек надвое один из полыхавших багровым глаз и остановился где-то около длинного безгубого рта.

Раздалось оглушительное шипение. Клинок задымился; сталь мгновенно раскалилась добела, кости рукояти начали обугливаться; демон же с немилосердно терзавшим уши диким визгом отпрянул в сторону и рухнул на ступени, растекаясь иссиня-черной маслянистой лужей. Разрубленный глаз превратился в красное пятно гнилостной слизи; второй же, целый, подхватила протянутая длань ближайшего демона и спустя секунду схвативший уже

пристроил этот глаз у себя посреди лба.

Конан не понял, зачем демону это понадобилось; но с разных сторон к нему уже тянулись обманчиво тонкие черные лапы чудовищ и его все еще шипящий, раскаленный меч принялся отсекать их одно за другим.

Взмах... другой... третий... казалось, киммериец рубит какой-то причудливый черный хвост; отрубленные конечности демонов извивались и корчились, словно раненые змеи, у ног Конана. Он был очень быстр, меч его рубил направо и налево - и тем не менее уже становилось ясно, что Конан неминуемо проиграет. Демонов, казалось, нимало не беспокоила потеря одной или даже двух конечностей: вместо отсеченных тотчас же появлялись новые. Но, с другой стороны, твари эти не превращались и в сухопутных спрутов - рук, или лап, или клешней у каждого оставалось только по две.

Бестии не приближались. Паутина черных рук старалась оплести Конана; тот без устали отмахивался мечом, но это все лишь оттягивало неизбежную развязку. В те секунды у него просто не оставалось мгновения подумать, почему же твари не пытаются напасть на посланца Крома?!

Вскоре стало понятно, для чего демону понадобился третий глаз. Он тотчас сделался чем-то вроде командира: казалось, этот добавочный глаз непонятным образом придал ему некую власть над остальными. Трехглазый мотал головой из стороны в сторону, словно осматривал все вокруг, и постоянно рычал что-то точь-в-точь, как старый десятник, гоняющий на плацу новобранцев...

- Конан! - загремел за спиной киммерийца голос посланца Крома. Оставь!.. Прорываемся!.. - казалось, слуга Бога Киммерии обрел утерянные силы; из-за спины Конана ощущимо потянуло холодом.

Что там сотворил посланец Крома, киммериец не знал, однако лапы черных демонов тотчас отдернулись; твари попятились, расступаясь и откатываясь в стороны. Открылся проход к воротам, уже распахнутым стараниями воительниц.

Конан и слуга Крома опрометью бросились в освободившийся коридор. Мелькнула череда черных морд с горящими глазами, которые сейчас казались озадаченными и чуть ли не растерянными; однако за спинами воинов строй демонов вновь смыкался.

Пригибаясь к гривам коней, люди галопом вылетели из жуткой крепости. Створки захлопнулись с резким лязгом; над стенами тотчас же взметнулись клубы ярко-алого дыма и раздалось многоголосое низкое рычание, выполненное такой ненависти и злобы, что даже Конану стоило труда подавить приступ страха. Над каменными зубцами поднялся длинный черный отросток, на конце которого факелом горел кроваво-красный глаз демона. Глаз этот пристально следил за спешно удалявшейся к северу кавалькадой...

Вырвавшись из ловушки, отряд гнал коней так быстро, как только мог. Ветер свистел в ушах, они мчались, не разбирая дороги, стремясь уйти подальше от зловещего замка, превратившегося в гнездо обитателей неведомых Преисподних. Наконец Конан осадил скакуна.

Запаленные долгой скачкой кони остановились на гребне очередной долины, из которых, собственно, и слагалась земля Пуантена. Здесь уже вовсю погуляла война. Взорам Конана и его спутников предстала дотла спаленная деревня лишь кое-где торчали печные трубы. В придорожной пыли лежали тела, победители отчего-то не позарились на отменные доспехи погибших; судя по всему, павшие были воинами кого-то из пуантенских рыцарей, до конца защищавших селение. Напавшим, кем бы они ни были, удача далась недешево пятеро

мертвых панцирников лежали в окружении по меньшей мере человек сорока.

- Скорее, там могут быть живые! - сорвался с места Конан, словно забыв, что он больше не король Аквилонии.

Однако они нашли лишь мертвых. Пуантенцы, верно, погибли, задавленные числом - их сбили с ног и долго резали ножами через щели лат, резали уже мертвых - воины лежали в лужах крови.

Конан нагнулся над погибшими, несколько мгновений вглядывался в мертвые лица... а потом, когда он разогнулся, лицо его казалось страшнее, чем у самого кошмарного демона. Его люди, поданные ЕГО королевства погибли - и он, пусть и отказавшийся от трона, должен был отомстить. Должен - и точка. Эту заповедь киммериец никогда не подвергал сомнению.

Валявшиеся вокруг панцирников их мертвые враги были самыми обыкновенными бездоспешными крестьянами, быть может, теми самыми, чей уход вслед за Вестником войны видели Конан и его спутники. Оружием им служили лишь топоры, вилы, самодельные копья да грубые хозяйственные ножи; однако, несмотря на это, никто не позарился на добротное оружие убитых. Покрытые кровью мечи панцирников валялись здесь же.

В деревне не осталось ни одного живого существа, со звериной жестокостью были перебиты даже кошки и собаки, зарезаны удоистые коровы, даже телята не угнаны, не съедены, - а - потехи ради, что ли? - расстреляны из луков.

- Тем, кто пришел сюда, добыча была не нужна, - заключил посланец Крома.

У Конана не было времени хоронить погибших. Оставался лишь погребальный костер, предписанный законом его далекой северной родины, однако огонь пощадил лишь небольшую рощицу над деревенским кладбищем. Они направились туда.

Кладбище было самым обычным для подобной пуантенской деревушки. Один Кром ведает, каким богам, кроме Митры, поклонялись здесь, но в южных провинциях Аквилонии укоренился обычай хоронить покойников, зарывая их в землю и ставя над могилой небольшой камень с именем.

- Смотрите! - внезапно замерла на месте Раина, невольно хватаясь за свои кинжалы.

- Всемогущая Дэркето! - прошептала Карела. Лицо Рыжего Ястреба посерело.

Все могилы были раскопаны. Могильные камни валялись в беспорядке. Горки свежей земли говорили о том, что случилось это не более двух-трех часов назад. Видны были полусгнившие остатки гробов.

И все же видавший виды отряд Конана поразило не это. Сами по себе оскверненные могилы мало что могли изменить после всего увиденного в деревне, после десятков изуродованных тел людей, умерших в жутких мучениях, под страшными пытками. И Карела испугалась не самого вида разверстых могильных ям - но того, как они были разрыты.

Ямы являли собой узкие щели в земле. Зеленый дерн не был забросан залегавшим ниже грунтом, как неминуемо случилось бы, если бы могилу откапывали несколько человек с поверхности при помощи обычных лопат. Нет, травяной покров вспуился и лопнул, словно неведомая сила давила на него изнутри; свежая земля лишь кое-где присыпала приподнятые края верхних пластов.

- Их... их что... - начала было Испарана.

- Да, - одними губами ответил посланец Крома. - Эти могилы вскрыты не грабителями. Мертвые поднялись сами, повинувшись чьему-то зову: они разрыли землю над собой, и... и вышли, - последние слова его были едва слышны.

- Кром! - вырвалось у Конана. - Кто же мог это сделать?! Ты понимаешь хоть что-нибудь?!

- Хоть что-нибудь понимаю, - эхом откликнулся посланец. - Ни одному из богов нашего мира подобное не под силу. Я бы знал. Это проделали те самые силы, что ведут сейчас игру с нами, Конан. Равновесие в мире пошатнулось, он с болезненной гримасой потер рукой грудь там, где сердце. - Я сбросил кое-какие из наложенных на меня Зертриксом цепей - иначе мы бы уже достались тем черным тварям в замке. Увы, все, что я мог - это отбросить их на несколько мгновений... Но сейчас я ощущаю неистовый штурм, что поднимается вокруг Аквилонии. Тот несчастный молодой жрец Митры сказал нам сущую правду, однако дело обстоит куда хуже. Наш с тобой Отец, великий Кром, пытается дозваться до меня сейчас... я чувствую его зов, но не могу разобрать слов. Как бы то ни было, война идет уже на всех рубежах, Конан. Я знаю, что поднялись пикты и немедийцы. Я знаю, что выступили в поход офиры и жители Кофа. Про зингарцев и аргосцев тебе известно и так. Аквилония в кольце врагов, и невозможно сказать, с какой стороны ей сейчас грозит наибольшая опасность.

У киммерийца вырвался сдавленный яростный рык. Его громадные кулаки сжались, он вскинул руки, потрясая ими и грозя равнодушному блистающему небу. На шее вздулись синие жилы, и Конан заорал, выкрикивая ужасные угрозы прямо в голубую бездонность.

- Приди в себя, друг! - посланец Крома схватил киммерийца за руку. - У нас осталась только одна надежда - это ты. Если ты не расстроишь замыслы тех, кто управляет сейчас этим вторжением, ты обречешь не только себя, не только своего сына и Аквилонию - ты обречешь весь населенный Людьми и привычный нам, Богам, мир. Он будет поглощен неистребимым пламенем, и что станет потом - не ведомо даже небожителям.

Воительницы слушали посланца, раскрыв рты.

- Но откуда же мне знать, что делать?! - взорвался Конан. - Как я могу сражаться с мертвыми? Один такой уже как-то попадался. Если бы не зачарованный клинок того, кто вызвал моего мертвого воина из гробницы, мне было бы несдобровать. Ответь мне, ты знаешь, что делать?

- Сейчас нам остается только одно - как и решили, пробиваться к Тарантии. И желательно успеть туда прежде наших врагов.

- Это я и так знаю, - не слишком любезно буркнул Конан, - ладно, делать нечего. Едем! Схоронить погибших, верно, уже не успеем.

Наскоро запасшись провиантом, они погнали коней дальше. Отряд торопился на север, к затянутому дымами пожаров горизонту.

Они мчались весь остаток дня и всю ночь. Позади осталось еще несколько мертвых селений. Отвратительный запах тления сопровождал их теперь неотступно. Ни одна деревня не сдалась без боя - и ни в одной не осталось никого живого. Наутро Конан и его спутники настигли вторгшуюся армаду.

На берегу быстрой речушки стоял небольшой пуантенский городок, уже не селение, но и впрямь город, обнесенный даже каменной стеной с башнями. Его предместья сгорели дотла и осаждавшие как раз упрямо штурмовали невысокие бастионы.

Штурм не был подготовлен. Атакующие лишь наскоcно наделали кое-каких лестниц да смастерили нехитрый таран из толстого древесного ствола. Тем не менее при их численности городок не мог устоять, несмотря даже на никудышний осадный припас вторгшихся. Костяком этой армии и впрямь были аргосцы: однако кроме них, там было еще полно кое-как вооруженного люда, начиная от землепашцев и кончая невесть как

очутившимися здесь мессантайскими мореходами.

Лагерь осаждавших никто не охранял. Несколько часовых стояли лишь у шатра с королевским штандартом Ариосто, однако рядом же болтались еще несколько флаглов, языкок геральдики объяснявших, что самого короля здесь нет, и его именем тут распоряжается аргосский барон Имярек.

Первого стражника сняла Раина, попросту метнув один из своих кинжалов ему в горло шагов с пятнадцати. Второй не успел даже вскинуть меч, как на затылок ему опустился пудовый кулак разъяренного киммерийца и воин упал, оглушенный.

- Ну и удар! - с одобрением заметил посланец Крома. - Ты, Конан, выбиваешь из них дух даже без дубины - пусть даже надет шлем. Я вот, тоже, бываю...

Конан не дал ему углубиться в воспоминания. Карела плеснула лишившемуся чувств человеку в лицо водой и тот застонал, приходя в сознание.

Однако рассказать он смог немногое. Аргоссец казался одурманенным, его речи отличались бессвязностью и единственное, что смогли уяснить себе Конан и его спутники - вся вторгшаяся армия сильнее смерти ненавидит Аквилонию и каждый будет сражаться до конца, чтобыстереть, наконец, это гнездовые демонов с лица земли. Каждому погившему на священной войне было обещано вечное блаженство в посмертии.

Допрос был прерван донесшимися от стены криками.

- Они пустили в ход таран, - сообщила Карела. - Ворота, боюсь, долго не продержатся.

Конан вскочил на ноги. Кровь клокотала в жилах, он не мог больше оставаться на месте, он обязан был действовать!

- Надо атаковать! - бросил он, поднимаясь. Ответом ему послужил хор возмущенных голосов - его спутницы, все как одна, выказывали деятельное нежелание рисковать головами в неизбежной схватке у ворот.

- Да что мы сможем сделать там всемером?! - громче других вскричала Белит, прожигая киммерийца яростным взглядом.

- Очень многое, - неожиданно поддержал Конана посланец Крома. - Не забывайте, я теперь вновь кое-что могу; и, думаю, врагам нашим этот небольшой сюрприз не слишком понравится.

Воительницы подчинились, хоть и без особого желания.

Не таясь, маленький отряд прошел через пустой лагерь. К тому времени бой у стен уже разгорелся вовсю, однако трудно было представить себе более бездарно организованный штурм. Кучки людей беспорядочно пытались приставить лестницы и вскарабкаться на стены; никто даже и не вспомнил о такой известной любому сотнику вещи, как прикрытие штурмовых отрядов лучниками и арбалетчиками. Конан видел, как осажденным одну за другой удалось переломить или опрокинуть семь или восемь лестниц. На киммерийца и его спутников никто не обращал внимания, хотя любой здравомыслящий командир обязан был бы встревожиться, увидав подобную компанию прогуливавшейся в своем тылу.

- Атакуем! - взревел Конан, бросаясь вперед с высоко поднятым мечом. Всемером они дружно ринулись вниз по склону невысокого, пологого холма. Клинки наголо!

До ворот оставалось не более одного полета стрелы. Вокруг толпилось с полтысячи осаждающих, большей частью - в серых крестьянских рубахах; лишь изредка мелькал начищенный доспех аргосского панцирника. Десятков пять крестьян посильнее и покряжистее раскачивали здоровенное бревно, равномерно ударяя им в трещащие ворота. С надвратных башен летели стрелы и камни, кто-то пытался лить кипяток - однако делалось

это как-то вяло и без особого успеха. Конан мельком подумал, что на стенах стоят лишь дети да женщины, в то время как все мужчины, должно быть, ушли на сборный пункт пуантенской армии, чтобы встать под знамена с золотым стремительным леопардом...

Киммериец ждал, что на них тотчас же кинутся - однако вместо этого ряды атакующих расступились перед его неистовым написком. Никто не преградил дорогу, никто даже не послал стрелу в их сторону; на лицах осаждающих, как мельком заметил киммериец, вспыхнула жестокая решимость, хищная радость, как будто перед их взорами появилось нечто, давно и безнадежно ожидаемое. Кто-то радостно вскрикнул, кто-то вскинул вверх копье; державшие таран тоже обернулись и разразились ликующими воплями. Командовавший ими аргосский сотник взмахнул рукой, таран с небывалой силой грянул в ворота, и одна из створок, не выдержав, распахнулась.

Прежде, чем Конан успел добежать до рядов осаждавших, напавшая на городок армия с ликующими воплями хлынула к воротам. Первые десятки ворвались внутрь.

"Что происходит?! - мелькнуло в голове Конана. - Я сплю, сошел с ума или это все опять козни Неведомых?!"

"Ну конечно же, последнее!" - внезапно услыхал он издевательский голос Зертрикса...

Пространство перед отрядом Конана мгновенно очистилось. Никто по-прежнему не пытался преградить ему дорогу, даже когда он подбежал к самим воротам. Сотня-другая врагов уже успела ворваться внутрь, остальные же, стараясь держаться подальше от Конана, дружно полезли на стены. Откуда-то появились и лучники, взявшие на прицел бойницы между зубцами.

Конан и его спутники ворвались в ворота. Неширокая улочка, начинавшаяся от них, была пуста; в пыли лежало несколько тел защитников города. Как и предполагал Конан, это были совсем зеленые мальчишки лет пятнадцати да совсем уж древние старики. Из-за ставень ближайших домишек на Конана глядели расширенные от ужаса глаза.

Киммериец в недоумении остановился на привратной площади. Сражаться тут было уже не с кем, враги как сквозь землю провалились. Никто не пытался ворваться внутрь через разломанные ворота и из-за спины Конана.

Вопли и лязг оружия доносились и справа и слева, однако прежде, чем киммериец успел предпринять хоть что-нибудь, его слуха достиг торжествующий, победный рев - враги перебрались через гребень стены и хлынули в город.

У Конана вырвалось страшное проклятье. Увлекая за собой воительниц и посланца Крома, он наугад бросился в боковой проулок. Прямо на него вывернулся какой-то человек с мечом, увидел Конана, дико заорал, не целясь замахнулся нелепым топором... Киммериец хотел лишь отвести удар и обезоружить крестьянина, однако сталь его клинка легко разрубила топорище и меч напрочь снес несчастному голову с плеч. Невозможно было даже понять, принадлежал ли он к нападавшим или к обороняющимся - и те и другие одеты были одинаково, опознать Конан мог только аргосцев.

- Я сожалею, - вырвалось у Конана.

Откуда-то сверху свистнули стрелы. За каждой тянулся серый хвост дыма: ими собирались поджигать дома. Стены и крыши строений вокруг киммерийца и его отряда запылали, словно политые маслом. Из горящих зданий с воплем выскочила женщина, тащившая двух орущих младенцев; она исчезла в лабиринте между лачугами, и тут на пути у Конана впервые появились аргосские латники.

Посланец Крома вскинул руку, и шлем на голове переднего воина превратился в

расплавленный металл; аргоссец завопил от нечеловеческой боли и, корчась, повалился на землю; его товарищи тотчас же бросились наутек.

- Надо уходить, Конан! - вцепилась ему в руку Белит. - Иначе сгорим тут живьем!

Она была права. Огонь распространялся со сверхъестественной скоростью. Оставался только один путь отступления - назад, к воротам.

Они благополучно выбрались из города: вне его стен не было видно ни одного воина. Похоже, все они оказались внутри, где сейчас огонь пожирал все и вся, не отличая защитников от осаждающих.

- Проклятье, я должен быть там! - нечеловеческим голосом взревел Конан.

К стене в разных местах было приставлено множество лестниц; ослепленный боевым безумием, Конан уже рванулся вперед, не думая даже, следуют ли за ним его спутники - и тут внезапно услыхал холодный, но в то же время и какой-то хихикающий голос горбuna:

"А тебе туда хода нет, хода нет, хода нет..."

И киммериец внезапно остановился, словно с разгона налетев на стену. Ноги просто отказывались нести его дальше.

"Тебе нельзя только туда, - продолжал тем временем неслышимый для остальных Зертрикс. - Я могу остановить тебя лишь трижды - и вот я уже один раз сделал это. Осталось еще два. Таково условие Высоких Богов, которое приказано было мне довести до тебя. Отчего-то желают они, чтобы это было бы тебе ведомо. Уезжай отсюда, Конан. Здесь ты уже никому не поможешь и ничего не изменишь. Туда, где сейчас еще идет бой, я тебя не пропущу. Помни о каре за невыполнение главной воли пославших тебя Сил!"

Охваченный черной яростью и безысходным отчаянием, не допускавший ранее, чтобы окружающие догадывались о его чувствах, киммериец упал на землю, впившись зубами в ее равнодушную неподатливую плоть.

Глава 7.

КОНН, СЫН КОНАНА

Тарантия полнилась самыми безумными слухами. Казалось, что весь мир сошел с ума. Вести с рубежей день ото дня становились все тревожнее: отовсюду приходили известия о все новых и новых вторгнувшихся армадах. Гонцы летели со срочными эстафетами, и читавший их документы молодой король становился чернее тучи.

На западе пикты перешли через Громовую реку и осадили Велитреум. Другая их орда валила прямиком через Боссонские топи на Галларан. Несмотря на отчаянное сопротивление боссонцев, враг с каждым днем продвигался все дальше и дальше.

На юго-западе зингарские легионы шли вверх по течению Ширки. Левое их крыло нацеливалось на Танасул, центр же и правое наступали прямиком на Аквилонскую столицу. На юге аргосцы вместе с частью примкнувших к ним зингарцев перешли Алиману и вторглись в Пуантен. Войска королей Офира и Кофа наступали на Шамар; в тыл обороняющим этот город аквилонцам нацелились армии Немедии. И лишь на севере и северо-востоке все пока оставалось спокойно.

Последний день принес новые беды. Стигийский флот покинул Кеми и взял курс на Мессантию. Аквилонские разведчики добыли эти сведения ценой собственных жизней; однако и это было еще не все. Многочисленные шемитские отряды перешли аргосскую границу, боясь опоздать к дележу богатой аквилонской добычи, и аргосцы спокойно пропустили через свои рубежи исконных врагов этого приморского королевства. Старые недруги объединились, чтобы нести смерть в аквилонские пределы.

В королевском дворце, что стоял в самом сердце Тарантии, царила гнетущая тишина. И хотя по-прежнему гордо и бесстрастно несли свою стражу прославленные Черные Драконы, личная гвардия Конана, а теперь принадлежавшая его сыну; по-прежнему сплошной вереницей к дворцу неслись пропыленные усталые гонцы на загнанных лошадях, и один за другим на рубежи уходили свежие полки, горожане чувствовали, что дела государства очень и очень плохи.

Молодой король Конн с небольшим кругом приближенных расположился во внутреннем дворе, где на втором этаже был разбит роскошный тропический парк. На громадном круглом столе была расстелена карта королевства; вкотые в нее флаги обозначали расположение аквилонских войск и армий неприятеля.

Вокруг стола тесно стояли аквилонские полководцы - частью соратники Конана, частью новые, молодые военачальники, выросшие вместе с Конном и уже успевшие доказать свою храбрость.

Здесь были храбрый Просперо, главнокомандующий аквилонской армией в тех случаях, когда отсутствовал Король; весь седой, покрытый честными боевыми шрамами Паллантид, командир Черных Драконов; недавно виконт, а ныне граф Пуантенский Гонзальвио, достойный сын самого старого и верного товарища Конана, пуантенского властителя Троцера. В неброской темной одежде скромно стоял чуть поодаль белобородый и мудрый Дексиус, Верховный Жрец Солнечного Митры.

Однако бросалось в глаза и отсутствие многих неизменных членов Коронного Совета. На восточных рубежах сдерживал написк немедийцев граф Коутенский, Монагро; барон

Джилиэйм Имирусский сражался на западе против пиктов... И от каждого из них вести шли одна чернее другой.

Гонзальвио, как самый молодой, воткнул в новые точки на карте черные флаги, обозначавшие расположение вражеских отрядов. Шамар был уже почти окружен; армии пиктов стояли на пороге Велитреума.

- Конн, все, кого мы смогли собрать, сосредоточились под Тарантией, нарушил тишину Просперо. Здесь собирались только свои, и пышные титулы были отброшены за ненадобностью. - Нам нужно решить, где будет нанесен наш первый контрудар.

- Я хотел бы, чтобы сначала высказались все, - молодой король обвел тяжелым взглядом собравшихся. Просперо и Паллантид, переглянувшись, незаметно кивнули друг другу - Конн хорошо усвоил уроки своего отца. Прежде чем решать, он советовался со знающими и опытными, а не пытался доказать всем, что в государстве законом является лишь его королевское желание, зачастую неразумное. - Начинай, Гонзальвио!

Товарищ Конна по детским играм, смелый, горячий молодой граф, как ни странно, был прирожденным полководцем.

- Нет смысла разбрасывать наши полки, - начал он. - По-моему, наибольшая угроза для нас - это армии Кофа и Офира под Шамаром. Этот город ключ к Тарантии; если он падет, откроется прямая дорога на столицу не только для королей Ианты и Хоршемиша, но и для идущих следом шемитов со стигийцами. Пикты, насколько я понимаю, увязли в Боссонских Топях; Велитриум и Галпаран задержат их орду на некоторое время - пикты терпеть не могут оставлять в тылу невзятые крепости. С зингарцами мы справимся, даже если они дойдут до Танасула; аргосцы еще не скоро пробьются через Пуантен. Так что я повернулся к Шамару, - закончил он и поклонился собравшимся.

- Хорошо сказано, - кивнул Просперо. - Признаюсь, что и сам не сказал бы лучше. Все верно, ни пикты, ни зингарцы сейчас нам непосредственно не грозят. Но вот если Пуантен не удержится... - старый полководец успокаивающе вскинул руку, вовремя заметив краску гнева на щеках Гонзальвио. - Я не хотел задеть тебя, граф, я просто рассуждаю. Так вот, если Пуантен падет, аргосцам откроется прямой путь к Тарантии и в тыл нашим полкам, обороняющим Шамар. Все будет зависеть от положения на юге. Если враг прорвется, наш первый удар, по моему разумению, следует будет направить туда.

Гонзальвио, стыдясь своей вспышки, поспешно закивал головой.

Все остальные согласились со сказанным: нечего было и думать об одновременной жесткой обороне на всех направлениях. Боссонцам и отрядам, сдерживавшим зингарцев в нижнем течении Ширки, было решено послать приказ медленно отступать, сохраняя силы, людей и уничтожая все, что можно, дабы оно не попало в руки неприятеля. Остальные полки готовились к выступлению на Шамар; следовало покончить с офицерами и кофитянами до подхода немедийцев и шемитов.

Совет продолжался еще некоторое время; уточняли диспозиции, назначали места сбора и решали еще тысячи подобных же вопросов. Конн старался обязательно выслушать всех; но все же окончательное решение он всегда принимал сам. Только в такие мгновения он и мог забыться, заставить себя не видеть тени наползающей на страну страшной опасности; в окружении верных соратников легче было противостоять ужасному призраку, кошмарному видению, что неотступно преследовало молодого короля - во снах ему являлась удивительная картина, он видел вновь своего отца, странно помолодевшего и выглядящего ненамного старше самого Конна. Молодой король видел отца - но не как знак надежды и ободрения,

напротив - во снах Конан, избоченясь, ехал во главе несметных вражеских легионов, предавал огню и мечу земли Аквилонии...

- ...Итак, решено, - спокойно, но жестко говорил Конн собравшимся приближенным. - Сегодня ночью мы выступаем на Шамар. Достославный Просперо, я прошу у тебя остаться в столице моим наместником. Никто не справится с этим лучше тебя.

- Но, мой король!.. - попытался возмутиться старый вояка.

- Я понимаю, - голос Конна стал куда мягче. - Но ведь исход всей войны зависит от того, как будут обстоять дела в Тарантии. Если в столице поднимется смута... подобная той, что в дни вторжения Ксалльтотуна... Повторяю, никто, кроме тебя, не сможет справиться с содержанием в порядке всех дел королевства. А своими мудрыми советами на поле брани мне поможет бесстрашный Палантид.

Капитан Черных Драконов низко поклонился молодому королю, не скрывая своего удовлетворения.

Были назначены командиры арьергарда, главных сил и авангарда. Несмотря на потери, Конн имел в своем распоряжении внушительную семидесяттысячную армию - народ с рубежей бежал в глубь страны и становился в ряды королевского войска. Прибыли со своими дружинами многие бароны - многие, однако далеко не все. Кто-то понадеялся на крепость стен родового замка, кто-то еще шел к столице, а кому-то пришлось вступить в изматывающие и неравные бои, что было сил сдерживая продвижение врагов к столице. Нашлись, разумеется, и такие, кто струсили и перешел на сторону вторгшихся...

Бесконечная колонна войск потекла на юго-восток. Конн не торопился. Ему надлежало следовать с главными силами; улучив минуту, молодой король уединился в своих личных покоях - в последний раз собраться с мыслями перед первым в его жизни настоящим большим походом.

Просторная комната, где он стоял, была обставлена очень просто, если не сказать бедно. Конн не жаловал роскошь. В углу, под грудой медвежьих и волчьих шкур - широкое жесткое ложе; по стенам развешаны мечи, копья, кинжалы, в другом углу находилась койка, где Конн читал. Подобно своему отцу, он оказался способным к языкам и легко осваивал новые наречия.

В дверь осторожно постучали. Конн нахмурился - он совсем недавно приказал начальнику стражи не пускать к нему никого - даже Анстрианию, любимую наложницу.

Стук повторился. Теперь он уже был чуть настойчивее, словно стучавший имел право и веские основания беспокоить короля, отнимая у него последние минуты отдыха перед выступлением.

Конн досадливо хлопнул ладонью по столу и встал, чтобы отпереть засов.

- Дексиес! - Конн не скрывал удивления. Поспешно отступив на шаг, он учтиво пригласил почтенного старца войти.

- Прости меня, сын мой, что я побеспокоил тебя, - мягко произнес жрец. В больших, умных глазах старика застыла непроходящая боль. - Прости, но дело не терпит отлагательств. Я пришел сюда потому, что не хотел говорить при всех - к чему пугать людей лишний раз! Но ты должен узнать обо всем, ты король и сын великого короля... Скажи, тебе не показалось очень странным начало этой войны? - внезапно прозвучал заданный в упор вопрос.

- Странным? - Конн приложил палец ко лбу. - Конечно. Чтобы все наши соседи в один миг стали злейшими врагами - такое случается нечасто. Но что делать, очевидно, кто-то оказался куда хитрее наших шпионов и сумел организовать этот грандиозный поход!

- Да, - кивнул жрец. - И мне кажется, что этот "кто-то" не человек и, во всяком случае, не правитель одной из сопредельных стран.

Конн невольно вздрогнул. Где-то глубоко-глубоко в сознании еще коренился древний, унаследованный от диких предков-варваров страх перед сверхъестественным. От богов сын Конана предпочитал держаться подальше одного видения Сета в мрачной зембабвейской столице ему хватило на всю жизнь.

- Дексиес, неужто против нас вновь выступил сам Сет? - мрачно вымолвил молодой король. Никого страшнее он и представить себе не мог. - И что мы можем сделать? Что говорят тебе твои солнечные боги? Если все так, то нам неплохо было бы заручиться и их покровительством в дополнение к нашим мечам!

- Посылаемые Митрой видения смутны и неясны, - с досадой произнес жрец. - Я не могу сказать этого никому, кроме тебя, властитель Аквилонии но тебе поведать просто обязан. Я бы сказал - что тот, кому я служу, сейчас явно... - голос Дексиеса упал до еле слышного шепота, - явно растерян.

- Как такое может быть? - опешил Конн. - Светлый Митра - растерян?!

- Это слово жжет мою душу хуже раскаленного металла, - тяжелые веки жреца опустились, скрывая наполнившую взоры муку. - Однако это - чистая правда. Светлый Митра счел нужным донести свою растерянность до нас, ничтожных, - и это значит, что дело тут не в кознях Сета.

Конн досадливо поморщился.

- Так что же ты можешь посоветовать мне, о высокоученый Дексиес? - в голосе Конна сквозило раздражение. Он не понимал, зачем верховный жрец говорил ему все это. Митра растерян! Что с того? Броситься на меч, подобно проигравшемуся сыну изнеженного аристократа? Кулаки короля сжались. Да затрясись от ужаса хоть все боги хайборийских земель, как это скажется на его войне? Враг оставался врагом, и никакого иного пути остановить вторжение, кроме как разгромить вторгшихся, Конн по-прежнему не видел.

- Я бы посоветовал тебе выступить навстречу не самой сильной армии врага... а навстречу самой... странной, что ли, - промолвил слуга Митры. Проницательные глаза в упор смотрели на короля.

- Странной? - удивился Конн. - Что ты хочешь этим сказать?

- Светлые Боги хайборийцев в растерянности. Это значит, что произошло нечто совершенно неожиданное, непредсказуемое и не подчиняющееся обычным законам. Вторгшиеся в пределы Аквилонии армии - это зло обычное, как бороться с ним, известно. Если бы дело было только в этом, вряд ли мне стали бы ниспосыпаться подобные видения. Нет, мой король, Боги предупреждают нас в этом вторжении есть еще какая-то тайна - и нам нужно разгадать ее.

Конн уже открыл рот, чтобы ответить, но тут за дверью его покоя вновь раздался шум. Басовитые голоса стражников внезапно перекрыл высокий и негодующий девичий крик: "Я должна его увидеть! Во что бы то ни стало!"

Конн невольно покраснел. Неужто какая-то из его многочисленных возлюбленных решила устроить трогательную сцену прощания? Король украдкой бросил взгляд на Дексиеса, однако деликатный жрец, конечно же, сделал вид, что ничего не слышит.

Дважды звякнул звонок над дверью - это значило, что начальник караула счел необходимым потревожить своего короля. На подобное он решился бы лишь в случае появления врагов под стенами самой Тарантии. Конн досадливо дернул щекой. Капитан

Черных Драконов знал свое дело и никогда бы не пропустил какую-нибудь зареванную девчонку.

- Что там, Аристобул?

Дверь распахнулась и в ее проеме показалась закованная в металл спина стражника. Он совершил немыслимый пирут вокруг собственной оси, ухитрившись при этом с достоинством отсалютовать своему повелителю мечом.

Отпихнув чинного Аристобула, в покой ворвалась растрепанная черноволосая девушка, почти девочка, с еще детскими ямочками на щеках и ребячей округлостью щек. Ее грубый плащ был весь заляпан дорожной грязью, лицо исцарапано; глаза блестели, как у безумной. В руке она сжимала скомканный свиток.

- Моему королю! - что есть мочи выкрикнула она, бросаясь вперед и протягивая пергамент.

Аристобул и второй гвардеец молниеносно выхватили мечи, препрятавшие ей путь - уж слишком резким показалось им ее движение, а свиток вполне мог служить лишь прикрытием для кинжала или стилета.

- Остановитесь! - поднял руку Конн. - Что ты хотела сказать мне, девочка? Почему ты решила пропустить ее, Аристобул?

- Прошу прощения моего повелителя, - прохрипел капитан стражи, - но она говорила такое... я не могпренебречь ее словами. Ну же, пуантенка, повтори королю то, что начала рассказывать мне!

- Ты из Пуантина? - голос Конна отвердел. Дексиус незаметно подошел к нему и остановился за правым плечом короля, пристально глядя на странную гостью.

- Истинно так, мой повелитель, - девушка сделала неуклюжую попытку поклониться. - Я из Пуантина и прихожусь троюродной племянницей нашему молодому графу, Гонзальвио. Меня звать Орстерой, с позволения Вашего Величества; я дочь барона Трастуса, владетеля замка Траст, что в двух днях пути от аргосской границы... Мой отец повергает к твоим стопам, повелитель, это письмо.

Девушка упала на одно колено, склонив голову, и протянула Конну пергаментный свиток.

- Встань, - нахмурился король. - Почему твой отец не послал обычного гонца? Не слишком-то осмотрительно отправлять тебя одну через всю страну в такое время!

- Мой отец мертв, - ровным голосом отвечала Орстера, глядя в одну точку сухими глазами, - его последней волей было, чтобы я передала тебе, о Король, это послание.

На скулах Конна вспухли желваки. Он резким движением сломал печать и развернул свиток.

"Мой повелитель! Я, Трастус, барон, владетель замка Траст, пишу тебе, чтобы известить об ужасном. Пуантенские ополчения разбиты. Аргосцы взяли все граничные крепости. Полагаю, через день-два они вырвутся к Хороту. Но даже не это главное. Мы сдерживали врага, медленно отступая, однако у него появился новый страшный предводитель. Обликом он - да простит мне король эти слова! - обликом он неотличим от твоего отца, Конана Великого, когда тому было примерно столько же лет, сколько сейчас моему повелителю. Мы небезуспешно обороняли Гарас, и тут во главе штурмующих появился этот призрак. Называю его так, хотя он, увы, не бесплотный дух. Нет, это человек из плоти и крови, и неотличимый, как я уже писал, от твоего отца, повелитель. Он возглавил атаку; его вид придал штурмующим храбрости и уверенности, и они смогли сломать ворота. И Призрак ворвался в

город, однако, открыв путь своим войскам, он пошел дальше. Доканчиваю это письмо и отправляю его с дочерью моей, Орстерой; молю моего повелителя не оставить ее, потому что мы с моей дружиной готовимся дать последний бой и хоть как-то задержать аргосцев. Прощай, мой повелитель. Трастус, барон".

Почерк был неровным, буквы налезали одна на другую, во многих местах Конну приходилось наполовину угадывать содержание - видно было, что барон писал это в страшной спешке.

- Так, - голос Конна был полон сдерживаемой ярости. - Что же случилось потом?

- Аргосцы набросились на нас, как бешеные, - безразлично уставясь в пол, ответила девушка. - Мы убивали их десятками, но они как будто бы решили, что у каждого впереди еще десять жизней. Отец... - губы девушки предательски задрожали, однако она овладела собой. - Отец только успел, что забросить меня в седло... А спустя миг его нашла стрела. - Орстера прижала к груди судорожно сжатые кулаки. Воцарилось угнетенное молчание.

Конн обернулся к Дексиесу. Взор жреца, казалось, говорил: "Вот то, о чём я тебя предупреждал!"

- Аристобул, позабывая об Орстере, - мягко касаясь рукой плеча застывшей, будто в трансе, девушки, тихо произнес Конн. - Устрой ее как можно лучше. И передай канцлеру, чтобы подготовил бы мой указ - Орстера отныне - полноправная баронесса Трастская, и... графиня Хестельская. И вызови ко мне Паллантида и Просперо. Почтенный Дексиес, прошу тебя еще чуть-чуть задержаться.

Верховный жрец с достоинством склонил величественную седовласую голову.

- Мой повелитель, ты награждаешь меня, черную вестницу? - удивленно взглянула на короля Орстера.

- Быть может, графиня, - намеренно подчеркивая ее новый титул, ответил Конн, - что эти вести, принесенные тобой, изменят весь ход войны. А теперь расскажи мне поподробнее, как обстоят дела на юге?..

Рассказ Орстера трудно было назвать обнадеживающим. Почти весь Пуантен уже попал в руки врага. Орстера говорила о громадных толпах плохо вооруженных крестьян, которые внезапно все разом бросили дома и хозяйства, влившись в ряды аргосских и зингарских отрядов. Конн и верховный жрец вновь переглянулись.

Вскоре подоспели Паллантид и Просперо. Орстера уже увел ворчливо-ласковый Аристобул; король вкратце рассказал о случившемся.

- Я думаю, направление главного удара придется изменить, - говорил Конн. - Шамар может продержаться, но, я чувствую - и почтенный высокоучченый Дексиес согласен в этом со мной - что корень этой войны - не на юге. Тот, кто появился там в... в облике моего отца, - с усилием выговорил он, - это может быть один из главарей всего вторжения. Пока жив двойник - нам придется воевать не просто со вражескими армиями или обезумевшими землепашцами, но с магическими силами. Придется доказать, что мой отец не зря спасал меня из лап Тот-Амона и что я тоже могу сражаться с черными колдунами!..

Паллантид и Просперо подавленно молчали. Что могли посоветовать молодому королю эти бывалые военачальники, если разразившаяся война властно опрокинула все устоявшиеся каноны? Даже в дни войны с Ксальтотуном против Аквилонии не объединялось столько врагов; и уж никогда не пытались лезть на рожон миролюбивые крестьяне приграничных областей.

Они уже почти договорились о том, что армия выступает не к Шамару, а на юг, к

гибнущему Пуантену, когда примчался еще один гонец. И опять принесенные им вести оказались настолько важны, что Аристоболу пришлось вновь потревожить своего короля.

Измученный, обессиленный гонец ввалился в покой. Левое его плечо было окровавлено, половина лица являла собой сплошной кровоподтек - прорываясь сквозь вражеские ряды, он получил страшный удар дубиной по шлему, но, превозмогая боль сумел убить противника, взобраться в седло и доскакать до столицы.

- Мой повелитель, - прохрипел он, обессиленно падая на одно колено не столько от избытка придворной утонченности, сколько от усталости, - Шамар окружен. Немедийцы ударили нам в спину. Монагро отступил, закрывая дорогу к Тарантии, но гарнизон Шамара долго не протянет. А с юга прут все новые и новые шемиты...

Конн скрипнул зубами. Бросить важнейшую восточную крепость на произвол судьбы и пожертвовать армией графа Монагро он не мог.

Гонца унесли - отпаивать горячим вином и приводить в чувство; молодой король обвел тяжелым взором лица своих соратников.

- Армии придется идти к Шамару, - решился нарушить затянувшееся молчание Просперо. - Страшно даже подумать, что случится, если немедийцы, кофитяне, офорцы и шемиты, объединившись, прорвутся далеко за Тайбор.

- Но Пуантен тоже уже в руках аргосцев, - мрачно бросил Паллантид.

- Не вижу иного выхода, кроме как разделиться, - кусая губы, вымолвил Конн. - Просперо, тебе придется вести армию к Шамару. Гонзальвио всем хороши, но... слишком уж горяч. Его могут заманить в ловушку.

- Повинуюсь, и повинуюсь с радостью, - поклонился старый полководец, не скрывая довольной улыбки. - Я докажу, что мне еще рано на покой!

- А ты, Паллантид, возьмешь всех Черных Драконов, - распорядился Конн. - Мы с тобой отправляемся на юг.

- Это слишком опасно, мой повелитель, - попытался возразить командир гвардейцев. - Отправь меня одного! Тебе лучше остаться в Тарантии.

Конн лишь сверкнул ярко-синими, как у отца, глазами.

- Мы выступаем с тобой на юг, и выступаем немедленно, - отчеканил он.

- Повинуюсь, мой король, - вздохнул предводитель Черных Драконов.

- Дексиес, тебе придется принять на себя власть в Тарантии, повернулся к Верховному Жрецу Конн. - Кроме тебя, почтенный, мне не на кого оставить город. Я понимаю, что мирские заботы далеки от тебя, о высокоученый, но... Я не могу приказывать, но я прошу, даже... даже умоляю, - последние слова дались Конну не слишком легко.

- Не трудись, сын мой, - словно защищаясь, жрец вскинул обе ладони. - Я принимаю на себя эту службу.

Главные силы аквилонской армии под командованием Просперо двинулись к Шамару. Король же Конн во главе тысячи своих Черных Драконов направился на юг, к охваченному пожаром войны Пуантену.

Люди стояли вдоль обочин, махая руками вслед своему королю и его отборной дружине. Здесь, в самом сердце Аквилонии, по-прежнему верили в удачу Конна - быть может, потому, что не знали всей правды о творящемся на рубежах...

Отряд оставил позади пригороды Тарантии и переправился на правый берег широкого Хорога. Отсюда брала начало широкая наезженная дорога на юг, к Пуантену.

Из покинутой безымянной крепости, откуда едва вырвались Конан и его спутницы, медленно изливался черный поток безликих, бесформенных фигур с жутко горящими красными глазами; они следовали за предводителем - тем самым, что сумел пристроить у себя на лбу третий глаз. Они шли сплошным строем, чуть быстрее обычного человеческого шага. Любой, даже самый злобный и закореневший в грехе колдун поспешил бы в ужасе отречься от службы силам Преисподних при виде этих кошмарных тварей.

Казалось, вокруг черных безногих фигур темнел даже воздух; жухла и никла трава, в слепом ужасе бежали прочь звери. Орда двигалась по ясному и четкому следу добычи; каждый из демонов знал ее в лицо. Конан из Киммерии! Его должны были любой ценой доставить они к алтарям давно забытых безымянных богов нечеловеческого народа; а зачем, почему, отчего, - этого никто из них не знал, да и знать не хотел. Трехглазый предводитель позволит им утолить жуткий, бесконечный голод лакомой человеческой плотью лишь после того, как Конан будет доставлен к жертвенникам.

Четкий след вел на север. Черная стая оставляла позади милю за милей. Демонов не заботило, увидит ли их кто-нибудь или нет. Какой смертный мог устоять перед воинством Ада, какой, кроме одного лишь Конана?

В свой черед орда миновала выжженный, полный мертвых тел пуантенский городок Гарас; здесь трехглазый предводитель задержался. Ясно видимый след внезапно замутился, как будто кто-то старался сбить демонов с толку, пытаясь бороться с ними посредством магии...

- Конан! Конан, вставай, здесь ты уже ничему не поможешь.

Сильный, напористый голос Белит настойчиво пробивался к сознанию Конана. Киммериец медленно приходил в себя. Тело еще сотрясли судороги от охватившего все его существо страшного приступа черной ярости, когда человек способен, не разбирая, убивать всех вокруг.

- Конан, нам пора. Они ушли далеко вперед, - это уже был голос посланца Крома. Чьи-то сильные руки помогли киммерийцу подняться. Раина с тревогой заглянула в глаза Конану - и невольно отшатнулась: взор киммерийца казался неотличимым от кроваво-красного взгляда черного демона. Там была такая же, если не большая, ненависть и жажда убивать.

Карела протянула полную воды флягу, Конан припал к ее горлышку и стал жадно пить, проливая серебристые струйки на грудь. Холодная, родниковая вода помогла ему окончательно прийти в себя.

- Нам надо спешить, Конан, - посланец Крома крепко стиснул предплечье киммерийца. - Орда движется вперед поразительно быстро. В городе уже не осталось никого живого, а вдобавок я чувствую, что те милейшие черные твари, от которых мы еле-еле отбились,

преследуют нас по пятам. Я попытаюсь сбить их со следа, но удастся ли это мне? - Он пожал плечами.

Чародейство посланца Крома не отличалось загадочностью. Несколько сложных пассов руками, несколько неразборчиво прошептанных заклинаний, - и отряд двинулся дальше.

Впрочем, "двинулся", - это, пожалуй, чересчур мягкое слово. Конан гнал коня что было мочи; они рассчитывали настигнуть войско аргосцев самое позднее к вечеру, однако дневной свет погас, над холмами поднялась луна, кони едва не падали от усталости - а киммериец по-прежнему не видел ни малейших признаков вторгшегося войска.

- Сквозь землю они провалились, что ли? - недоуменно пробормотал он себе под нос. Вокруг кавалькады уже вздымались кручи последнего хребта Пуантенских гор, последнего хребта перед спуском на огромную Аквилонскую равнину. Отряд миновал еще несколько дотла сожженных деревень - однако ни единого врага они по-прежнему не видели.

Киммериец осадил запаленного коня. Рядом остановился посланец Крома.

- Мне кажется, нам удалось оторваться от этих черных бестий, - негромко промолвил он. - Но, Конан, ты не забыл про раскопанные могилы на кладбище? Этих мы догоняем, я чувствую.

- Ну так что ж с того? - проворчал Конан. - Догоним, так будем рубить. Что тут думать-то?

- Чем можно убить уже мертвого? - встречным вопросом ответил посланец Крома. - Здесь может помочь только магия. Я догадываюсь, что вся эта орда из могил, что сейчас тащится впереди нас, идет не просто к Тарантии. Они словно охотятся за кем-то...

* * *

Сотни Черных Драконов скакали в строгом порядке, держа строй и равнение. На концах пик трепетали маленькие флаги; иссиня-черная броня цвета воронова крыла поблескивала на солнце. Отряд приближался к Пуантенским горам: уже отсюда Конн и Паллантид видели поднимавшиеся высоко в небо султаны дыма. Впереди бушевали пожары; король невольно стиснул зубы Пуантен славился своими богатствами, своими садами и фруктами - а сейчас там вовсю гулял огонь. Конн охотно отдал бы приказ перейти в галоп; однако следовало сберегать силы коней.

Солнце уже клонилось к вечеру, когда на дороге стали попадаться первые кучки беженцев. Их было мало, одни лишь дети да старики; все мужчины и добрая половина женщин оставались, чтобы противостоять вторжению.

- Король! Наш король идет! - раздались приветственные крики с обочин и Конн вскинул руку в латной перчатке, приветствуя пуантенцев.

На дорогу перед жеребцом молодого короля вышел могучего телосложения старик, его спина по-прежнему оставалась прямой, хотя волосы стали белее горного снега. Вокруг него толпилась стайка ребятишек мал мала меньше. Старик почтительно, но в то же время и с достоинством поклонился своему правителю.

Конн спрыгнул с седла.

- Ты хотел сказать мне что-то, старче?

- Хотел, мой король, - голосом глубоким и мощным, точно рокот прибоя, ответил стариk. - Я хотел сказать тебе - поворачивай назад. Твои храбрецы с радостью умрут на поле брани, но все это будет напрасно.

Лицо старика рассекали несколько глубоких шрамов от ударов мечами; его трудно было заподозрить в трусости.

- На нас идут мертвяки, - бесстрастно продолжал он; при этих словах сбившиеся вокруг него в кучу ребятишки, как по команде, захныкали и заверещали от страха.

- Какие такие мертвяки? - опешил Конн.

- Такие! - сверкнул глазами его собеседник. - Разрыли могилы и вылезли, я видел это собственными глазами! Нашу деревню они обратили в руины за несколько минут. Я один спасся. Я да еще эти детишки - а те, кто пытались биться, полегли все до единого. Ни топоры, ни колья этих тварей не брали.

Стариk спокойно и бестрепетно стоял под горящим взглядом короля; похоже было, что бояться ему и впрямь было нечего.

- У меня там остались трое сыновей и две дочери, - спокойно сказал он. - И я говорю тебе, король, - возвращайся. Мечами ты тут ничего не сделаешь. Нужна помощь Богов. Я иду к святыни Митры. Если он не поможет нам - тогда и впрямь все пропало.

Конн дернулся щекой.

- Спасибо тебе, - одним движением он вновь оказался в седле. - И все же я попытаюсь. Прощай! И знай, что твой король не бежал без боя еще ни перед какой опасностью. Береги детей!

Стариk покачал головой, однако ничего не ответил и лишь молча склонил величественную голову.

- Что он такое болтал про мертвяков? - обратился к Конну Паллантид, когда они миновали поворот дороги и стариk со своими подопечными скрылся из виду.

- Что-то не похоже, чтобы он болтал бы все это со страху, - задумчиво ответил Конн. - Боюсь, тот неведомый чародей, навстречу которому мы едем, сумел вызвать себе подмогу из могил. Отец как-то рассказывал... ему приходилось иметь дело с подобными тварями. Лучше всего в таких случаях помогает оружие, сработанное тем же некромантом, что вызвал мертвых к жизни... - Конн с досадой покачал головой.

Весть эта не осталась тайной для гвардейцев короля; но к чести их нужно сказать, что ни один не дрогнул. Не слышно было встревоженного шепота; лица прославленных воинов остались спокойны.

Наступил вечер, и квартирьеры уже подыскивали место для временного лагеря; войско длинной колонной втягивалось в неширокий проход между двумя кругобокими холмами; разумеется, на их вершины заранее выдвинулись боковые дозоры. Отряд благополучно миновал узкость, и передовые сотни вышли на широкий тракт между сплошными апельсиновыми садами, когда откуда-то спереди из стучащихся предвечерних сумерек с резким, далеко слышимым свистом вынеслась сигнальная стрела. Передовые разведчики заметили опасность.

Толстая стрела с тупым наконечником и врезанной в древко свистулькой упала наземь невдалеке от Конна. В следующий миг Паллантид одним движением выхватил меч, подавая сигнал.

И тотчас же, словно в ответ на посланную тревожную стрелу, впереди в долине вспыхнул багровый свет. Он разлился далеко окрест; больше всего это напоминало внезапно

засветившийся кровавым светом стелющийся туман.

- Вперед! - Конн привстал в стременах. Здесь, среди фруктовых садов, сотни Черных Драконов были точно в западне - встретить врага могли лишь несколько передовых десятков.

Могучие кони грудью ломали ветви, войско стремительно разворачивалось в линию вправо и влево от дороги. Конн с Паллантидом поскакали вперед.

В воздухе над их головами вновь пропела заунывно-тревожную песнь вторая сигнальная стрела; а еще несколько мгновений спустя до них донесся низкий, непередаваемо-грозный рык, словно там, впереди, невесть откуда появился громадный зверь - саблезубый тигр или пещерный медведь. Кони захрапели и уперлись, отказываясь идти дальше; Конн соскочил с седла, и, следуя примеру короля, следом спешилась и его охрана.

Повсюду по линии войска коневоды вели в тыл насмерть перепуганных лошадей. Черные Драконы, одинаково хорошо умевшие сражаться и в пешем, и в конном строю, плотнее сбивали ряды, готовили луки и дротики.

Впереди, на нешироком пространстве длиной примерно в два полета стрелы над землей плавали светящиеся лохмотья алого тумана; вся земля казалась залитой кровью. С противоположного края долины, от смутно темневших в полумраке очертаний каких-то строений навстречу войску Конна неспешно спускалась черная цепь странных, пошатывающихся фигур; все они, как одна, брали вперед с широко расставленными в стороны руками, словно ловили нечто невидимое. И от одного их вида Конна по коже прорвал мороз, несмотря на всю его храбрость. Как-то сразу, мгновенно, он понял, что перед ним - те самые восставшие из могил, о которых говорил старик.

Знаменосец вонзил в землю древко гордого аквилонского штандарта; Паллантид уже отдавал распоряжения. Лучники первых рядов опустились на одно колено, натягивая тетивы луков и вытаскивая из колчанов первые стрелы. Щитоносцы приготовились закрыть себя и товарищей, копейщики опустили древка. Во второй линии мечники обнажили клинки.

Неровная линия черных фигур приближалась. В жутковатом алом свете стали видны их истлевшие одежды, среди обрывков гниющей плоти поблескивали обнаженные кости. Они шли не прячась, выпрямившись во весь рост. Черные Драконы ждали, укрывшись за последними рядами апельсиновых деревьев.

Конн смотрел на это невероятное, невозможное шествие и чувствовал, как волосы на затылке под шлемом невольно начинают шевелиться.

Ждать аквилонцам пришлось недолго. Цепь мертвцев оказалась в пределах досягаемости лучников и Конн резко взмахнул рукой. Сигнальщики тотчас же повторили его движение.

Рой длинных серых стрел ушел густо, стояло безветрие, цели двигались медленно; и Черные Драконы еще раз доказали, что недаром едят свой хлеб. В мгновение ока двигавшиеся навстречу аквилонским цепям фигуры оказались утыканы торчащими древками, напоминая каких-то чудовищных дикобразов.

"Вряд ли это поможет", - мелькнуло в голове Конна.

Однако одна или две фигуры упали; остальные продолжали как ни в чем не бывало идти вперед.

"Ого, что это, их можно убить вторично?!" - молодого короля окатила волна мгновенной жаркой радости.

- Бейте, друзья, бейте, и не бойтесь! - что было сил вскричал Конн, поворачиваясь к войску. - С нами благие боги! Митра благословляет ваши стрелы!

Ответом ему стало слитное гудение десятков и сотен тетив. Стрелки уверенно, не мигая, брали прицел, стараясь попасть врагу в грудь или голову. Никто не поддался панике, никто не дал страху овладеть собой - хотя, разумеется, по спине каждого воина тек обильный ледяной пот ужаса. Однако быть храбрым вовсе не значит "не испытывать страха", а - "не поддаваться ему"...

Конн прищурился, изо всех сил пытаясь разглядеть, куда же надо попасть, чтобы черная фигура повалилась в траву. Меткие стрелы аквилонцев делали свое дело, упало еще два мертвеца; однако становилось ясно, что лучники врага не остановят и, конечно, не смогут перебить. Следовало ждать рукопашной. Чуть поредевшая цепь мертвых медленно поднималась по склону, шаг за шагом приближаясь к аквилонским позициям. Щитоносцы и копейщики теснее сдвинули ряды; лучники чуть отступили, чтобы стрелять поверх голов товарищей. Тут зоркий глаз молодого короля заметил какое-то странное шевеление в траве позади черной цепи мертвых. Конн взгляделся пристальнее - и до крови закусил губу от досады - там, опираясь на руки, упрямо ползли вперед те фигуры, что минутой раньше упали под стрелами Черных Драконов. Очевидно, случайное попадание перебило бестиям нижние конечности, они не могли больше идти - и теперь ползли, подтягиваясь на руках. Быть может, Конну помог бы огонь; но обычная стрела, обмотанная горящей паклей, вряд ли заставит воспламениться полусгнивший мокрый труп; разве что заманить их всех на погребальный костер?..

- Паллантид! Немедля пошли две... нет, три сотни резерва валить деревья и готовить растопку!.. - И Конн в нескольких словах объяснил старому полководцу свой план.

Через несколько мгновений стволы деревьев затрециали под ударами топоров. Воины работали, как безумные, воздвигая громадные кучи мелко нарубленного хвороста, покрывая им землю; а из обоза уже тащили высокогорные глиняные корчаги с маслом.

- Аккуратно отступить - и аккуратно поджечь, - как заведенный, твердил про себя Конн. Он уже понимал, что если придуманный им план даст осечку, от его отборной тысячи гвардейцев ничего не останется - мертвеца можно изрубить на куски, а он все равно будет тянуться обрубками рук к твоему горлу...

Тяжелые стрелы по-прежнему густо летели навстречу черной цепи. Однако мертвецы, заслышиав стук топоров, внезапно приостановились, словно в раздумье; Конн в отчаянии стиснул кулаки. Неужто эти твари что-то почуяли?!

Наверное, так оно и было, потому что мертвецы внезапно вновь двинулись вперед, только теперь куда быстрее, и, в такт их движению, то разгорался, то почти угасал багряный свет в долине. Становилось ясно, что соорудить ловушку до схватки воины Конна уже не успеют.

- К мечу! - пронесся над полем голос молодого короля, и бывалые ветераны гвардии невольно вздрогнули - казалось, что к ним вновь вернулся тот, кто создал Воинство Черных Драконов - великий король Конан.

Мертвецы взбирались по пологому склону, не уступая в быстроте идущей рысью лошади. Еще несколько темных фигур рухнули, пораженные стрелами в крестец, однако остальные достигли линии аквилонских щитов.

Конн стоял в первом ряду. Он видел горящие красным глаза оживших трупов. Эти глаза очень походили на буркалы черных демонов, с которыми пришлось схватиться его отцу.

Безобразные, полуразложившиеся, полуистлевшие тела, слезшая лохмотьями плоть, оголившиеся кости... Длинные когтистые руки тянулись и тянулись вперед, не пытаясь

защищаться или отражать удары. Мертвые знали только один прием - вцепиться в горло и -душить, ломая позвонки; однако поднявший их из могил вложил им в руки поистине нечеловеческую силу. Конн видел, как стоявший рядом с ним копейщик точным движением пронзил насеквоздь навалившегося на него мертвеца, пика пробила тому грудь, наконечник вышел из спины - а мертвый, как ни в чем не бывало, спокойно протянул неимоверно, неестественно длинную руку и, сминая сталь доспехов, словно бумагу, сжал воину шею; из-под шлема обильно хлынула кровь, и гвардеец Конна распростерся на земле. В следующую секунду молодой король с яростным воплем напрочь отсек обе руки зловещей мумии; но и отрубленные, кисти продолжали жить. Одна из них, перебирая по земле оголенными костями фаланг, ловко доползла до ноги Конна и вцепилась ему в сапог. Боль была такая, что сын Конана едва устоял; второй удар клинка превратил костяной обрубок в мелкое крошево, но и раздробленные, останки руки продолжали шевелиться, пытаясь ползти, вцепляться, душить...

По всему протяжению аквилонской цепи разгорелась яростная схватка. Черные Драконы были умелыми и бывальными воинами, их невозможно было испугать даже восставшими из гробов, и они стояли насмерть. Они быстро поняли, что не следует отрубать трупам руки или головы; гораздо разумнее подсечь им ноги, чтобы те не могли ходить, и медленно, по кусочкам втаптывать мертвецов во прах, не столько рубя и пронзая, сколько дробя и плюща.

Тишина вечерней долины сменилась яростными звуками битвы. Хриплые боевые кличи аквилонцев смешивались с пронзительно-скрипучими воплями, время от времени исторгавшимися из груди мертвых. С каждым мгновением мертвецы дрались все ожесточеннее и умелее, каждый вбитый в землю и искрошенный на куски труп стоил аквилонцам нескольких бойцов - от голых рук мертвецов доспехи почти не защищали.

Всего против Черных Драконов оказалось сотни три с половиной оживших трупов, однако каждый мертвец сражался за десятерых. И самым сильным натиском воинства, вышедшего из могил, был в центре аквилонских позиций, где высилось знамя с золотым львом и где стоял король Конн. Отборные телохранители медленно пятались, теряя - и теряя товарищей. В цепи возник разрыв; высоченный - мертвец оттолкнул плечом воина и шагнул к Конну, вытягивая вперед руки; пальцы тянулись к горлу молодого короля, в пустых глазницах трупа мерцал багровый огонь.

Непереносимое отвращение, а вовсе не страх, придало сыну Конана поистине силу полубога. Свистнул меч; клинок рассек мертвую плоть, верхняя половина туловища грянулась наземь, ноги же с крестцом остались стоять. Однако мумия, казалось, не обратила на это никакого внимания; мертвец подтянулся на руках и ловко зацепил крючковатыми пальцами ногу Конна. Молодой король не удержал равновесия и оступился; впившуюся в него мертвую руку отсек Паллантид, но и на него уже надвигался смердящий мертвец...

И тут Конн понял. Это он, именно он, а вовсе не его воинство нужен мертвецам. Битва продолжалась, Черные Драконы мало-помалу отступали, и становилось ясно, что ходячие трупы нацелили свой удар именно на молодого короля Аквилонии. Центр королевской гвардии держался очень упорно, крылья же постепенно отходили; сражавшиеся вокруг Конна оказались в полукольце. Несмотря на то, что немало ходячих мертвецов было иссечено на мелкие части, и втоптало в землю тяжелыми, окованными сталью сапогами Черных Драконов, воины Конна тоже понесли очень тяжелые потери. Надо было дать гвардии время... хоть несколько минут... а потом заготовленный погребальный костер довершил дело.

- У нас все готово! - выкрикнул один из воинов, внезапно появившись из сумерек за спиной Конна.

- Паллантид! Командуй отход! - распорядился Конн, и в этот миг мертвецы прорвали, наконец, цепь аквилонских воинов в центре. С десяток трупов со всех сторон надвинулись на Конна; за спиной короля встал на дыбы и забился его жеребец; двое конюших с трудом удерживали его, повисая на поводьях.

Меч Конна подрубил ноги ближайшему мертвецу, однако его уже окружали.

- Король! Уходи! - закричал Паллантид, отчаянно размахивая клинком. Жеребец Конна наконец встал на дыбы и вырвался. Животное прянуло на надвигающихся мертвецов; в тот миг, когда конь проносился мимо Конна, руки короля вцепились в роскошную гриву своего любимца и спустя миг сын Конана оказался в седле. Храпя, жеребец вновь поднялся, одним ударом копыта размозжив череп ближайшему трупу; в цепи мертвецов на секунду возник разрыв, и Конн бросил своего скакуна туда.

- Паллантид, я их отвлеку!.. - крикнул он и погнал жеребца широким кругом по полю. Десятка два мертвецов и впрямь побежали за ним, нелепо растопыривая руки; к ним стали присоединяться новые, натиск на центр аквилонцев значительно ослаб.

Знамя со львом медленно отступало. Выполняя приказ, Черные Драконы подались назад, заманивая мертвецов на гибельный костер. Конн знал, что факельщики уже разожгли огонь и стоят наготове подле кип пропитанной маслом пакли, которая всегда имелась в обозе запасливого Паллантида. Мертвецы как будто бы клюнули на этот обман: их черная цепь поползла вперед, преследуя отступающих.

Свора десятка в три гналась за Конном. Конечно, можно было бы оставить их сейчас,бросив впоследствии на эту жалкую кучку всю мощь гвардии; но Конн не хотел терять более ни одного своего воина. Нет, он, сын короля, прозванного в народе Великим, обязан сам привести этих мертвяков на костер!

Конн в тот миг гнал коня по самому дну долины; вокруг, точно разлитая в воздухе светящаяся кровь, колыхался колдовской туман. Свора преследовала его по пятам; у мертвецов невесть откуда взялась небывалая прыть.

И, уже поворачивая скакуна, Конн вдруг увидел прямо перед собой странную фигуру: подбоченясь, там стоял горбун, положив обе руки на эфес меча. Взгляд его пылал тем же красным огнем, что и глазницы мертвецов; не приходилось сомневаться, что именно он - поводырь этого страшного стада Смерти.

Конн уже не успевал ни выхватить меч, ни повернуть коня, и тогда его рука сорвала висевший слева у седла короткий дротик; прежде, чем горбун успел хотя бы шевельнуться, толстое древко пробило его насквозь.

Раздался ужасный визгливый вопль, от которого у Конна заложило уши и он на время попросту оглох. Корчась, горбатая фигура опрокинулась на спину, ухватившись обеими руками за торчащий из груди дротик. Дальнейшего Конн не видел; конь его пронесся мимо.

Король погнал скакуна обратно к линии апельсиновых рощ. Мертвяки мчались за ним уже по-собачьи, на четвереньках; и двигались с невообразимой быстротой. Конн никак не ожидал от них подобной прыти.

Конь промчался над местом схватки; впереди замаячили пошатывающиеся спины мертвецов. И тут возле самого бока Конна блеснула обнаженная рука скелета - один из мертвяков, растеряв, верно, в дороге все остатки плоти, очутился совсем рядом. Король оглянулся - свора окружила его и уже готовилась вцепиться в ноги коню.

При виде мертвых впереди жеребец бешено заржал, но, видно, того, что гналось за ним по пятам, он страшился еще больше. Вздыбившись, конь прорвался через строй уже вступивших на покрытую хвостом землю мертвецов; свора не отставала.

- Зажига-ай! - что было сил вскричал Конн, пригибаясь к шее коня, и увидел стремительно рванувшиеся по земле огненные ручейки. Пламя взметнулось за спиной Конна гудящей яростной завесой; сквозь треск и гул прорвался многоголосый вой, полный такой ненависти и в то же время тоски и ужаса, что содрогнулись все слышавшие. Охваченные огнем ходячие трупы пытались вырваться из огненных тенет, однако готовые к этому Черные Драконы шестами и тупыми концами копий отбрасывали их обратно.

Конн уже хотел осадить скакуна, когда вдруг из крутящегося пламени выскочили две каких-то твари, обугленные, изглоданные огнем, - это было все, что осталось от преследовавшей молодого короля своры. Теперь они уже ничем не напоминали людей, пусть даже и мертвых. Во многих местах плоть мертвецов слизнуло огнем, кости покрылись копотью; однако прыти у них не убавилось. Жеребец Конна окончательно вышел из повиновения наезднику и помчался вперед, не разбиная дороги, с такой скоростью, что пытаться спрыгнуть с седла было бы чистейшим самоубийством. Твари с красноватыми глазами деловито завернули обезумевшего коня и погнали его на юг.

Вслед королю неслись отчаянные крики его гвардейцев. Часть из них тоже вскочила в седла, но жеребец Конна несся с такой быстротой, точно в него вселился демон. Обычные кони не могли с ним тянуться но, тем не менее, Паллантид спешно повел гвардию следом, оставив небольшой отряд, чтобы подобрать раненых и убитых. Среди гвардейцев насчитывалось немало искусных следопытов, про которых говорили, что они способны выследить даже малиновку, пронесшуюся над полем летней ночью - а жеребец Конна оставлял в земле глубокие взрытые отпечатки копыт.

Ночь быстро сгущалась. Гвардия непреклонно шла вперед, освещая путь факелами. Она шла по следу своего короля.

Глава 8.

ПУАНТЕНСКАЯ НОЧЬ

- Сдается мне, кто-то здорово подстегнул наших красноглазых приятелей-демонов, - озабоченно бросил посланец Крома, окончив прислушиваться.

Небольшой отряд Конана остановился для краткого отдыха в покинутом обитателями селении. Здесь они уже не увидели растерзанных трупов - похоже было, что люди успели бежать до того, как сюда докатилась волна безжалостных убийц. Дома стояли нетронутыми. Пуантен остался позади. Перед Конаном лежал последний перевал. Широкая дорога проходила сквозь седловину между двумя пологими горными отрогами и устремлялась дальше на север - к Тарантии. Киммериец и его спутники шли через провинцию двое суток, хотя для конного в иное время им потребовалось бы на это не более одного дня. Путь преграждали то большие пожары, то невесть откуда взявшимся стаи волков и одичавших псов нападали на кавалькаду с таким ожесточением, что Конану приходилось отступать. Волки, не обращая внимания на зарубленных собратьев, нападали со всех сторон, и киммерийцу с огромным трудом удавалось пробиться сквозь их ряды.

И все же отряд Конана сумел прорваться к границе Пуантена. Все это время он чувствовал, что погоня не отстает и не теряет след. Черные Демоны оказались первоклассными ищёйками. Чем дальше, тем быстрее они двигались; киммериец своим глубинным, звериным чутьем улавливал неутолимый голод, терзавший адских созданий. Расстояние между отрядом Конана и преследователями неуклонно сокращалось.

Воительницы совсем было приуныли - вышедшие из Серых Земель, они тоже обрели удивительную способность ощущать присутствие служителей и обитателей Преисподних. Все понимали, что открытого боя им не выдержать; отряд шел почти наугад; спасения от Неведомых не было, а если Конан и сумеет уйти от погони, месть недовольных Богов все равно настигнет их, если они не выполнят волю Великих.

- Ну, подстегнул, и что с того? - проворчал киммериец в ответ на сказанные посланцем Крома слова. - Кони быстрее все равно не пойдут.

- Рано или поздно они настигнут нас, - негромко молвил посланец. - Если мы не придумаем, как с ними справиться...

- Ну, понятное дело, я не знал, что нам будет плохо, если мы ничего не придумаем, - ухмыльнулся Конан. - Знаешь, мой отец в таких случаях говорил не можешь сказать ничего умного - лучше молчи.

- Мне так легче думается, - насупился посланец. Конан пожал плечами и отвернулся. Одного демона ему все же удалось сразить; не миновать того же и иным тварям, если дело дойдет до последней схватки. А там - будь что будет. Побывав за свою долгую жизнь в самых невероятных передрягах, киммериец привык доверять судьбе. Из любого, внешне даже самого безвыходного положения может найтись неожиданный выход - нужно лишь не поддаваться отчаянию и искать, до чего не смогли додуматься твои враги.

- Ладно, тронулись, - Конан коснулся плеча посланца Крома. - А то эти бестии и в самом деле нас нагонят.

- Двинемся, но не раньше, чем я вновь попытаюсь запутать наш след, вздохнул слуга

Крома. - Заклятье Зертрикса слабеет, вскоре я уже смогу достичь чертогов нашего Отца... А пока - помоги мне!

Повинуясь командам посланца, Конану долго пришлось расхаживать взад и вперед, совершая бессмысленные движения руками и время от времени выкрикивая то "аой", то "эвое"...

Когда они тронулись в путь, посланца Крома пошатывало от усталости и он едва держался в седле.

Был вечер, далеко у гористого горизонта медленно угасало алое закатное пламя. В лица был свежий ветер - и его порыв внезапно донес запах гари вместе с жутким, замогильным воплем сотен и сотен голосов. В следующий миг перед отрядом Конана открылась неширокая долина с пологими склонами, залитая странным кровавым светящимся туманом. На той стороне долины полыхал грандиозный пожар - из крутящихся огненных вихрей и рвался тот леденящий душу предсмертный вой, что они услышали чуть раньше.

И тут до слуха Конана вновь донесся голос Зертрикса.

- Тебе туда нельзя, киммериец. Я останавливаю тебя вторично.

Конь Конана заржал и попятился. Сам киммериец досадливо сплюнул.

- А куда же мне тогда деваться? - Он постарался вложить в вопрос как можно больше издевки.

- Для нашего дела будет лучше, если ты немного посиديшь на одном месте, - отозвался Зертрикс.

От внимания Конана не ускользнуло, что горбун говорит как-то сдавленно: голос его стал низким и хриплым.

Отряд вновь остановился.

- Если черные демоны доберутся до меня, пока мы здесь прохлаждаемся, боюсь, твои хозяева вряд ли будут очень обрадованы, - наудачу бросил Конан. Ответа не последовало.

Тьма сгущалась. Пожар на противоположном краю долины медленно угасал, словно какая-то сила сдерживала огонь, не давая ему распространяться дальше. В воздухе пахло горелым и еще чем-то неуловимым, но донельзя отвратительным - киммериец готов был поклясться, что так могут пахнуть полуразложившиеся трупы, когда их наконец бросят на погребальный костер...

Медленно тянулось нескончаемое время. Конан сгрыз до мяса ногти на обеих руках, не находя себе покоя. Его маленький отряд окружила завеса глухого недоброго молчания; ни один звук из внешнего мира не пробивался к ним. Переставшие ссориться девушки жались друг к другу и старались держаться поближе к Конану, хотя, наверное, и понимали, что случись чего - и смертный вряд ли сможет помочь им, вырванным капризом Богов из жутких пределов Смерти...

И потому войско Черных Драконов прошло мимо, так и не узнавав в ту ночь, кто сидел на расстоянии двух полетов стрелы от той дороги, которой ехали их сотни.

Несколько часов спустя, уже глухой ночью, посланец Крома забеспокоился. Он стоял, обернувшись лицом к югу, и шумно втягивал в себя ноздрями воздух, точно охотничий пес.

- Они потеряли наш след, - не веря сам себе, медленно произнес он, имея в виду черных демонов. - Они свернули куда-то в сторону... Я не понимаю это не мои чары, нет! Их сбило что-то другое!

- Может, этот мерзкий горбун? - предположила Белит.

Посланец Крома пожал плечами:

- Как бы то ни было, на наших плечах больше никто не висит.

- Мне это не нравится! - с глухим раздражением внезапно бросил Конан.

Он и в самом деле не мог понять, что с ним творится. Точивший душу червь тревоги превратился во всепожирающего змея. Кто-то очень, очень близкий, кто-то, ради которого Конан, не колеблясь, пожертвовал бы жизнью, оказался в страшной опасности... Конн!!!

Из груди Конана вырвался почти что звериный рык, полный такой страшной угрозы, что кони испуганно прынули. Конечно! Как он мог усомниться! Ясно, как день, что мальчишка не усидел за крепкими стенами Тарантии и сам бросился навстречу врагу... Но, во имя Крома, где войска, где, проклятая на их головы, прохлаждается вся королевская гвардия?!

Белит осторожно взяла взбешенного киммерийца за руку. С ее стороны это было настоящим подвигом, потому что разъяренный Конан был куда опаснее самого кровожадного зверя.

- Там мой сын, - прохрипел в ответ на невысказанный вопрос в ее глазах Конан. - Это он увел за собой орду демонов!

- Он прав, - медленно кивнул головой посланец Крома, после того, как взоры всех воительниц обратились к нему. - Я терялся в догадках, как эти bestии могли потерять наш след... Теперь-то понятно. Мои заклятые... да еще то, что твой сын, Конан, похож на отца как одна капля воды на другую...

- Так это что же будет, если он попадется в лапы демонам? - почти взвизгнула Испарана.

- Сочтут ли Неведомые, что наш долг выполнен?!

- Вот уж не знаю, - покачал головой посланец Крома. - Насколько я понял, здесь важна буква соглашения. А там главное было - свергнуть Конна с престола. Значит, если злая судьба приведет твоего сына, Конан, в плен к этим тварям... боюсь, нам придется сперва добиться его освобождения, а уж потом свергать!

- Твои слова мудры, - раздался вдруг хорошо знакомый голос из зарослей к ним шагнул Зертрикс. Горбун шагал как-то неуверенно, прижимая левую руку к груди, и в словах его уже не слышалось обычной насмешки. - Твои слова мудры, слуга Крома. Да, в сделке с Великими Иерархиями важен каждый штрих на том незримом пергаменте, что запечатлел ваше соглашение... Постой, Конан! Не надо бросаться на меня, я ни в малейшей степени не причастен к судьбе твоего сына. Все получилось случайно. Преследующие вас черные демоны вызваны к жизни не мной, но теми, кто сильнее, кто стоит выше в бесконечном ряду Иерархий... И вы правы в том, что вам придется сперва освободить твоего сына, киммериец. Что будет дальше - решать уже не мне. - Горбун как-то криво и не слишком уверенно ухмыльнулся, повернулся к ним уродливой спиной и заковылял прочь. Спустя несколько мгновений мрак поглотил его.

- Что-то мне не нравится, что Зертрикс говорил о Конне так, будто твой сын уже попал в плен, - заметил посланец Крома. - Так просто он демонам вряд ли дастся!

Конан промолчал. Бездействие жгло и мучило его хуже самой страшной пытки; оставаться на месте он больше не мог, и отряд двинулся в ночь.

Взбесившийся жеребец, не разбирая дороги, мчал Конна куда-то во мрак. Несмотря на всю свою силу, сыну Конана не удавалось остановить обезумевшего коня. Жеребец грудью ломал оказывавшиеся на пути преграды, напролом пробивался через густые заросли, его хлестали ветви, однако он словно бы не чувствовал боли. Две твари, в которых превратились избегшие огня мертвцы, по-прежнему преследовали Конна по пятам; можно было только гадать, чья воля вдохнула силы в этих жутких созданий. Конн догадывался, что его скакуна гонит сейчас вперед отнюдь не простой страх; животное мчалось быстрее ветра, встречный поток воздуха в буквальном смысле не давал сыну Конана открыть глаза; невозможно было смотреть вперед, даже очень сильно прищурившись.

Судя по звездам, жеребец мчался куда-то на юго-восток. Конн молил всех хайборийских богов и сурового Крома даровать ему на пути речку - в воду молодой король сумел бы спрыгнуть. Однако, оборачиваясь, Конн видел постепенно приближающиеся две пары алых нечеловеческих глаз - и тогда вновь начинал просить своего скакуна наддать еще чуть-чуть. Нет, прыгать так просто было нельзя - мертвцев двое... а доспехи не спасут от их хватки.

Бешеная скачка окончилась внезапно. Одна из преследовавших Конна тварей внезапно распласталась над землей в неправдоподобно длинном прыжке, одним движением оказавшись на крупе несущегося коня. На мгновение Конн увидел жуткий оскал черепа, ряды длинных острых зубов, ничем не напоминавших человеческие, кривые когти на пальцах, впившиеся в бок жеребцу - и в следующий миг конь со всего размаха грязнулся оземь. Клацнувшие зубы мертвца перекусили ему спинной позвонок.

Тело Конна, словно выпущенный из пращи камень, врезалось в густое сплетение каких-то ветвей. Кусты замедлили падение, и очень кстати подвернулся сметанный стог сена. Не успел сын Конана выпутаться из душистого вороха, как обе твари набросились на него.

В кромешной тьме, под скудными лучами слабого лунного света смертельные враги сошлись врукопашную. Конн почти не видел своих противников, однако унаследованные от отца ловкость и звериное чутье на опасность помогли ему меч снес верхнюю половину черепа прыгнувшей на него бестии вместе с челюстью. Но уже один раз умершее существо не могло быть убито так просто. Извернувшись, оно вновь метнулось к Конну, а красные глаза, медленно угасая, все еще смотрели на молодого короля из упавшей на землю части черепа...

Как бы ни был ловок и быстр Конн, его противники не уступали ему. Зубы одной из тварей впились в голень Конна; король почувствовал, как подается сталь доспехов и, хотя его второй удар отсек голову, челюсти мертвца не разжались.

Противники сплелись в жуткий клубок. Клинок Конна крошил тела навалившихся на него оживших мертвцев; сталь безжалостно кромсала их, кулаки Конна в латных перчатках дробили и ломали кости - и все же они не отставали. Вдвоем им удалось повалить Конна на землю; молодой король задыхался от отвращения, сила его ударов удесятерилась. Его руки разорвали тело оказавшегося сверху мертвца, и дергающиеся половины отлетели далеко в сторону; но тут руки-клешни второго сошлись на горле Конна и, хотя клинок отсек обе кисти - оторвать их сил у Конна уже не хватило. Железо доспехов сминалось, впиваясь в шею, он уже не мог дышать...

И тут безжалостная хватка мертвых пальцев внезапно ослабла. Какая-то сила внезапно отбросила жуткие клешни в стороны; хрипя, Конн схватился за измятое горло, забыв о том, что на нем надеты доспехи.

Истошный предсмертный визг на миг прорезал тишину и тотчас прервался. Конан смог,

наконец, оглянуться. Его окружал мрак; и мрак этот жадно глядел на него десятками пар красных глаз.

В первый момент Конну подумалось, что его настиг еще один отряд поднятых из могил; однако он в тот же миг понял, что это не так. Из темноты вынеслись несколько тонких черных струй иссия-непроглядного мрака; отчаянный удар мечом надрубил одно из страшных шупалец, однако остальные вырвали из рук Конна оружие, а спустя еще мгновение он был уже тело спеленат, связан по рукам и ногам так, что не мог пошевелить и пальцем. Неведомая сила подняла его над землей - и потащила куда-то. Вокруг что-то шелестело, шуршало, щелкало, как будто рядом шествовало целое войско громадных скорпионов. С постоянным, жутким торжеством пялились на Конна округлые красные глаза.

Молодой король сжал зубы, чтобы не застонать от жгучего, всеохватывающего отчаяния. Пойман! Позорно пойман! Попался в силки, словно глупая куропатка! Что теперь будет с войском, с Тарантией, с Аквилонией?!

Он догадывался, что его пленили не люди и даже не напоминающие их создания. Однако разглядеть во тьме он все равно ничего не мог и с чисто киммерийским фатализмом заставил себя не думать об этом - по крайней мере до тех пор, пока не рассветет и он не сможет как следует рассмотреть своих похитителей. Ясно было, что они прикончили обоих преследовавших Конна тварей - причем с необычайной легкостью.

Ускользнуть от подобных стражей будет не простым делом; сначала следовало присмотреться.

И Конн усилием воли заставил себя смыть веки, заставил не думать о случившемся; чтобы бежать, ему понадобятся силы, а лучше всего их восстановит самый обыкновенный сон. И молодой король приказал себе уснуть.

* * *

Паллантид был весьма удивлен, когда ему доложили, что впереди гвардии объявился еще один отряд, судя по всему, тоже идущий по следу жеребца Конна. Семь неведомых всадников возникли словно из ниоткуда; и спешили они ничуть не меньше, чем Черные Драконы.

Конан, посланец Крома и пятеро воительниц гнали своих коней со всей мыслимой быстротой. Посланец уверял, что ему удалось прибавить скакунам сил, и это походило на правду - лошади неслись и неслись вперед, не обнаруживая ни малейших признаков усталости. Конан не мог объяснить, какие силы овладели им в те часы, но ему казалось, что он видит на земле пылающие рыжим огнем отпечатки копыт: он знал, что здесь промчался его сын, и в свою очередь понукал жеребца.

А потом яростное свечение следов, которое не видел никто, кроме Конана, внезапно приугасло, словно присыпанное пеплом; тонкое обоняние Конана почувствовало знакомый тошнотворно-гнилостный запах. Черные Демоны перешли им дорогу. Адские твари и в самом деле потеряли след его, Конана; взамен этого они натолкнулись на его сына.

Хотя отряд киммерийца скакал глухой ночью без всяких дорог, ехать было не слишком тяжело - жеребец Конна, словно одержимый, оставлял за собой настоящую просеку. Ему все было напочем - сады и кустарники, заборы и плетни. Через мелкие ручьи он перемахивал,

речки покрупнее преодолевал вброд... даже и без кажущихся огненными отпечатков, Конану не составило бы труда выследить схваченного магическими силами коня.

- Мы нагоняем их! - приблизившись к Конану, крикнула ему почти в самое ухо Карела. - Я чую запах демонов!

Однако это оказалось не так. Цепь огненных отпечатков внезапно прервалась, и киммериец смутно разглядел чернеющую поперек тропы неясную массу. Он слышал густой запах крови; и, в свете торопливо разожженного Валерией факела, их взорам предстало место последней схватки.

Издыхая, на пропитанной кровью земле лежал жеребец с перекусенным хребтом; чуть дальше все вокруг было изрыто, словно тут шла яростная борьба. Белели какие-то раздробленные, искрошенные почти в труху человеческие кости, разбросанные довольно далеко друг от друга, как будто кто-то кромсал на части скелеты мертвых и разбрасывал останки в разные стороны. Конан нашел два черепа, точнее, то, что от них осталось, однако не похоже было, что эти костяки раздроблены человеческой рукой. На костях черепа Конан увидел отчетливый черный налет, характерный запах которого тут же выдал орду красноглазых демонов.

- За Конном гнались не только наши черные приятели, - подытожил посланец Крома. - Тут остатки двух тварей - они были сотворены магией из мертвых людских останков...

- А черные схватили Конна, - глухо произнес Конан. Его громадные мышцы перекатывались под гладкой кожей, кулаки размером с детскую голову судорожно сжимались и разжимались, глаза сверкали; он топтался на месте, словно готовясь броситься всем телом на невидимую для прочих преграду.

- Да, схватили, - подтвердила Карела.

- С чего это ты вдруг заделалась такой искушенной в делах демонов? - не преминула ядовито поинтересоваться Белит.

- Не знаю... чую просто, и все тут, - с неожиданной бесхитростностью ответила Карела, не поддаваясь искущению затеять очередную склоку со своей противницей. - Мне кажется, что-то подобное мы с Конаном уже встречали... в замке Аманара. Там в подземельях... там вроде тоже чувствовался такой же запах... Белит хмыкнула, однако ничего не сказала.

- Конан, демоны никуда не ушли отсюда, - посланец Крома кончил ползать по земле и поднялся. - Я догадываюсь, что они открыли себе дорогу в один из Серых Миров. Они ушли отсюда путем Преисподних, Конан. Если мы не настигнем их там, то через несколько часов они уже окажутся на другом конце нашего мира. Тогда конец всей надежде.

Даже в слабом, неярком свете факела было видно, как побледнели подруги Конана при упоминании Серых Стран.

- Ты можешь провести меня следом за ними? - взревел киммериец.

- Могу, - кивнул головой посланец. - Эти дороги смертельно опасны, но иного выхода у нас нет. Заклятие Зертрикса уже почти не действует; я могу сломать на время окружающие нас барьеры.

- Так хватит болтать и берись за дело! - не сдержался Конан.

Посланец Крома едва заметно усмехнулся и отошел чуть в сторону. Его руки раскинулись в стороны, ладони были направлены вперед, словно он держал на весу длинную прозрачную рыбину. Между ладонями проскочила синяя молния, а затем Конан увидел прямо перед собой медленно расширяющееся пятно серого света.

- Туда, - мотнул головой посланец Крома.

Конан схватил коня за повод и потащил упирающуюся лошадь к трепещущему пятну. Он догадывался, что его ждет не самая легкая из дорог, и на ней встретится немало любителей закусить его собственной плотью; и он понимал страх девушек, совсем недавно чудом вернувшихся из цепких объятий Смерти, единственной полноправной владычицы Серых Земель.

Переход оказался прост, быстр и не сопровождался никакими магическими эффектами. Не полыхали молнии, не гремел гром - на несколько мгновений Конана окутала вязкая липкая тишина, поглотившая даже шум крови в его ушах, а затем тишина сменилась неистовым ревом бушующего над странной серой землей ветра. Его порывы ударили в спины отряду, говорить стало невозможно. Вокруг расстилалась унылая, чуть всхолмленная местность; киммерийцу показалось, что окрестные бугры постоянно меняют свои очертания. Прямо из-под ног киммерийца в серую даль убегала вымощенная белым камнем дорога. Кто проложил ее, куда она ведет - не знал даже посланец Крома; однако белый камень, словно оскорбленный ступавшими по нему нечестивыми лапами черных демонов, мстительно выдал Конану их следы. Отряд прошел здесь, и прошел совсем недавно. На белых плитах остался характерный черный налет, еще не успевший до конца засохнуть и превратиться в невесомую пыль.

На небе творилось нечто невообразимое. Тучи мчались одновременно во всех направлениях; они были багрово-красными, а в разрывах между ними проглядывала ядовитая желтизна. Иногда среди мечущихся облачных гигантов в стремительном полете мелькала какая-то крылатая фигура; разглядеть хотя бы одну из них в подробностях Конан не смог, однако его подруги, как одна, вдруг утратили все свое мужество и с визгом бросились прятаться одна за другую, точно маленькие дети, вдруг увидавшие нечто очень и очень страшное.

- Слуги... слуги старухи!.. - только и смогла пролепетать Белит.

Прежде, чем Конан сумел добиться более внятного ответа, одна из крылатых фигур внезапно резко изменила направление полета и, сложив крылья, точно коршун, ринулась с высоты на их маленький отряд. Киммериец увидел, как возле самой земли громадные серые крылья вновь развернулись, и спустя мгновение тварь уже стояла на задних лапах, загораживая им путь. Облик бестии вполне соответствовал мрачному званию слуги самой Смерти. Уродливое тело, состоявшее, как показалось киммерийцу, из одних костей и в беспорядке протянутых туда-сюда сухожилий, венчала крошечная голова, сильно смахивавшая на увеличенную мышиную мордочку. Из-под плаща оперенных серых крыльев торчали две тонкие ручки с непомерно длинными кривыми пальцами. Лапы напоминали птичьи; сзади волочился голый крысиный хвост.

- Мясо! - тонким голоском пропищало существо, совершенно игнорируя Конана и посланца Крома; оно глядело только на попятавшихся от страха девушек. - Сбежавшее мясо! Я нашел, я и съем! Ух, как обрадуется Старая!

- И кого это ты тут вознамерился съесть? - двинулся вперед посланец Крома, однако киммериец опередил его. Вне себя от того, что на пути появилась еще одна преграда, Конан, как встарь, сперва взмахнул мечом, а уж потом подумал, нельзя ли было обойтись как-нибудь иначе...

Клинок из плоти демона вошел точно между глаз крылатой твари, рассек надвое уродливый череп, грудину и остановился только где-то возле паха. Разрубленное надвое существо еще несколько мгновений стояло, продолжая что-то болтать про мясо, а потом из

раны повалил густой серый дым и демон опрокинулся навзничь, корчась и извиваясь. Из рассеченного рта вырывались жуткие звуки; это было какое-то проклятье, и Конан разобрал в нем свое имя. Невольно он нагнулся ближе к поверженному; и, приподнявшись на локте, тварь вдруг отчетливо выговорила, глядя прямо в лицо киммерийцу: "Быть тебе заключенным в Карусели Богов!" И, едва эти слова отзучали, тварь задергалась, вновь рухнула набок, серый дым превратился в тягучую серую же жидкость - и остекленевшие глаза мертвого демона уставились в обезумевшее небо.

"Как может умереть слуга самой Смерти?" - мелькнуло в голове Конана, за миг до того, как в его руку впились цепкие пальцы Белит.

- Ты зарубил слугу Старухи, - трясясь от ужаса, выдавила неустрешимая прежде предводительница пиратов. - Дух его, конечно, все равно не убить; ты уничтожил то подобие тела, в котором они существуют здесь...

- Старуха не скоро создаст ему новое, - заметил посланец Крома, - но теперь берегись, киммериец! Старуха этого не простит, - закончил он мрачно.

- Кром! Что за старуха?! Почему никто ничего не объясняет мне?!

- Старуха - это Смерть, - пояснил посланец Крома. - Точнее, некто, кто властвует в пределах, куда попадают души умерших. А тварь, которую ты лишил телесного облика - ее прислужник. Дело в том, что Серые Земли - это десятки и сотни Преисподних, где обитают множество демонов; демоны эти, насколько я знаю, не слишком-то ладят между собой. Время от времени у них, как и у людей, случаются войны. Тогда стены Преисподних содрогаются... и в такие моменты у душ, что томятся во владениях Старухи, появляется пусты и крошечный, но все же шанс вырваться отсюда... А Старуха - великая скряга; наверное, поэтому при сотворении мира ее и посадили здесь, стеречь Залы Мертвых... так вот, для нее пропажа хоть одной души - острый нож в сердце. Твои подруги были вырваны из-под власти могучими заклинаниями надмирных Сил; Старуха раздосадована этим до чрезвычайности. И уж конечно, она не упустит случая возвратить сейчас свою пропажу! А "мясо" демон кричал оттого, что вы, красавицы, теперь ведь во плоти - человечина для него первейшее лакомство...

Конан слушал посланца, не отводя взора от распростертого на каменных плитах демона. Густая серая кровь обитателя преисподних постепенно застыла; широко открытые мышиные глаза-бузины в упор смотрели на киммерийца. Конан наклонился взглянуть на него еще раз; острие его меча качнулось над застывающей лужей серой крови. Ко всеобщему удивлению, в тот же миг на лезвии заплясали голубые и синие огоньки: точно капли воды, они стекали по клинку, падая. Кровь убитого демона тоже засветилась изнутри серебристо-жемчужным светом, между оружием и поверхностью лужи протянулось подобие светящейся голубоватым дуги. И, повинувшись неосознанному порыву, Конан плашмя опустил свой меч в лужу вытекшей из крылатого демона крови. Все остальные умолкли, с изумлением глядя на него.

Лужа мгновенно сделалась прозрачной. А затем раздался короткий шипящий звук, словно кто-то быстро-быстро втягивал ртом воду - и просветлевшая кровь исчезла. Конан готов был поклясться, что всю ее выпил его диковинный меч. Клинок вновь осветился изнутри призрачно-голубоватым светом - и все угасло, однако теперь Конан чувствовал новые, странные силы, что обосновались в неказистом на вид сером клинке.

- Вот это да, - протянул посланец Крома, широко открытыми глазами следивший за происходившим. - Твой меч встретил родственника! Но как ты догадался?..

- Не знаю, - пожал плечами киммериец. - Просто само как-то пришло в голову - после того, как между мечом и кровью этого малого побежали какие-то искры...

- Хорошо бы это помогло против самой Старухи, - дрожа, прошептала Карела.

- Нам нельзя терять времени, - посланец Крома вскочил в седло. - Надо торопиться, если не хотим потерять ту черную орду!

По ясно видимому, четкому следу оравы демонов следовать было легко. Никуда не сворачивая, схватившие Конна твари шли по белой дороге.

Вокруг стремительно, как во сне, менялись странные, причудливые пейзажи. Только что вокруг расстилалась безжизненная холмистая пустыня - и вот надвинулись лесные стены. Затем деревья тоже исчезли, и дорога повела кавалькаду самым краем бездонной пропасти...

- Вокруг нас целые орды всяческих тварей, - вполголоса произнесла Белит, озираясь и держа наготове клинок.

Киммериец тоже ощущал постоянное, пристальное, жадное внимание голодных глаз; их обладатели пока оставались невидимы, однако Конан понимал, что терпение у прожорливых обитателей здешних мест истощится очень и очень быстро.

Но до времени все оставалось спокойно. Над головами плясали обезумевшие облака, время от времени среди них проносились крылатые создания Старухи; Конан заметил, что над их отрядом мало-помалу скапливается все больше и больше этих тварей. Вскоре в небе уже кружился целый десяток бестий.

- Надо спешить, - в голосе посланца Крома слышалась тревога. - Если они набросятся все разом, нам несдобровать!

- Верховым от крылатых все равно не уйти, - пожал плечами киммериец.

- Дело не в этом! Схватки так и так не минуешь - но надо во что бы то ни стало освободить прежде Конна! Если мы завязнем в мясорубке со здешними обитателями, твой сын наверняка погибнет, Конан!

Длинная ветвистая молния лопнула в небе, угодив в вершину придорожного холма. Из того места, куда она ударила, повалили густые клубы иссиня-черного непроглядного дыма; они не поднимались вверх, а, напротив, опускались вниз, к подножию, мало-помалу складываясь в уродливое, пугающее лицо, отдаленно напоминающее старушечье. Над впалыми щеками выдавались вперед резко очерченные скулы; под глазами набрякли рыхлые морщинистые мешки, плотно сжатые губы прикрывали беззубый рот... Лицо старухи было все серо-черного цвета, и лишь глаза ярко светились - в них билось алое пламя, как и у многих других обитателей бездн...

- Хозяйка! - взвизгнула Белит, чуть не свалившись с седла.

Чудовищная голова медленно поворачивалась, следя взглядом за кавалькадой. Вреда от нее пока никакого не было и Конан решил, несмотря ни на что, продолжать путь. Черный след на белом камне приковывал к себе все его внимание; даже крылатого слугу Старухи он убил только потому, что тот грозил помешать его погоне...

Кони бесились и вставали на дыбы от страха. С трудом успокоив перепуганных животных, они погнали их дальше; и отряд еще не успел потерять из виду чудовищную старушечью голову, как Конан заметил далеко впереди на белой ленте дороги размытое черное пятнышко. Отряд демонов был впереди; Конан нагонял его.

Белая дорога рванулась под копыта брошенных в галоп коней. Сотканная из дыма голова даже дернулась, стараясь ни на миг не выпустить из вида отряд Конана; в лица ударили упругий ветер. Расстояние быстро сокращалось.

Киммериец не замечал, что его скакун вырвался далеко вперед, оставив позади остальных; он видел лишь грязное пятно на дороге, отвратительное, мерзкое пятно, где сейчас под ярмом вели его сына. И киммериец зарычал от ненависти, зарычал, сам не слыша собственного голоса; его рука высоко вскинула меч. Он летел за ордой, точно воплощение карающей божьей десницы.

Нельзя сказать, что демоны полностью проигнорировали его приближение. Они не могли спастись бегством; не могли, наверное, и использовать в этих местах свою магию, - иначе, думал Конан, они не преминули бы сделать это. Похитителям оставалось только одно - сражаться. Пугающая быстрота, с которой они мчались по следу Конана, куда-то безвозвратно исчезла.

Темное пятно остановилось. Конан приближался, и вот пятно уже распалось на отдельные черные силуэты, вставшие тесным полукругом. А в самой середине их строя Конан увидел оплетенную чем-то вроде черной паутины неподвижную человеческую фигуру, и сердце киммерийца забилось самое меньшее вдвое быстрее. Пока Конн рос, Конан старался не выражать любовь к сыну, дабы не избаловать и не изнежить мальчишку; но теперь он готов был отдать по капле всю свою кровь, чтобы выручить Конна.

- Конан! Конан, погоди! - донесся сзади отчаянный крик Белит.

Но киммериец уже не мог остановиться. Он гнал коня прямо на застывший строй демонов. Он знал, что сейчас ему навстречу устремятся неимоверно длинные лапы-щупальцы, стремясь оплести ноги коня и сбросить на землю всадника...

Когда жеребца отделяло от неподвижной черной линии красноглазых тварей не более десятка футов, демоны сделали то, что и ожидал от них киммериец. Воздух словно прошили десятки черных молний. Они оказались тупы и несообразительны, эти демоны, неведомые Боги наделили их громадными силами, забыв, однако, снабдить хитростью...

За миг до того, как прочные путы уже готовы были оплести его, Конан на всем скаку прыгнул с седла в сторону. Подобное он решался проделывать лишь в пору самой отчаянной, ранней молодости, когда сама смерть кажется уделом лишь жалких неудачников, а отнюдь не всех рожденных женщинами...

Лошадь Конана забилась в сплетении схвативших ее лап; земля всей тяжестью ударила по выставленным рукам киммерийца, могучие мышцы с трудом помогли ему перекатиться через голову и, когда он вскочил на ноги, меч его уже был занесен над головой...

Одним отчаянным прыжком Конан преодолел отделявшее его от строя демонов расстояние. Серый клинок взмыл и опустился; впитавшее кровь крыла того создания лезвие рассекло тугую неподатливую массу демона, словно мягкую, полную теплой крови человеческую плоть. Тело демона распалось надвое и прежде, чем кто-то из его собратьев успел подхватить упавшие наземь алые кругляши глаз, Конан раздавил их, ударом сапога обратив в небольшую лужицу красноватой слизи...

И тут оказалось, что трехглазый предводитель орды был вовсе не столь уж глуп, как сперва показалось Конану. Демоны с похвальной быстротой перестроились. Конан оказался посреди черного кольца. Лапы-щупальцы демонов взлетели высоко вверх, образовав там нечто вроде сплошной сети. Замысел их был несложен - сейчас киммериец вынужден будет поднять вверх свой меч - и тогда-то его подсекут за ноги.

Черная сеть рванулась вниз, однако киммериец от чего-то не стал пытаться разрезать ее; вместо того, чтобы поднять меч над головой, он вновь прыгнул - прямо на трехглазого предводителя.

И то ли демона выручил тот самый пресловутый третий глаз, то ли Конана подвела ослепляющая порой в бою первобытная ярость - но серый меч прошел в одном пальце рядом с головой черной твари; в следующий миг мягкие, но неимоверно сильные пальцы вцепились в лодыжки киммерийца. Второй удар его меча развалил трехглазого надвое, но остальные демоны навалились со всех сторон. Сильный рывок - и киммериец, не удержавшись, растянулся на камнях, белой дороги.

Кто знает, чем закончилась бы эта схватка, если бы не посланец Крома и подруги Конана. Слуга отца Киммерии выкрикнул какую-то фразу на непонятном языке - и движения демонов несколько замедлились, а в следующую секунду пятеро воительниц на всем скаку врезались в ряды черных тварей. Выпад Карелы - и оба рассеченных глаза проградившего ей путь демона потекли вниз красной слизью по лишенному черт лицу. Кривая сабля Испараны мелькнула серебристым языком пламени - и, хотя клинок завяз в плоти демона, это дало Конану возможность подняться. А когда киммериец вновь оказался на ногах и серый меч грозно засиял в воздетой руке, демоны дрогнули.

Кто знает, что ожидает их за гранью бытия в Преисподних, но смерти они тоже боятся. Конан знал, что обитатели Преисподних порой предпочитают честному бою позорное бегство; однако эти, черные, оказались другой породы. Несмотря на конец предводителя, несмотря на магию посланца Крома, они продолжали драться. Меч киммерийца кромсал их и вдоль, и поперек, у демонов не было никакой защиты, они гибли один за другим - но ни один не показал врагу спины.

Дикая схватка продолжалась недолго. Вскоре руки Конана уже схватили за плечи лежавшего на камнях Конна.

Молодой король Аквилонии пробудился от того, что кто-то что есть мочи затряс его; открыв глаза, Конн увидел нависшее над ним... свое собственное лицо. Нет! Глаза, редкостные ярко-синие глаза - его собственные были все-таки чуть бледнее. Отец! Его глаза! Да, его... и лицо... наверное, таким оно было, когда отцу сравнялось столько же лет, сколько сейчас Конну...

- Что же ты не встаешь, сын мой? - услыхал он голос, развеявший последние его сомнения. Конн знал, что это - не морок, не насланное злой силой наваждение - перед ним его отец.

- Отец!.. - вырвалось у Конна и он тотчас же устыдился своего вскрика Конан не поощрял бурных проявлений чувств. Смеясь над ними, он считал подобные излияния своим единственным лишь неженкам, которые боятся спать одни в темной комнате.

Сильные руки странно помолодевшего Конана рывком подняли Конна на ноги.

- Объясню все потом. Можешь сидеть в седле? - отрывисто бросил киммериец сыну и, получив утвердительный кивок, потащил Конна к предусмотрительно захваченному с собой запасному коню.

Конн с изумлением таращился на окружавшую их местность и на странный эскорт отца - пятеро разнообразно одетых и вооруженных воительниц да странный длинноусый воин с простым боевым топором в правой руке. Женщины рассматривали Конна откровенными, оценивающими взорами; а одна из них, с выбивающимися из-под шлема ярко-рыжими волосами даже провела по губам кончиком розового язычка...

- Это он, Конан? - осведомился длинноусый воин. - Приветствуя тебя, Конн, приветствую и надеюсь, что ты не разучился держать меч. Нам предстоит веселое возвращение!

- Это еще почему? - осведомилась одна из воительниц, с роскошными иссиня-черными волосами.

- Ты забыла о Старухе, Белит? - спокойно ответил ей длинноусый. Посмотри, она сама решила пожаловать к нам в гости!

Конн повернулся вместе с остальными и услыхал, как у отца вырвалось глухое проклятье.

Воздух внезапно наполнился хлопаньем бесчисленных широких крыльев. Из-за беспорядочно мечущихся облаков вниз посыпались бесчисленные крылатые создания - точь-в-точь такие же, как и недавно убитое Конаном. А по белой дороге к ним приближалась, неспешно ковыляя по гладким, тщательно пригнанным друг к другу плитам, опираясь на длинную клюку, невысокая и нескладная фигура, закутанная в серые лохмотья...

При виде этой фигуры воительницы разразились дружными воплями, не слишком достойно пытаясь укрыться за спинами Конана, Конна и длинноусого. Местность за спиной Старухи тотчас же поглощал клубящийся туман. Конн почувствовал дуновение мертвящего, ледяного ветра; повеяло могильным холодом. К ним приближалась тупая и злобная, враждебная всему живому Сила, и молодой король, оставшийся без меча, лихорадочно озирался по сторонам в поисках подходящего оружия; заметив его взгляды, длинноусый протянул ему извлечененный из-за пазухи тяжелый охотничий нож, почти кинжал, толщиной у обуха в добрых полпальца...

- Вряд ли это поможет, но все равно, держи! Фигура тем временем подошла почти вплотную. Раз взглянув на нее вблизи, Конн уже не мог отвести взгляда. Старуха оказалась настолько идеально уродлива, что это уродство завораживало и притягивало взгляд лучше самой совершенной, самой отточенной красоты. Нет, взорам Конна предстал не шагающий труп, не оживший скелет - перед ним стояла, тяжело опершись на кривую клюку, самая обыкновенная старуха, со свисавшей складками морщинистой, дряблой кожей, впалыми щеками и беззубым ртом, выбивающимися из-под бесформенного капюшона седыми растрепанными космами... Бескровные губы постоянно шевелились, точно их обладательница что-то пожевывала. Двумя кроваво-красными огнями горели на этом изглоданном временем лице два удивительно живых, хитрых и злобных глаза.

- Ну, - протянула Старуха, медленно обводя взглядом отряд Конана, - кто это осмеливается бесчинствовать в моих владениях? Кто это осмеливается таскаться с похищенными у меня куклами? - пылающие глаза уперлись в длинноусого. - А я узнаю тебя, отродье Старого Крома, гончий пес, которого Кром украл у меня! И тебя я узнаю тоже, нареченный Конаном, ты славно потрудился, пополняя ряды моих подданных! - Старуха мерзко захихикала.

- Что тебе нужно, хозяйка? - спокойно осведомился длинноусый, которого Старуха назвала гончим псом Крома. - Ты решила преподать нам урок? Но разве ты не видишь, что больше не властна над нами, - он указал на пятерых сбившихся в тесную кучку воительниц. - Разве ты не видишь, что волей Великих Иерархий им возвращена плотская жизнь? И разве ты не видишь, что мы с Конаном вовсе не умирали и, значит, не можем быть подвластны твоей магии? Неужели ты хочешь сражаться, хозяйка? Тебе мало одного погибшего слуги?

Глаза Старухи сузились. Конну показалось, что между тяжелых морщинистых век бьется неистово-гневное пламя. Тонкие губы сжались в нитку, рука с клюкой повелительно поднялась...

- Сынки! Взять их! - прокаркала она, обращаясь к бесчисленным скопищам крылатых

демонов.

- Это вряд ли удастся тебе, Старуха! - внезапно прозвенел чей-то голос, чистый и высокий, точно звук весеннего ручейка.

Под сгустившимися черными облаками, среди серых безжизненных холмов прямо на дороге распускался удивительный огненный цветок. Его лепестки властно раздвинули белые дорожные плиты; громадный бутон стремительно рос, выбрасывая в стороны все новые и новые, тут же укореняющиеся отростки. Зеленая оболочка бутона дрожала, сверху пробивались алые лепестки...

Старуха осеклась, ее поднятая рука так и не успела упасть, чтобы тем самым дать своим слугам сигнал к атаке. Замерев, она, точно завороженная, следила за распускающимся на глазах огромным цветком...

Это оказалась роза. Исполинская, огненно-красная роза, и вокруг нее волнами расходился нежный, льющийся подобно теплой волне, чудесный аромат; громадный бутон начал стремительно распускаться, лепестки розы один за другим разворачивались - чтобы тотчас опасть. Спустя еще несколько мгновений из занавеса опадающих лепестков, в каждый из которых можно было завернуться, как в плащ, появилась не кто иная, как Гуаньлинь собственной персоной.

- Что ты делаешь здесь, проклятая, в моих владениях? - Старуха зашипела, точно рассерженная кошка. И тут же, словно спохватившись, она перешла на какой-то странный, торжественно-громовой язык.

Конан никогда не слыхал ничего подобного. Похоже, не понимал речь Старухи и посланец Крома.

Гуаньлинь ответила на том же самом возвышенном наречии, ее прекрасное лицо оставалось спокойно, в то время как Старуху всю перекосило от ярости. Не понятный никому, кроме двух собеседниц, разговор продолжался еще некоторое время; а потом Старуха вдруг заворчала, словно готовая броситься на добычу дикая собака - и резко взмахнула-таки давно уже поднятой рукой.

Земля под ногами киммерийца затряслась, холмы исчезли, на их месте стали стремительно растекаться огненные озера. Жидкая, пылающая кровь Земли устремилась со всех сторон на отряд Конана, а сверху на них ринулись легионы крылатых демонов Смерти.

Спокойствие изменило даже обычно невозмутимому посланцу Крома; перехватив поудобнее боевой топор, он бросился к неподвижно застывшей Старухе, однако Гуаньлинь успела удержать его.

- Нет! - прокричала она, и голос ее едва можно было расслышать в нарастающем со всех сторон подземном реве. - Еще не время! Сражайтесь!

Никто не понял, для чего она это сделала - однако все повиновались беспрекословно. Армада хлопающих крыльями крысоголовых демонов встретила на своем пути заслон из поднятых клинков; Раина первой метнула один из своих кинжалов, и серая тварь, судорожно дергая крыльями, покатилась по камням, ломая кости. Из середины лба ее торчала рукоять глубоко вонзившегося клинка.

Конн отчаянно подпрыгнул вверх, вцепился в лапу снижающегося демона и прежде, чем тот успел дотянуться до него когтями, несколько раз ударил ножом в самое сердце. Боевой топор посланца Крома снес голову еще одной твари; не знали отдыха и клинки остальных воительниц, однако очень скоро выяснилось, что способностью отнимать жизнь у серых демонов обладал только меч Конана. Остальные твари, даже получив страшные раны,

продолжали бросаться на окруженнюю со всех сторон кучку дерзких возмутителей спокойствия. Невидимая за их бесконечными шеренгами своих слуг Старуха продолжала что-то торжествующе вопить.

- Гуаньлинь! - не оборачиваясь, крикнул Конан. - Если ты пришла, чтобы попрекаться с этой старой каргой, то, клянусь Кромом, ты выбрали не самый подходящий момент!

Хотя киммериец и его спутники уже окружили себя целым валом из трепещущих тел серых демонов, натиск бестий не слабел; ничего не страшась, твари лезли прямо на острия клинков, стараясь избегать лишь меча Конана. А вдобавок к демонам, все ближе и ближе подступали волны пылающей лавы, жар становился нестерпимым. Ряды атакующих демонов прошила голубая молния; она не причинила им вреда, зато выжгла на добрый фут в глубину камень подле киммерийца.

Гуаньлинь стояла, скрестив на груди идеально очерченные маленькие руки и смежив веки. Она стояла, словно вокруг и не шел смертельный бой, не сверкала сталь и не наползали валы огня. Она как будто ждала чего-то, что повернуло бы ход событий в совершенно иную сторону...

И дождалась.

- Превеликий престол! - Где-то совсем рядом раздался яростный вопль, перекрывший даже боевой клич Конана. Одна из плит возле самых ног киммерийца отвалилась в сторону, и в проеме подземного хода появилось перекошенное бешенством лицо горбун Зертрикса.

- Ты! - заорал он, поворачиваясь к совершенно спокойно взглянувшей на него Гуаньлинь.
- Ты специально подстроила все это, чтобы я примчался выручать вас из лап Старухи!

- Разумеется, - невозмутимо кивнула Гуаньлинь. - И ты вытащишь нас отсюда, иначе, клянусь породившей меня, я отдам себя этому пламени!

Зертрикс пошатнулся, его полубезумные глаза чуть не вылезли на лоб.

- Ты не сделаешь этого, - прохрипел он, не сводя с Гуаньлинь оторопевшего взора. - Не сделаешь... не сделаешь... Разве ты не можешь справиться сама? Ведь Старуха - твоя мать!

- Именно поэтому у нее есть очень много причин желать, чтобы я очутилась в этом костре, - Гуаньлинь кивнула на приближающиеся языки раскаленной добела лавы. - Но оставим это! Ни доблестные воители из рода Смертных, ни посланец сурового Крома, ни даже я, дитя Великих Сил, не в состоянии разъять сомкнувшееся вокруг нас огненное кольцо. Если ты можешь, сделай это.

- Почему это я должен? - облизывая губы, нервно переспросил Зертрикс. Ты что, хочешь предложить мне сделку?.. - На лице горбuna появилась кривая усмешка, в глазах мелькнул огонек злого торжества. - Ну, это еще можно было бы обсудить...

Все это время Конан вполуха прислушивался к их странному разговору, не переставая отражать постоянные наскоки демонов и по мере сил помогая остальным.

Лава, судя по всему, обжигала и демонов; правда, Конан не понимал, зачем было бросать против его отряда этих бестий, если, по замыслу Старухи, один только огненный вал способен был обратить в пепел киммерийца со всеми его спутниками. Однако, так или иначе, бой не затихал.

- Нет, - спокойно покачала головой Гуаньлинь. - Я не заключаю сделок. Ты просто исполнишь то, что я тебе говорю.

- Но, моя милая...

- Я тебе не милая, - последовал спокойный ответ. - Я увела бы этих смелых людей через небо, если б не демоны... так что веди через землю, Зертрикс.

Горбун затрясся, словно в падучей; казалось, его глаза испускают огонь. Все его тело пришло в движение, нос съехал куда-то набок, щеки то отвисали, то вновь натягивались, руки изламывало так, что, казалось, сейчас лопнут суставы...

- У тебя осталось очень мало времени, Зертрикс, - с царственной надменностью проговорила Гуаньлинь.

- У горбuna вырвался пронзительный, рвущий слух вопль. В этом крике смешалось все, и тоска, и ненависть, и сломленная гордыня... Он обхватил голову руками и, судорожно дернувшись, исчез в раскрывшемся проходе. Конан и остальные не успели пошевелить и пальцем, как земля ушла у них из-под ног и со всех сторон навалилась всепоглощающая, непроглядная чернота безбрежного мрака.

Вслед им летел разъяренный, полный неистовой злобы гнусавый вопль Старухи.

Глава 9.

ШАМАРСКАЯ БИТВА

Когда коловоротение миров утихло и тьма отступила, оказалось, что отряд в полном составе стоит на вполне обычной сельской дороге, петляющей между знакомых рядов апельсиновых деревьев. Они вернулись в Пуантен; над истерзанной землей постепенно разгоралось новое утро. Удивительная ночь кончилась.

- Здесь нам придется расстаться, Конан-киммериец, - чуть печально проговорила Гуаньлинь, касаясь его локтя кончиками пальцев. Все пятеро воительниц, словно и не она только что спасла их всех, ревниво воззрились на нее. - Мне пора возвращаться. Моя мать не забудет о случившемся, о том, что я увела у нее из-под носа пятерых украденных дев... Она хитра и мстительна, мне надлежит приготовиться к отпору. Я возвращаюсь в Розовый Дворец.

- Но почему ты помогла нам? - вдруг спросил посланец Крома.

- Разве ты забыл? Я поклялась сделать все, чтобы уберечь вас от гибельного пути, на который толкает этот горбун!

- Но что даст тебе эта клятва? - продолжал недоумевать посланец Крома. Конан не понимал, какая муха укусила его спутника и зачем ему потребовалось задавать эти нелепые вопросы.

- Если бы ты отказалась от нас, Зертрикс, быть может, оставил бы тебя в покое, - пристально глядя на Гуаньлинь, произнес посланец. - Ты - я провижу - накрепко связала свою судьбу с нашей. Победим мы или падем - это самым прямым образом скажется и на тебе. Не лучше ли отступить?..

- Хватит! - оборвал посланца киммериец. - Что ты от нее хочешь?.. Она действительно спасла нас!..

- Да, и отныне скована с нами одной цепью, - необычайно серьезно ответил посланец Крома. - Ты не знаешь, кто она такая, Конан. Ты не понимаешь, что не только наши с тобой жизни, но и жизни всех аквилонцев вместе с твоим сыном не искупят ее гибели...

Гуаньлинь сердито сдвинула брови.

- Не следует тебе об этом задумываться! - упрекнула она посланца. - Мое решение - это мое решение, и не станем больше говорить об этом!

Посланец Крома лишь опустил голову.

- Вам тоже пора, - продолжала Гуаньлинь. - У вас впереди война. Ее нужно выиграть, иначе пропадет все уже сделанное. Прощайте!..

И она исчезла - только крошечный розовый увядший бутон упал под ноги киммерийцу.

- В дорогу! - Конан прыгнул в седло. - К Тарантии!

- Разреши мне сказать, отец, - вдруг, как-то странно кривя губы, вмешался почтительно молчавший до этого Конн. - Это - очень странная война. Все приграничье, крестьяне, соседние страны идут на Аквилонию. Здесь замешана магия - чья-то сильная магия... Вот те, которые захватили меня, странное место, где я очнулся... Ты - молодой, а как это могло случиться, без помощи магии? Кроме того, ты докладывал, что войска захватчиков ведет человек, разительно похожий на тебя, молодого...

- Конн? - рык Конана оборвал речь его сына. - Молодым меня сделала и впрямь магия, но нет такого колдовства, чтобы оно изгадило мою душу, чтобы я повел войска на своих, пусть бывших подданных. Что же до остального - оно и для меня ясно не до конца. Ты понял?!

- Да, отец! - с облегчением выдохнул Конн и продолжал: - Войска идут по направлению к Шамару - может, нам отправиться туда? Только надо постараться отыскать Черных Драконов... они должны быть где-то неподалеку, в Пуантене.

- Надо разжечь сигнальный костер, - распорядился Конан. - За дело, сын, пока расскажешь мне о ваших делах...

Конн кратко и точно поведал отцу обо всем, что случилось в Аквилонии после отречения отца от престола. Молодой король закончил рассказом о войне, о предпринятых по его приказам перемещениях войск, назначениях и тому подобном.

- Ты действовал как надо, хотя ты - король и тебе не пристало ждать одобрения от кого бы то ни было, пусть даже родного отца, - проворчал Конан, когда сын умолк.

Сигнальный костер быстро разгорался; в огонь бросили охапку гнилушек; оторвался и улетел вверх косматый клуб дыма. Не давая костру задохнуться, Конан сорвал плащ, которым накрыл огонь, и вверх устремился второй клуб, затем третий, четвертый, пятый...

- Если только Паллантид не ослеп окончательно, он должен это заметить, - заключил Конан, отходя от угасающего костра. - Теперь немного подождем...

Отряд расположился на отдых, радуясь блаженному безделью. Посланец Крома растянулся прямо на голой земле и тотчас уснул, словно какой-нибудь простой ратник, а не слуга могучего Отца Киммерии. Пятеро воительниц уселись тесным кружком и начали о чем-то шептаться, время от времени бросая взгляды то на Конана, то на его сына.

Конн сидел рядом с отцом. Он до сих пор не оправился от удивления Конан вернулся, живой, сильный, помолодевший, он казался всегда восхищавшемуся им юноше живым Богом, вновь сошедшим с небес на землю. Сильный, властный, прошедший через страшные опасности и невероятные приключения - вот кто должен был бы принять скипетр Аквилонии в этот страшный момент.

Конан негромко рассказывал завороженно слушавшему его сыну о приключившемся с ним, благоразумно опуская, естественно, все, что касалось его сделки с Зертриксом.

- Здорово, отец! - глаза Конна сияли. Нет, конечно же, не должен он занимать королевский престол в то время, когда вернулся король истинный, да еще вдобавок отмеченный особой благодатью Богов, возвративших ему и силы, и молодость!

- Что же ты теперь станешь делать? - спросил отца Конн. - Возглавишь шамарскую армию? И вообще, надо ведь объявить всем о твоем возвращении! Я буду молить тебя, отец, принять корону и скипетр, принадлежащие тебе по праву - как могу я, твой сын, занимать трон, когда ты вернулся?!

- И это говоришь ты?! Как ты можешь отказываться от трона, который я завещал тебе?! - ошарашенный Конан пытался напускным гневом скрыть растерянность и выиграть время. Ничего подобного он не ожидал.

Конн с жаром принялся доказывать отцу, что не может править, если вернулся законный король.

- Но я же отрекся в твою пользу, отрекся по всей форме, как велели эти крючкотворцы-жрецы, - Конан стукнул себя кулаком по колену. - Этого уже не перерешить! Ты - король; однако я начинаю сомневаться в тебе, раз ты с такой готовностью отказываешься от

престола! Неужто я ошибся? - киммериец старался изобразить гнев, однако это ему плохо удавалось. Конну тоже показалось, что отец, конечно же, хотел бы вернуться к управлению Аквилонией, но жалеет его, своего сына и, значит, ему, Конну, следует действовать не убеждением, а хитростью...

- Разумеется, ты прав, отец, - Конн опустил глаза. - Прости меня, я так обрадовался... Давай оставим этот разговор; правда, одно нам нужно решить все равно - куда ты решишь отправиться теперь?

Киммериец ответил не сразу. Некоторое время он сидел, низко опустив голову. Он не мог ничего сказать Конну - и в то же самое время чувствовал постоянное, пристальнейшее внимание десятков, сотен незримых, но всевидящих глаз. Откуда-то сверху, из высоких подзвездных чертогов, Нездешние Боги пристально наблюдали за ним. Конан чувствовал, как ему только что не кричат в ухо: "Ну что же ты медлишь! ? Ведь он в твоих руках! Исполни то, что тебе было приказано, - и все! Аквилония станет твоей, останутся живы твои подруги... А дети у тебе еще будут - столько, сколько пожелаешь. Ну же! Не заставляй нас разочаровываться в тебе!"

Они и в самом деле видели все, его нынешние хозяева. Они даже не считали нужным таиться. Им было просто любопытно. Наверное, они развлекались подобным образом - и на миг эти их развлечения заставили киммерийца вспомнить свою юность и гладиаторские казармы в Халоге... Ну что же, верно, пришло время вспомнить старые времена и заставить новых хозяев понять, что никому, даже Богам, еще не удавалось подчинить себе Конана из Киммерии! Будь что будет, его первейший долг - спасти Аквилонию.

- Как только встретимся с Паллантидом - выступаем к Шамару, - бросил Конан и, подавая пример остальным, растянулся на земле у костра, рядом с безмятежно похрапывавшим посланцем Крома. Однако он еще не успел даже смежить веки, как рядом с ним присела на корточки Белит. Предводительница пиратов была настроена очень решительно.

- Почему ты медлишь?! - услыхал Конан ее яростный шепот. - Ты забыл, чем может обернуться для нас твое своеволие?!

- Ты хочешь сказать, что я должен убить своего собственного сына? Конан говорил тихо, но таким голосом, что ванир Сигурд, услышь он его, только бы присвистнул и велел бы похоронной команде копать еще одну могилу, потому что если старый приятель Конан начинал говорить подобным голосом... это значило, считай, еще один свеженький труп.

- Тогда ты убьешь всех нас. - Белит с трудом заставляла себя говорить спокойным шепотом, так что со стороны казалось, что они обсуждают самое большое час предстоящего свидания...

- Белит, - прежним голосом произнес Конан. - Мы или победим все вместе - вместе с Конном, я имею в виду, - либо все погибнем. Как мне вбить это в твою прелестную головку?..

- И как ты намереваешься победить? - голос Белит дрожал от ярости. Надеешься на эту потаскушку из Розового Дворца?!

Конан не сдержался. Железные пальцы впились в запястье прекрасной пиратки и сдавили с такой силой, что она закусила губу, чтобы не вскрикнуть от боли.

- Ты забыла, как я убивал твоих людей за один косой взгляд на нас? - в самое ухо Белит прорычал Конан. - Если надо будет, я собственными зубами перегрызу глотку этим Неведомым!

- Отпусти меня, мне больно, - вдруг очень покорно сказала Белит. Ее веки вздрогнули, по

щеке покатилась слеза. Невольно киммериец разжал пальцы.

- Ты скормишь всех нас демонам, - уже не пытаясь убедить, а просто сообщая, произнесла прекрасная пиратка, поднялась и медленно отошла в сторону, к напряженно ожидавшим ее возвращения остальным воительницам.

Так их и нашел Паллантид.

Старый вояка не сразу поверил своим глазам, примчавшись на взмыленной лошади, едва получив от передовых дозоров совершенно невероятную весть. Перед ним стоял Его король, Конан Великий - только помолодевший на добрых три с лишним десятка лет... Паллантид несколько очень долгих мгновений вглядывался в самые глаза Конана, а потом вдруг как-то судорожно дернулся щекой, его глаза вспыхнули радостью, и он, забыв об этикете, сгреб киммерийца в объятия...

Однако, когда подошел весь отряд Паллантида, Черные Драконы ограничились лишь строгим, положенным по уставу салютом, и Конан был благодарен им за это - королем здесь был Конн, и каково бы ему пришлось, разразились его гвардейцы радостными приветственными кликами?

- Не время для долгих разговоров, - крикнул Конан, обращаясь к молчаливому строю закованных в черную броню воинов. - Я вернулся, но ваш - и мой - король - это Конн; не сомневаюсь, что вы помните это. Мы идем к Шамару! И я, как простой ратник, буду сражаться в одних рядах с вами!

Ответом ему было дружное одобрительное ворчание.

- Веди войско, сын мой, - Конан коснулся пальцами плеча сына. - Король здесь - ты. Повелевай!

Конн внезапно улыбнулся какой-то странно-веселой, даже ехидной улыбкой; лет пятнадцать назад при виде этого Конан готов был бы поклясться, что сын затеял очередную каверзу.

Десять сотен Черных Драконов, понесших потери в схватке с ожившими мертвецами, но не утративших боевого духа, двинулись вслед за Конном на северо-восток, к переправе через Хорот. Нужно было спешить - Гонзальвио и Просперо вот-вот должны были подойти к стенам осажденной крепости.

По дороге Конн и Конан, как ни в чем не бывало, обсуждали ход войны.

- Я уже говорил тебе, ты все сделал правильно, - чуть ворчливо заметил Конан в ответ на вопросительный взгляд сына. - Ты прав. Шамар - самое слабое место в защитном поясе аквилонских крепостей. Под его стенами решится много... если не все. Однако бросаться сразу же освобождать город от осады не следует. Пусть их соберется побольше... - прибавил он с мрачной ухмылкой, имея в виду врагов.

- Но почему, отец? - удивился Конн. - Не ты ли учил меня, что врага следует бить по частям?

- Да, если это обычный враг. Но очевидно, что на сей раз мы имеем дело с вторжением, организованным и управляемым иными, нечеловеческими силами. Никому и никогда не удалось бы сколотить такой союз, его создатель воистину должен был быть более, чем человеком. Заметь, у вторгшейся армады нет общего командования. Да шемиты со стигийцами тотчас бы перегрызли друг другу глотки, не сдерживай их что-то! И еще одно. Армии наших врагов действуют так, словно кто-то передвигает их, как фигурки на игральной доске. Ясно, как день, что все эти короли, бароны и правители - не более, чем марионетки, подвешенные на ниточках... и кто-то очень искусно дергает за эти ниточки. И потому че-

больше вражеских разноплеменных отрядов соберется в одном месте, тем труднее станет незримому поводырю управлять ими, тем больше надежды на то, что ниточки все-таки запутаются... и в этом заключается самая главная наша надежда...

Киммериец закончил непривычно длинную и отстраненную для себя речь даже будучи королем, он старался изъясняться коротко и ясно, считая пустые разговоры уделом изнеженных придворных, лишенных иных занятий.

Конн же слушал отца, затаив дыхание. Да, его не зря называли Конаном Великим еще при жизни. Не зря он так гордился отцом. Решение, к которому он, Конн, пришел - единственно правильное. Он не имеет права не сделать это. Ради блага доверенной ему Аквилонии... Позади, в рядах Черных Драконов Конн твердо знал это - не утихая, перелетали между рядами тревожно-изумленные шепотки: "Великий Король вернулся... ему возвращена молодость... как случилось такое чудо? Наверное, особое благоволение Богов на нем, на нашем истинном короле, иного и быть не может..." Черные Драконы совершенно правы, думал Конн. Воистину, отец не простой Смертный. Быть может, его отцом или матерью был кто-то из истинных Богов этого мира, иначе как смог бы Конан прожить столь яркую, полную приключений и побед жизнь?

Мало-помалу над головами воинов разгоралось утро. Они уже почти покинули Пуантен и приближались к Хороту; там, впереди, горизонт пока еще оставался не запятнанным отвратительными дымами пожарищ; враги уперлись лбом в Шамарскую твердыню, не раз и не два уже выручавшую Аквилонию в минувшие годы. По дороге Конн отправил нескольких гонцов с приказами задержать продвигавшихся в глубь страны аргосцев. Удобнее всего это было сделать на равнине, где могла по-настоящему развернуться прославленная аквилонская конница, и потому Конн разрешил оставлять все еще удерживаемые крепости. Безумие аргосцев могло быть излечено лишь обильным кровопусканием.

Отряд вступил в нетронутые войной области. И тут случилось то, чего ждал Конн и что весьма досаждало Конану - народ очень быстро прознал о возвращении Короля; целые толпы сбегались к ним, покидая надежные убежища в холмах и лесах. Многие присоединились к воинству, хотя годных для боя мужчин осталось очень мало - почти все ушли в Тарантию, вступать в армию Конна... И даже Конан не мог уговорить остаться тех, кто на сей раз двинулся за ним. Неприятель мог бы надменно посмеяться над этим войском, где половину составляли безусые подростки, а вторую - седые старики да самые отважные из женщин; но глаза новых ратников Конана горели таким огнем и они смотрели на вновь обретенного Великого Короля с таким обожанием и верой, что было ясно по приказу его, Конана, они пойдут в огонь и в воду и только смерть сможет остановить их.

Белит, Испарана и остальные воительницы ехали молча и обособленно, время от времени бросая на Конана странно-испуганные взгляды. Он понимал, что его бывые подруги ожидают ежеминутного неотвратимого возмездия; они наверняка чувствовали сейчас то же самое, что и Конан - постоянное, всевозрастающее давление, становящееся почти невыносимым: "Ну что же ты медлишь?! Вот он, тот, за чьей головой мы послали тебя! Докажи, что мы не напрасно остановили на тебе свой выбор!" Противостоять этому непрестанному нашептыванию становилось все тяжелее и тяжелее.

А Конн, казалось, ничего не замечал - во все глаза, с восторгом глядел на Конана негодный неслух, словно нарочно стараясь, чтобы на пути киммерийца оказалось бы как можно больше поселян, вопящих что-то восторженное и бухающихся в пыль на колени перед отрядом; мальчишка ничего не знал о том, что творилось с Конаном - и, сподоби Кром,

чтобы он никогда и не узнал в дальнейшем. Глубоко в душе киммерийца, в душе далеко не молодого, шестидесятилетнего Конана, прихотью капризных Богов оказавшегося в молодом и сильном теле, постепенно закипала ненависть - не та быстрая, пьянящая ненависть молодости, когда легко убить человека за одно неосторожное слово, но истинная, подсердечная ненависть, что не сопровождается воздетыми кулаками и громогласными воплями вперемежку с клятвами на клинках. Однако именно эта ненависть способна вести человека до самых дальних земных пределов в погоне за ускользающим врагом... С этого момента Конан уже не сомневался, что настанет день и он найдет способ сломать запоры небесных врат - чтобы отомстить Неведомым за все, за каждую каплю крови каждого погибшего в этой войне, неважно, аквилонца или, к примеру, аргосца. Конан не держал на них зла. Теперь, после рассказа сына, после всего увиденного в Пуантене не приходилось сомневаться, что каприз Неведомых превратил тысячи и тысячи людей в злобных безумцев, одержимых одной только мыслью - убивать.

"Надо подсказать Конну, чтобы брали больше пленных; не нужно бойни", вдруг всплыла совершенно неожиданная для него, прежнего Конана, мысль.

Поглощенный собственными мыслями киммериец совершенно не обратил внимания на то, что Конн украдкой отдает какие-то приказы. Несколько его гонцов отделились от отряда и понеслись куда-то, немилосердно нахлестывая коней...

Два последующих дня пути прошли без происшествий. К оставшимся после схватки с ожившими мертвецами девяти сотням Черных Драконов присоединилось почти три тысячи ополченцев-ратников из поселян, не слишком хорошо вооруженных - зато решительности у них было хоть отбавляй. И в одном дне пути от Шамара Конн и Конан нагоняли уже изготовленную к бою армию Гонзальвио и Просперо.

- Всемогущий Митра! У меня двоится в глазах или в честной Аквилонии с некоторых пор стало два короля? - всегда суховато-сдержаный, аристократичный Просперо не смог скрыть своего удивления, едва не переходящего в испуг.

- Нет, не двоится, друг мой, - хлопнул его по плечу Конан. - Просто я... как бы это сказать... ну, короче, скинулся лет тридцать. Не спрашивай только меня, как это случилось! Не пожелаю такого счастья и своему злейшему врагу!.. Да, и самое главное, Просперо - король Аквилонии - это Конн, он законный король. Никто не может отменить моего отречения. Конн только чуть усмехнулся при этих словах.

- Ты примешь командование, мой повелитель? - хороший придворный, Просперо обратился к сыну Конана, давая ниспровергателю Нумедида понять, что правильно усвоил все его слова.

Конн не колебался ни секунды.

- Да, принимаю, разумеется, раз я здесь. Прикажи позвать Гонзальвио, почтенный Просперо, нам надо решить, что делать дальше...

Молодой граф не сдержал криков радости при виде вернувшегося Конана.

- Это великое чудо, - глаза Гонзальвио горели, - это счастливое предзнаменование! Надо объявить об этом всему войску - что сам Конан...

- Если ты назовешь меня великим, как какой-нибудь придворный блудолиз, я попрошу твоего короля отнять у тебя графский титул! - не на шутку рассердившись, рявкнул Конан. При виде гневного пламени в его взоре Гонзальвио поспешно прикусил язык.

- Перейдем к делу, - чуть сдвигая брови, как бы в знак своего неудовольствия, промолвил Конн, первым сядясь к походному столу с расстеленной на нем картой. - Прошу тебя,

начинай, Гонзальвио.

Молодой граф уже взял себя в руки. Он заговорил, спокойно, четко, со знанием дела и мало-помалу лица слушающих становились все мрачнее и мрачнее.

Положение защитников Шамара можно было назвать почти безнадежным. Вокруг города замкнулись два кольца осады - внешнее и внутреннее; во внешнем стояли только что прошедшие рати шемитов, во внутреннем - офицеры и кофитяне; нависая над левым крылом аквилонского войска, чуть в стороне от главных сил вторгшейся армады расположились немедийцы; им противостоял лишь небольшой заслон - все, что осталось от отряда графа Монагро после многодневных отчаянных боев. А еще на подходе были стигийцы - их флот поднялся по Хороту и уже находился близ устья Тайбара. На каждого аквилонского воина приходилось самое меньшее по четверо врагов, и это еще не считая стигийцев...

Гонзальвио умолк. И Конан вновь с неудовольствием заметил, что глаза и молодого графа, и бывалого Просперо обратились не к Конну, их законному королю, а к нему, Конану...

Словно почувствовав, что пауза затягивается, молодой король заговорил сам:

- Лагерь немедийцев расположен не слишком удачно, между холмами, и вдобавок там рядом река. Если мы ударим по ним, они вряд ли выдержат. С этого можно начать - а потом ударить в тыл шемитам. Насколько я понял, против нашего левого крыла сил у них не так много - верно, понадеялись на рать Бельверуса...

- А я бы предпочел чуть отступить, до линии холмов Бреза, - покачал головой Просперо.

- Там отличная позиция, там мы сможем дать оборонительное сражение... При таком соотношении сил... наступление я считаю неразумным.

Просперо не сводил взора с Конана, однако киммериец безмолвствовал, положив подбородок на сжатые кулаки и пристально глядя в карту.

- Их так много, что мы можем не продержаться даже на самой хорошей позиции, - почтительно возразил Гонзальвио старому полководцу.

- И все же надо атаковать, - ожив, отчеканил Конн. - Только так у нас есть надежда спасти Шамар.

Гонзальвио тотчас же кивнул - молодой граф рвался в битву, - однако опытный и осторожный Просперо вновь покачал головой.

- Это безумие, мой повелитель. Мы погубим войско, а вместе с ним - и Аквилонию. Нас просто задавят.

Конан недовольно нахмурился при этих словах, однако вновь сдержался.

- Но ведь холмы Бреза - это не горная цепь, - в свою очередь возразил молодой король. - Это не перевал, пройти за который можно по одной-единственной узкой тропе! Если мы дадим пасть Шамару, наши враги окончательно объединятся и преспокойно обойдут нас - сил-то у них хватит. Нет, почтенный Просперо - нам надо атаковать. Это наша единственная надежда. Надо запутать врага, сбить его с толку! Пусть он мечется из стороны в сторону.

- Но, быть может, мы все же смиренно станем молить сказать свое мудрое слово короля Конана?! - не выдержал Просперо, с отчаянием в голосе оборачиваясь к киммерийцу, однако тот лишь пожал плечами:

- Ты слышал, что сказал король, почтенный Просперо. Нужно думать о том, как наилучшим образом выполнить его приказ.

- Но это же конец! - завопил отбросивший всякую сдержанность Просперо. - Ты не можешь говорить так, Конан! Это же гибель, гибель Аквилонии!

- Гибель Аквилонии - как раз в глухой обороне, - угрюмо бросил киммериец. - Именно

этого и ждут от нас... - он оборвал фразу и все решили, что он имеет в виду вражеских полководцев. - Если бы я был королем, я бы отдал приказ атаковать.

Голова старого полководца упала на грудь, губы сжались в узкую белую полоску - он был уверен, что прав, и не знал, как переубедить остальных...

- Приказываю - конным лучникам перекрыть дороги к немедийскому лагерю, - спокойно распорядился Конн. - Бессонцев - на окрестные холмы; пехота в первой линии, конница - в резерве. Начинаем!..

Просперо только молча отвернулся.

Над просторной Шамарской равниной только-только занимался рассвет. Чуть всхолмленная, с многочисленными, разбросанными тут и там домиками одиноких ферм, сейчас она напоминала развороченный муравейник. Бесчисленные орды вторгшихся заполнили ее многоцветными палатками и шатрами. Шамар был окружен двойным рвом и валом, из-за которого могучие катапульты метали тяжелые камни. И, хотя крепкие стены города пока держались, ясно было, что в конце концов врагам удастся пробить брешь. Заготовлено было несколько могучих таранов; спешно вязались сотни штурмовых лестниц. Однако лагерь осаждающих разительно отличался от подобных же, каких немало видел на своем веку старый Шамар. В этом лагере не слышно было по вечерам разудальных песен; не сновали маркиантки и шустрые скupщики награбленного; за войском не тянулись обозы; казалось, пришедшая к городу армия вообще думает лишь о том, как сжечь и разрушить как можно больше, а не о набивании вечно тощих кошелей простых воинов, и это было страшнее всего. Старшины Шамара отправили выборных на переговоры с осаждающими, предложив им большой выкуп; однако в качестве ответа горожане получили в кожаном мешке лишь головы своих посланцев. Город постоянно бомбардировался глиняными шарами с жидким огнем; катапульты посыпали их высоко над стенами, и возникавшие то тут, то там пожары уже уничтожили по меньшей степени четверть домов Шамара. Когда город стремится захватить ради добычи, нет нужды заранее обращать его в пепел.

Осажденные знали, что королевская армия уже со всем рядом; но видели они и то, насколько многочисленны враги. Один раз королю Конану Великому удалось в подобной же ситуации отстоять Шамар; но известно, что чудеса дважды не повторяются...

Примерно в полудне пути от Шамара в неширокой долине между двух кругобоких холмистых гряд расположился лагерь немедийской армии. И он тоже поразил бы сторонний взгляд своей странной безжизненностью - как будто воинами в бельверусской армии были не живые люди, любящие и выпить, и потискать доступную девку - а некие забывшие о земных радостях существа. Не слышно было даже привычной ругани возле мест раздачи провианта.

Было раннее утро. Солнце до половины поднялось из-за горизонта; вот-вот должна была последовать смена часовых на окрестных вершинах. Один из парных дозоров наблюдал за подступами к лагерю с северо-запада; воину почудилось странное шевеление в высокой траве неподалеку от той ямы, где прятались они с напарником. Не раздумывая, он выпустил туда стрелу, чего, разумеется, не должен был бы сделать. Вместо того, чтобы стрелять, воину следовало поднять тревогу - однако глодавшая его всю ночь жажда убийства требовала выхода, и он спустил тетиву прежде, чем даже подумал, зачем он, собственно, это делает...

Ответ последовал незамедлительно. Свистнула ответная стрела - и незадачливый дозорный беззвучно упал, схватившись за пробившее горло древко. Его напарник не успел даже понять, что происходит, как внезапно вынырнувшая из травы под самым его носом невысокая фигура нажала на спуск арбалета; тяжелый железный болт пробил доспехи и воин

умер, не успев даже крикнуть.

- Готовы, - шепотом сказал товарищу низкорослый воин с арбалетом. Проклятье, они успели подстрелить Стелима! Ума не приложу, как его смогли заметить...

- Хватит болтать! - угрюмо перебил говорившего лучник. - Стелим был хорошим парнем, но нас ждут еще два их поста!..

И тут произошло неожиданное. Мертвый воин с пробитой грудью, из которой торчало оперение толстой арбалетной стрелы, внезапно приподнялся. Его глаза оставались закрытыми, он двигался словно разболтанная кукла-марионетка; но прежде, чем оцепеневшие аквилонцы успели хотя бы снести ему голову, он повернулся к своему лагерю и закричал, предупреждая своих - жутким, нечеловеческим, мертвым голосом, на непонятном языке; долгие визгливые переливы прокатились между холмами, и хотя никто не мог разобрать слов, смысл поняли сразу.

Внизу, в немедийском лагере, жуткому крику мертвого часового отозвались многочисленные трубы, разразившиеся тревожным ревом. Оправившиеся от неожиданности аквилонские воины с двух сторон бросились на восставшего из мертвых, два меча ударили разом, голова кричавшего покатилась по земле однако мертвый караульщик сделал свое дело. Внизу, в долине, немедийцы выстраивали боевой порядок с удивительной быстротой.

И тут невдалеке грозно и мощно взревели аквилонские боевые рога. Тысячи и тысячи копыт ударили в землю, тысячи и тысячи подбитых железом сапог дружно сделали первый шаг. Охватившая под покровом ночи лагерь аквилонская армия двинулась вперед. Немедийцы не успели подняться на окружающие их лагерь холмы, как на гребнях их густо зачернели ряды пехоты. Наставив копья и на ходу стреляя из луков, гандерландцы и тарантийцы двинулись вниз. Конн словно предвидел, что враг каким-то образом сумеет не дать захватить себя врасплох - а против изголовившейся к бою тяжелой пехоты конница почти бессильна. Аквилонцы не могли ввязываться в долгую перестрелку - либо они сомнут и растопчат врага первым же ударом, либо... либо битву можно считать проигранной с самого начала.

Самые сообразительные из немедийских командиров двинули свои сотни и десятки вперед, чтобы их не смял накатывающийся сверху вал аквилонских копейщиков, однако было уже слишком поздно. Шеренги сшиблись с громом и лязгом; сталь ударила в сталь. В первые же мгновения стало ясно, что немедийцам не удастся выдержать яростный натиск пеших воинов Конна. Наспех выстроенные ряды защитников лагеря рухнули; правильный бой превратился в хаотичный водоворот вспыхивающих тот тут, то там схваток; воины, быстрее других понявшие, что происходит, бросились наутек, однако лагерь был окружен со всех сторон широкими кольцами конных лучников и тех, кто выбирался из кровавой мясорубки боя в долине, за ее пределами встречал лишь смертоносный свист аквилонских стрел.

Конн приказал вновь трубить в рога. Пешим воинам пора уступить место коннице. Аквилонцы отхлынули назад, повинуясь командам, а вниз по склонам холмов хлынула кавалерия. Эта часть плана была рискованней всего - в суматохе боя конные и пешие легко могли перемешаться и помешать друг другу, однако все обошлось. Двинувшиеся на смену пехотинцам всадники прошли над лагерем, точно смерч; шатры и палатки рушились одна за другой; длинные копья аквилонских рыцарей насквозь пробивали бегущих, длинные мечи рубили тех, кто пытался остановиться и встретить опасность лицом к лицу.

Аквилонские конники дважды промчались над разгромленным лагерем. Сперваказалось, что здесь встретит свой конец все полчище Бельверуса - хотя Конн не ввел в бой и половины своих сил, а немедийская армия ничуть не уступала аквилонской по численности.

Однако мало-помалу немедийцы оправились. Те, кто лежал, накрыв голову руками и притворяясь мертвыми, нашли в себе силы и смелость подняться. То тут, то там стали появляться крепкие кучки пеших воинов, вставших спина к спине и выставивших копья. Таких кучек становилось все больше; сколь бы ни были тяжелы понесенные немедийцами в начале боя потери, в армии Бельверуса хватало и храбрых воинов, и умелых командиров.

И дрались они с каждым мгновением все сноровистей и отчаяннее. Откуда ни возьмись, появились немедийские конники, схватившиеся с аквилонскими всадниками.

Конан, Конн, Просперо, Гонзальвио, посланец Крома и пятеро воительниц в сопровождении королевской свиты поднялись на вершину одного из холмов, окружавших разгромленный лагерь.

- По-моему, до победы рукой подать! - лицо Конна раскраснелось, глаза блестели.

- Не торопись, немедийцы так просто не сдадутся, - проворчал Просперо, пребывавший в мрачнейшем расположении духа с самого начала сражения.

- Капитан конных стрелков доносит, что перехвачено уже пятеро немедийских гонцов к шемитам с просьбой о подмоге! - крикнул Гонзальвио, прочитав поданный посыльным пергамент.

- Кто-нибудь наверняка ускользнул, - не унимался Просперо. - Вскоре тут окажется вся орда...

Конан молчал, игнорируя испепеляющие взоры своих подружек. Киммериец продолжал смотреть на развертывающееся перед ними сражение, хотя там уже шла обычная резня и соображения высокой стратегии и тактики были давно отброшены. Он видел внезапно усилившееся сопротивление уже, казалось бы, полностью разгромленных немедийцев и единственный, пожалуй, понимал, что это значит - Неведомые как следует дернули за приводные ниточки своих марионеток. Конан с трудом смирял жгучее желание вновь вскочить на коня, выхватив меч, и ринуться в атаку, увлекая за собой всесокрушающую лавину конного строя Черных Драконов. Время еще не пришло и, кроме того, у его гвардейцев ныне был другой повелитель...

Конн отдавал команды строго и четко, не забывая вовремя двинуть в сражение свежий полк или отвести из мясорубки уже потрепанный - не следовало утомлять людей сверх меры. Каждая сотня в аквилонском войске имела свой собственный сигнал; воины были приучены собираться вокруг своих знамен и сигнальщиков; несмотря на хаос в немедийском лагере, отряды Конна почти не перепутались и могли в любой момент выйти из боя.

Кое-где земля уже скрылась под ковром из мертвых тел; трава давно стала рдяной. Видно было, как какой-то знатный немедиец в одной белой рубахе, верхом на бешеном белоснежном коне носится кругами, пытаясь собрать своих и прорваться из гибельного кольца. Конан прищурил зоркие по-орлиному глаза и чуть присвистнул.

- Да это же Альтурус, сын покойного Альрика! Во имя Крома, мальчишка же вырос в Аквилонии!

- У тебя, боюсь, не осталось друзей вне пределов твоего былого королевства, - подал голос посланец Крома. - Неведомые умеют властвовать над душами. Их сетей не избегнет никто. Твой воспитанник стал одним из твоих злейших врагов. И, боюсь, тебя еще будут ждать подобные разочарования, Конан.

- Тоже мне разочарование, - проворчал киммериец, пытаясь скрыть то, что слова посланца задели его.

Тем временем весы сражения в долине неожиданно заколебались. Немедийцам удалось

сомкнуть ряды; тесно сдвинув щиты и ощетинясь копьями, они двинулись на прорыв. Бельверусская армия уменьшилась на добрую половину; но все же в ней еще оставалось почти тридцать тысяч воинов. Немедийские всадники почти все погибли, уцелевшие лишились коней - но сумели остановить казавшийся неудержимым смерч аквилонской кавалерии. Гонзальвио поспешил вывести всадников из боя.

В дело вступили боссонцы. Несравненные лучники, они умели вогнать стрелу в узкую смотровую щель рыцарского шлема за добрую сотню шагов; Конн заботливо приберегал небольшой отряд лесных стрелков - все остальные их сородичи сражались подле Велитреума, сдерживая натиск пиктских орд.

Лучники с берегов Громовой реки встретили перешедших в атаку немедийцев убийственным градом тяжелых стрел. Не спасали доспехи, не помогали щиты; воины первых рядов снопами валились под ноги задним шеренгам, но немедийцы упорно смыкали ряды над павшими и продолжали свой гибельный натиск. Ответные стрелы летели неточно и их было мало. Вся надежда оставалась лишь на то, что аквилонцы не выдержат рукопашной; однако рассчитывать на подобное мог лишь тот, кто совершенно не знал армии, созданной Конаном Великим...

Аквилонские трубы затрубили вновь. Пешие воины отхлынули назад, избегая ненужных потерь; боссонцы стреляли все быстрее и быстрее. Густой дождь стрел хлестал по наступающим рядам немедийцев, воины падали один за другим, однако на самом острие атакующего клина Конан постоянно видел мелькавшую белую рубаху юного Альтуруса. Молодой король Немедии казался заговоренным; его словно охраняли могущественные чары. Против собственной воли Конан почувствовал нечто, смахивающее на уважение к этому отчаянному мальчишке...

- Пора пускать в дело гвардию, сын мой, - не громко произнес Конан на ухо сыну. - Стрелами ты немедийцев сегодня не остановишь.

- Но разве тогда я остановлю их копьями? - возразил Конн.

- Если дашь им оправиться - тогда не помогут ни стрелы, ни копья! Конан сдвинул брови, в глазах зажегся хорошо знакомый Конну гневный огонек.

Просперо и Гонзальвио напряженно прислушивались к их словам, посланец же Крома и пятеро воительниц, казалось, окончательно потеряли всякий интерес к происходящему. Они стояли замерев, как будто пытались уловить нечто еле слышимое...

Представленный самому себе, мощный кулак немедийского строя быстро поднимался по кругому склону холма, где ему преграждали дорогу лишь сотня-другая боссонских лучников. Несмотря на то, что аквилонские стрелки тратили одну связку стрел за другой, охладить пыл немедийцев было уже не в их силах. Ряды армии Бельверуса, в которых сейчас перемешались все панцирники и пращники, тяжеловооруженные всадники, лишившиеся коней легконогие лучники - упрямо лезли все выше и выше, не обращая внимания на потери. Еще немного - и они перевалят за гребень, уйдя из-под губительного ливня стрел.

Вновь запели рога. Земля чуть дрогнула - это разом ударили в землю копытами сотни и сотни коней аквилонской гвардии. Черные Драконы перебросили копья под правую руку и, пригнувшись к гривам, дали шпоры коням. Вслед за лавиной всадников устремилась вперед и пехота - довершить разгром.

И в тот миг, когда белая рубаха Альтуруса мелькнула уже на самом гребне, навстречу немедийцам вынеслись, подобно потокам черного пламени, две колонны конных гвардейцев Конана.

Удар тяжелой кавалерии был стремителен, сокрушителен и страшен. Казалось, на землю пролился багряный дождь - человеческая кровь потекла ручьями, щедро пропитывая землю. Конан видел, как копья Черных Драконов пронзали насеквоздь тела, как не выдержала стена щитов и немедийский строй распался. На склоне вскипел небывалый человеческий водоворот. Часть бельверусских воинов в ужасе бросилась бежать обратно в лагерь, прямо под стрелы боссонцев; другие же, самые бывалые и крепкие духом, продолжали отчаянное, хоть и бессмысленное сопротивление; трети падали на землю, решив затаиться и переждать среди мертвых тел. Черные Драконы рассекли толпу немедийцев надвое, и тут в дело вновь вступила аквилонская пехота. Белая рубаха Альтуруса в последний раз мелькнула среди сверкающих мечей и щитов и тогда немедийцы стали сотнями и тысячами бросать оружие. Но, конечно, не все: самые стойкие и опытные продолжали отбиваться, составив, как и в начале боя, тесные кучки с выставленными во все стороны копьями. Двум или трем таким небольшим отрядам удалось выбраться из гибельной долины; в погоню за ними Конн двинул несколько тысяч конных стрелков. Он отдавал этот приказ, еще не сознавая, что одержал первую в своей жизни победу; что немедийская армия перестала существовать и аквилонскому войску открывается теперь прямая дорога на осажденный Шамар.

Подоспевшие придворные рассыпались в пышных поздравлениях молодому королю с блестящим успехом; Конн лишь отмахнулся. Он ловил взгляд отца однако Конан отчего-то хмурился. Заметив взор сына, киммериец, словно спохватившись, крепко хлопнул его по плечу, выражая свое молчаливое одобрение, и молодой король тотчас просиял.

- Нельзя терять времени, - громко произнес он. - Раненых - в обозы! Бросить все тяжелое! Идем на Шамар.

- Твой сын быстро усваивает уроки, - шепнул Конану посланец Крома. Киммериец криво усмехнулся - что толку в подобных похвалах, если час от часу все усиливается и усиливается неощущаемое другими давление на него, Конана, если все громче и громче звенит в ушах многоголосый неотвязный вой: "Кара будет страшна! Пищей для демонов станет твоя плоть; и душу твою мы обречем на такие страдания, что содрогнется самая глубинная из преисподиен!"

Валерия тронула пятками бока своего коня и очутилась подле Конана.

- Если ты не сделаешь это сам, - прошипела воительница в самое ухо киммерийцу, - то, клянусь слизившими нас Алыми Гвоздями, я совершу это своими собственными руками - и делай потом со мной, что хочешь. Я сумею умереть; но лучше смерть и обычное посмертие, чем то, что уготовлено нам, если мы не исполним порученного!

Киммериец метнул на былою соратнице испепеляющий взгляд.

- Тогда, клянусь Кромом, я убью тебя прямо сейчас... - прорычал он. - К чему откладывать славное развлечение? Запомни, глупая - Конна ты не тронешь и пальцем. С этими Неведомыми я буду драться до конца, и мы еще посмотрим, чья возьмет!

"Браво, браво, браво, киммериец! - тотчас раздался в его сознании неслышимый для прочих голос. - Так даже интереснее. Давай-давай, старайся, пигмей, суешься, муравей, потешь еще немного Неведомых, прежде чем они пресытятся игрой и обратят тебя в пыль!"

Глохо хрюпя от ярости, Конан сжал огромные кулачищи. В прошлом ему не раз приходилось выступать против богов - и он одержал немало побед; но как прикажете бороться с противником, невидимым, постоянно слышащим все до единого твои слова и вдобавок читающим твои мысли?!

Валерия криво дернула щекой и отъехала; Конан тотчас же зычно воскликнул, призываю-

махнув рукой подъезжавшему Паллантиду:

- Друг мой, мне кажется, королевская охрана явно маловата. Почему бы не добавить пару десятков Черных Драконов?

Конн побагровел - он готов был провалиться сквозь землю от стыда. Ему показалось, что отец опекает его, словно неразумного ребенка; однако Конан, притянув сына к себе, шепнул ему на ухо:

- Так надо. Верь мне и пока ни о чем не спрашивай!

Слово Конана всегда оставалось для Конна непререкаемым законом. Он повиновался, хоть и без особого желания. Спустя несколько минут его уже окружала сплошная стена вороненой стали, в доспехи из которой были с ног до головы закованы гвардейцы. Валерия метнула на киммерийца взгляд, полный одновременно ярости, ужаса и какого-то странного восхищения его безумной отвагой.

Не теряя больше ни минуты, погрузив раненых на повозки, аквиленская армия скорым маршем двинулась дальше, вдоль русла Тайбора. Конан ни на миг не тешил себя надеждой на то, что войску удастся подойти к осажденному городу незамеченным. Удалось спастись и избежнуть плена кому-то из немедийцев; да и шемиты наверняка уже знали о случившемся от многочисленных, разбросанных тут и там укрытых дозорных постов. Окружившее Шамар вражеское воинство превосходило аквиленцев самое меньше втрое; и на подходе еще были стигийцы...

- Конан, бросаться на такую армаду с нашими шестьюдесятью тысячами даже не безумие, а просто самоубийство, - угрюмо прошептал киммерийцу на ухо подъехавший Просперо. - Немедийцев мы застали врасплох, вдобавок они забрались в настоящий силок. Ты рассчитываешь повторить подобное под Шамаром? Но возле города - гладкая равнина; разве ты забыл, как мы схватились там с Тзота-Ланти?

- Что ты можешь предложить? - спокойно осведомился киммериец, глядя прямо в глаза своему старому сподвижнику. Просперо смешался и опустил взгляд.

- Я знаю причину этой войны, - продолжал меж тем Конан, обращаясь словно к самому себе; он говорил убийственно спокойно, но Просперо знал, что за подобным спокойствием скрывается страшная тревога и еще - неведомая прочим тяжесть, которую киммериец ни за что не переложит на чужие плечи, пусть даже это будут добровольно подставленные плечи друга. - Я знаю причину; и мои спутники тоже, а более - никто, даже мой сын. Пусть так и остается. Сейчас не время рассуждать; или мне удастся задуманное, или... он резко оборвал себя.

В глазах Конана вновь блеснул знакомый Просперо, гневный огонек, тотчас заставлявший любого вспомнить, что киммериец вышел из суровой и страшной жизни варварских племен, и все десятилетия, прожитые им в цивилизованных хайборийских странах, не погасили мрачный и неукротимый пламень, что пылал в его душе.

Просперо молча склонил голову перед своим повелителем и отъехал.

Шестидесятичесчное аквиленское войско двигалось несколькими путями, оставив позади обоз и толпы пленных немедийцев под охраной небольшого арьергарда. Через несколько часов передовые отряды миновали последнюю теснину и вырвались на простор широкой Шамарской равнины. Словно сами боги выбрали это место для ратного спора; здесь было где развернуться и где встать насмерть.

Стоявшие на стенах защитники Шамара приветствовали появление королевских знамен Аквилении дружными приветственными кликами. Уже угасшая надежда на спасение вновь

ожила в их сердцах. К стенам двинулись и стар, и млад, а лучшие воины стали собираться подле городских ворот, приготовившись в случае необходимости сделать вылазку.

В стане врагов никто не проявил и малейшего намека на беспокойство. Без суеты и паники отряды шемитов дружно полились навстречу аквилонцам; офицеры и кофитяне тоже стали покидать возведенные против шамарских стен осадные валы, оставив там лишь небольшие заслоны. Равнина запестрела бесконечным разнообразием оттенков - ярко разодетые отряды разных племен двинулись на северо-восток, охватывая показавшийся на равнине авангард аквилонского войска широким полукругом. Враги не спешили. Конан хорошо понимал их замысел. Сдавить еще не успевшее развернуться в боевые порядки аквилонское войско с флангов, засыпать стрелами, не давая завязать ближний бой, окружить, и...

Конн распоряжался спокойно и без спешки. Верховые лучники выдвинулись вперед; под их прикрытием строилась пехота, на крыльях занимала позиции конница; боссонцы и Черные Драконы остались в резерве.

"Что же еще они позволят мне сделать? - лихорадочно думал киммериец, окидывая равнину привычным взором полководца. - Что еще задумали они, именующие себя Неведомыми Богами?"

Все поле перед изготавлившимися к бою аквилонцами было заполнено вражескими отрядами. Смуглые, черноволосые шемиты в желтых и алых одеяниях, пешие или на низкорослых выносливых лошадках; высокие кофитяне в зеленом и синем, их ощетинившаяся длинными копьями пехота и тяжелая кавалерия благородные рыцари в покрытой шелками броне; утонченные офицеры в синем и голубом, в их рядах Конан заметил и черное с серебром знамя Вольного Отряда, воинства наемников, в котором некогда служил и сам.

Помимо регулярного войска, на поле оказалось и несметное число вчерашних землепашцев, мастеровых, мелких купцов, просто горожан - тех, кого захватил в свои смертельные объятия безумный вихрь этой странной войны, кого он лишил разума и погнал сеять смерть и разрушение наравне с самыми жестокими и кровожадными наемниками. Эти плохо вооруженные, не знающие строя отряды роились, словно потерявшие улей пчелы, среди блистающих сталью королевских дружин.

Аквилонцам пришлось остановиться. Враги нависали с трех сторон; и, хотя крылья армии Конна прикрывали достаточно крутизны холмы, на вершины их пришлось поставить по крупному отряду. Знаменосец с силой вонзил в землю заостренное древко аквилонского гордого штандарта с золотым львом в алом поле. Ряды войска замерли; так волей-неволей пришлось принять план, за который ратовал многоопытный Просперо - дать оборонительное сражение. Надо сказать, что подобное не раз удавалось Конану - враги слишком часто переоценивали свои силы и недооценивали силу небольшой, но прекрасно обученной и верящей в своего короля аквилонской армии...

Остановились и противники аквилонцев. Они не торопились, уверенные в победе, они смаковали это ожидание триумфа, как горький пьяница смакует каждую каплю старого, выдержанного вина. Их, пришедших с огнем и сталью на землю Тарантии, было - как стало ясно теперь - вчетверо больше, чем бойцов у Конна. И вот-вот должен был прибыть стигийский флот.

Некоторое время армии неподвижно стояли друг перед другом. Атака на вчетверо более сильного противника и впрямь отдавала безумием; Конан крепко сжал локоть сына,

удерживая того от соблазна бросить в бой полки лучников.

- Пусть начнут они, - склонившись к уху Конна, бросил киммериец. Сейчас это было единственным решением. Должен же наступить момент, когда ниточки у марионеток начнут путаться!

Наконец вражеские предводители потеряли терпение. Взвыли трубы, заревели рога, грянули цимбалы; заколыхались полотнища многочисленных разноцветных знамен, шеренги качнулись вперед; всадники пришпорили коней. Конан чувствовал, что сильные мышцы сына непроизвольно вздулись под его пальцами.

Конники шемитов двинулись вперед. Отсюда, сверху, они напоминали деловитых муравьев; один их передовой отряд был едва ли не в половину всего аквилонского войска. Еще несколько мгновений - и воздух наполнило гудение бесчисленных стрел. Аквилонские пехотинцы подняли щиты; навстречу шемитам двинулась легкая кавалерия под водительством самого Гонзальвио. Вслед за всадниками бежали пешие лучники, спешили пращники, на ходу крутя ременные петли своего немудреного, но убийственного оружия. Конан услышал, как позади него загомонили встревоженные боссонцы - лучшие лучники хайборийских стран, они терпеть не могли, если перестрелка завязывалась без их участия...

Аквилонцы стреляли точнее и лучше, шемитские всадники падали; кое-где воины Гонзальвио уже сцепились с врагами; не выдержав столкновения, шемиты поспешно отворачивали коней.

Над полем поднималась пыль. Знакомая до боли Конану пыль ратного поля. Желтовато-серая туча, в которой тонули даже боевые клики сталкивающихся полков. Расстроив и разметав ряды вражеских конных лучников, аквилонские всадники отошли назад, к своей пехоте, пешие же пращники, стрелки и арбалетчики продолжали перестрелку...

Бой завязался, но как-то вяло, к немалому удивлению Конана; враги делали все, словно по трактатам о военном искусстве. Киммериец ожидал яростного порыва, бушующих безумных толп - нечто вроде того, что ему пришлось увидеть на южных границах Пуантена. Или Неведомые вновь сменили тактику? Марионетки пляшут по-другому?

К лучникам и пращникам присоединились щитоносцы, ловко прикрывая большими щитами и себя, и стрелков; шемиты окончательно смешались и поспешили убраться восвояси, выйдя из-под обстрела. Вялая их атака не принесла врагам Конана никакого успеха; они лишь даром потеряли многих.

- Они словно приглашают нас атаковать, - сквозь зубы процедил Конн.
- Это западня, - бросил в ответ Конан, и Просперо согласно кивнул, услыхав эти слова. - С места не трогаемся. Пусть нападают сами!

Но враги явно не проявляли никакого желания завязать настоящий бой. Лучники обеих армий продолжали осыпать друг друга стрелами, перевес все сильнее клонился на сторону аквилонцев; их ряды стояли неколебимо. Просперо, больше всего боявшийся обходов и окружений, отрядил несколько больших конных отрядов далеко в стороны, но пока эта предосторожность оставалась излишней. Вяло отвечая на аквилонские стрелы, шемитско-кофитско-офицкая армия переминалась с ноги на ногу, не начиная атаку и не отступая. Враги ждали чего? Стигийцев? Но и без них они имели почти четырехкратное превосходство. Так что же случилось? Неужели у кукловодов перепутались-таки те самые невидимые ниточки, что приводили в движение послушных марионеток-людей?

- Отец, мы так и будем стоять здесь? - полуслепотом обратился к киммерийцу Конн, с трудом сдерживая нетерпение. Конан очень хорошо понимал его - враг явно растерян, самое

время ударить сейчас по нему, чтобы эти гордецы покатились бы без оглядки назад, прочь от шамарских стен и дальше, за Тайбор, к аквилонской границе...

- Будем, - жестко отрезал Конан. Всем своим существом он ощущал в тот миг направленный на него насмешливый взгляд. Неведомые развлекались, решив погадать, каким окажется следующий шаг предоставленного самому себе киммерийца?

Перестрелка на равнине тем временем затихла. Оставив множество неподвижных тел, шемиты откатились. Кофитяне и офицеры топтались на месте, ничего не предпринимая.

- Кром! - вырвалось у Конана. - Еще немного, и я сам прикажу атаковать!

Быть может, армии бы так иостояли друг перед другом весь день, но, как всегда, все решила нелепая случайность, как сперва показалось всем - за исключением Конана.

Выглядело все так, словно толпившиеся в промежутках между офицерским и кофитским полками землепашцы и горожане, нелепая толпа, вооруженная одними вилами да топорами, которым здесь было никак не место, наконец потеряла терпение и, точно обезумев, слепо повалила вперед, прямо на щитоносные ряды аквилонской армии.

Конан стиснул зубы. Он один понимал, что у несчастных крестьян и купцов, магией оторванных от привычных занятий и втянутых в грязное и кровавое дело, попросту помутился рассудок, что опрокидывало все расчеты высокомерных Богов. Конану казалось, что он проникает в мысли каждого из этих бедолаг; а перед его внутренним взором на миг мелькнуло напряженное лицо Гуаньлинь.

Да, ниточки начинали путаться - а иные и вовсе рвались.

- Отставить луки! - во всю мощь могучих легких заорал Конан, завидев, что стрелки первых аквилонских рядов уже натянули тетивы.

Без всякого строя, рыхлой толпой, с дикими воплями, потрясая своим никчемным оружием, люди бежали вперед, прямо на стену начищенной стали. Без доспехов, они все были обречены, - однако сами не сознавали этого. Весь их рассудок заполнила однажды единственная мысль - впереди враг, которого они должны убивать; а какой Ценой - это Неведомых не беспокоило.

- Командуй атаку! - проревел сыну Конан. - Коннице вперед!

Никто не мог понять его плана; и тогда киммериец дал шпоры коню. Черные Драконы устремились вслед за ним; Просперо с некоторым запозданием махнул рукой и еще двум конным полкам резерва.

Человеческая волна с размаху ударила в плотный строй аквилонцев. Однако клиники и копья пехоты Конна еще не успели собрать обильной кровавой жатвы, как на равнину с гиканьем вынеслась предводительствующая Конаном конница.

Как в былые годы, киммериец летел вперед на великолепном и злом коне, подняв меч и ощущая за спиной топот тысяч и тысяч тяжелых копыт, грозную поступь покорных его воле полков. Промчавшись сквозь расступившиеся ряды аквилонской пехоты, Конан ударил в бок нестройной толпе крестьян. Он не хотел никого убивать; прежде не знавший в битве удержану, опьяняясь всякий раз кровавой резней, на сей раз он жалел этих бедняг, сведенных с ума... Он не хотел их поголовного истребления - лишь бы повернуть обезумевшее человеческое стадо.

Жеребец Конана грудью сбил с ног одного атакующего, затем второго, третьего... Люди с воплями бросились врасыпную - киммериец, грозно воздевший меч, казался воплощением карающего бога войны. И кто-то из лишившихся рассудка горе-вояк тут же истощно завопил: "Окружают!" Ничего страшнее представить себе эти несчастные уже не могли. Разом

растеряв свой бесноватый напор, они обратились в паническое бегство, точно овцы, подгоняемые свирепыми пастырями...

Насколько стремительной была атака новоявленных воинов, настолько же стремительным оказалось и бегство. Толпа врезалась в плотный строй огирской конницы и началась невообразимая свалка. Огирцы видели накатывающуюся следом могучую лавину аквилонской конницы; встретить ее удар они могли, лишь сохранив четкий порядок, и потому не нашли ничего лучшего, как безжалостно рубить оказавшихся у них под ногами обезумевших людей. Сабли и ятаганы замелькали в привычной кровавой работе; лишенные доспехов землепашцы гибли десятками и сотнями. И все же огирцы смешались, потеряли строй и, когда на них ударили всадники Конана, не выдержали и стали отступать.

Киммериец легким движением меча отвел нацеленное ему в грудь копье и его ответный удар развалил разряженного огирского всадника надвое. Не помогли ни кольчуга, ни нагрудники; мертвое тело грязнулось оземь, а меч Конана уже сокрушал следующего противника. Вслед за киммерийцем по врагу ударили и Черные Драконы; устоять перед этими великолепными воинами не мог никто. Растерянные огирцы подались назад; и прежде, чем кто-либо во вражеском стане успел понять, что происходит, в самой середине вражеского строя возник разрыв.

Конан осадил коня и, поднеся к губам большой рог, хрюкнул затрубил, созывая своих. Дело было сделано, враг вышел из спячки, повсюду - и справа, и слева - полки трогались с мест, спешили резервные отряды. Вновь появились шемиты-лучники; и Конан скомандовал отход. Он не собирался klaсть весь свой отряд в этом безнадежном бою. Предпринятая им атака была лишь приманкой, на которую послушно клюнули не слишком искушенные в знании людей Неведомые Боги. Они приказали своим подручным начать общий приступ; они испугались! Испугались самого простого разрыва строя их слуг - и это значило, что Конан прав, и ниточки продолжают путаться.

Отряд Конана бросил коней в галоп, уходя от преследования. Киммериец видел, как аквилонские щитоносцы и копейщики разомкнули ряды, готовясь пропустить скачущую конницу, всадники промчались сквозь строй, и стена щитов вновь была восстановлена.

Конан осадил коня возле королевского стяга. Бледный от волнения Конн подскочил к отцу первым и почтительно придержал его стремя, хотя в этом, естественно, не было никакой нужды.

- Почему ты не взял меня с собой? - голос Конна звенел от обиды.
- Потому что у Аквилонии должен быть король! - прорычал в ответ киммериец.
- Он у нее есть! Это - ты!
- Это - ты, порази меня длань Крома! И не гневи меня подобными глупостями!
- Конн опустил голову и мучительно покраснел.
- Теперь ты должен разрешить мне удалиться, - совершенно серьезно продолжал Конан.
- Ты король; и ни один твой подданный не вправе покинуть твое общество, не испросив твоего соизволения. Мне пора возвращаться, взмахом руки киммериец указал вниз, где враг подступил уже почти к самым шеренгам аквилонцев.

Накатывающийся со всех сторон девятый вал врагов встретили шелестящим колючим вихрем. Шемиты стреляли на скаку, но лучники Конна искусно укрывались за большими щитами и не тратили стрел даром.

И все же в этот день стрелы не могли остановить атакующих. Неведомые прибегли к испытанному оружию - внушили противникам аквилонцев лживое чувство неуязвимости. И

сейчас легионы обреченных слепо лезли навстречу убийственному ливню стрел, собственными телами прокладывая дорогу следующим шеренгам. Земля перед аквилонским строем покрылась мертвыми телами и кровью. Дорого заплатив за последние футы, враги все же дорвались до пеших воинов Конна; свист стрел сменился громовым лязгом оружия и многоголосыми воплями. Враги навалились со всех сторон, сделав ставку на численность.

Со всех направлений густо летели стрелы. Шемиты оправились от понесенного в первой схватке урона и дружно ударили; конные копейщики офицеров не щадили себя; навалились в пешем строю кофитяне; сдавленные с трех сторон, аквилонцы начали медленно, шаг за шагом отступать, все теснее и теснее смыкая ряды.

Просперо с каждой минутой становился все мрачнее и мрачнее; впервые за долгие годы знаменитый полководец попал в такое положение. Разгром казался неминуемым; сколько еще смогут аквилонцы сдерживать такой всесокрушающий натиск? А если подойдут стигийцы, на каждого воина в армии Конна придется уже по пять врагов.

Сын Конана тоже выглядел невесело. Его армия сражалась в полукольце; там, внизу, у подножия холма, ежеминутно и ежесекундно умирали люди, которых он, Конн, присягал защищать и оберегать, присягал разумно править ими; разве заслуживает он короны?

На миг в сердце Конана тоже вполж предательский ледяной холодок, однако киммериец тотчас изгнал его усилием воли. Сейчас... сейчас... пусть втянутся побольше. Киммериец верил в своих аквилонцев. Надо было продержаться эти самые первые, самые трудные минуты: сейчас напор врагов ослабнет, они поневоле дрогнут и откатятся, чтобы атаковать вновь - чтобы снова быть отброшенными.

За передовыми полками аквилонского войска в томительном бездействии стояли резервные отряды. Они ждали. Сейчас, вот сейчас их король взмахнет рукой в латной перчатке - и они, его верные воины, опрокинут этих жалких вояк, что толкуются сейчас перед стеной аквилонских щитов...

Однако Конн, как и его отец, лишь молча смотрел на развертывающуюся битву. Все поле перед ними перегораживала сплошная, густая масса врагов. Их отряды казались неисчислимыми, а из глубины равнины все время подходили все новые и новые полки. Стоя на месте, аквилонская армия оказывалась обреченной; но и атака тоже привела бы к гибели. Конн до крови закусил губу и взглянул на отца. Сам он колебался, не зная, что предпочесть скомандовать ли отход, спасая войско (что было бы, наверное, разумнее), или же, очертя голову, бросить все силы в одну, последнюю отчаянную атаку. Что еще оставалось ему делать?..

Губы Конана сжалась в узкую полоску, на скулах вспухли желваки. Куда же должен быть направлен тот один-единственный удар, чтобы наверняка рассечь незримые нити, протянутые к душам противников Аквилонии на этом поле? Вокруг киммерийца, точно изваяния, застыли пятеро воительниц и посланец Крома; последний, похоже, к чему-то прислушивался.

А тем временем первые ряды аквилонского войска продолжали отступать шаг за шагом. Наконечники копий увязали во вражеских телах, мечи застревали в разрубленных черепах, щиты тяжелели от во множестве вонзающихся в них дротиков. Гандерландцы, известные своей стойкостью, вынуждены были медленно отходить, чтобы только не оказаться погребенными под грудами вражеских тел. И шемиты, и офицеры, и кофитяне, казалось, обезумели, забыв о самосохранении. Люди с размаху бросались на копья, лошади собой пробивали частоколы копей и гибли, всадники падали в самую гущу пеших воинов Конна, но,

пронзенные со всех сторон мечами, успевали сразить одного или даже двух аквилонцев. Передовые полки Тарантии стояли уже по колено в крови, своей и чужой. По мере возможности командиры пеших полков старались менять воинов первой линии, давая истомленным бойцам время отдохнуть за спинами товарищей, но силы аквилонцев мало-помалу убывали, а враги сражались с возрастающей яростью.

И все же, сжимая строй, аквилонское войско держалось. Круглобокие холмы защищали его крылья; враг же, вместо того, чтобы попытаться зайти в глубокий тыл Конна, продолжал снова и снова бросать своих воинов в лобовые атаки. Для Конна это поведение огирских и кофитянских командиров оставалось загадкой, Конан же, как ему казалось, понимал, что творится: власть Неведомых оказалась небеспредельна, они могли лишь заставлять людей умирать по своей прихоти, но не выполнить сложный план тонкого маневра, требующий истинного искусства. Да и чего ради было стараться им, Неведомым? Гибнущие люди значили для них несоизмеримо меньше, чем для ребенка его куклы. Неведомые не жалели своих живых игрушек.

Посланец Крома тронул бока своего коня шпорами и подъехал к Конану.

- Мне кажется, что где-то здесь, на поле, наш общий и недобрый знакомый, горбун Зертрикс, - угрюмо сообщил он киммерийцу. - Наша единственная надежда - покончить с ним. Насколько я понял, возвав к могучему Крому, нашему Отцу - именно Зертрикс гонит на нас сейчас этих несчастных...

Конан прищурился, вглядываясь в поле боя, словно в морскую даль. Его острый взор скользил по задним рядам вражеского войска; глаза, которые могли заметить чужой парус на самом горизонте, до рези всматривались в мельтешение крошащих с такого расстояния человеческих фигурок.

- Ты надеешься разглядеть его отсюда? - удивленно начал было посланец Крома, однако в ту же секунду Конан схватил его за руку.

- Я его уже разглядел, - с ненавистью прорычал киммериец. - Клянусь всеми богами и демонами, на сей раз он от меня не уйдет!

- Он стал более... уязвимым, что ли, - не слишком уверенно произнес посланец. - Сила прямо-таки изливается сейчас из Зертрикса... и еще я ощущаю в нем какую-то боль, словно от некоей раны... Но все это так зыбко и неопределенно... Проклятье! Как я ненавижу эту неопределенность! - внезапно взорвался слуга Отца Киммерии. - Но постой! Ты говоришь, что видишь Зертрикса?!

- Вижу, - неотрывно глядя куда-то вдаль, бросил киммериец. - И я не я буду, если мы сейчас не попробуем пощекотать его острием!

Конан повернулся к молчаливым, подавленным воительницам.

- А ну-ка, подружки! - громыхнул он. - Любовное томление еще не вытеснило из ваших прелестных головок умение держать меч?! Если нет - то за мной!

- С нами Кром! - вскричал посланец, вздымаая на дыбы своего коня и, вслед за Конаном, бросил его вскачь вниз с холма. Пятеро воительниц устремились за ними.

И тут все, стоявшие подле королевского штандарта Аквилонии, увидели, что вокруг стремительно несущейся семерки всадников закружилось серебристо-зеленое облако тонкого, прозрачного пламени. За спиной Конана распустился удивительный кроваво-красный плащ из чистого огня. Подняв меч, киммериец мчался прямо на ряды аквилонских воинов; закричали десятники, лучники и копейщики спешили освободить дорогу Великому Королю, пусть и отрекшемуся от престола. Не прошло и нескольких мгновений, как

киммериец верхом на своем вороном врезался во вражеские ряды.

Конан вновь чувствовал былое упоение боем и меч тонко пел в его руке кровавую песнь победы. Летящие стрелы отскакивали от прочных лат, вражеские клинки ломались, словно деревянные, сталкиваясь с серым мечом киммерийца; и окутывавшее его призрачное пламя внушало ужас всем его противникам.

Вслед за Конаном мчался посланец Крома, его громадный боевой топор мерно поднимался и опускался; после каждого удара замертво падал еще один враг. Мелькали сабля Карелы, прямой меч Белит, кинжалы Раины, ятаган Испараны, цепь Валерии...

Черные Драконы дисциплинированно продолжали ждать приказа, с надеждой глядя на Конна. Молодой король неотрывно смотрел на спину стремительно удалявшегося отца: что за безумно смелый план возник в голове Конана Великого?!

Семеро всадников прорубались сквозь вражеские ряды, отмечая свой путь грудами мертвых тел. Конь Конана ступал по крови, его брюхо покрылось алым; всякий раз, когда его копыто касалось земли, высоко вверх летели багряные брызги, и те, кто избег смерти от клинка киммерийца, находили ее под подковами королевского скакуна.

На всем протяжении фронта аквилонцев продолжался отчаянный бой. Подавляющее большинство вражеских воинов даже не заметило неистовой атаки киммерийца и его странных спутников. Офицы, кофитяне, шемиты продолжали наседать на пятящийся аквилонский строй и Конну пришлось посыпать резервные отряды то к одному, то к другому угрожающему месту. Больше всего на свете ему в ту минуту хотелось крикнуть "за мной!" своим гвардейцам и сокрушительной лавиной устремиться вслед за скрывшимся во вражеских рядах отцом. И в то же самое время он понимал, что делать это нельзя ни в коем случае. Конн смутно догадывался, что отец нацелил свой удар на неведомую составляющую вражьего чародейства - но исход битвы все же решали простые мечи. Их пока что было куда больше у врагов Аквилонии.

Конан без устали пришпоривал покрытого вражеской кровью жеребца. Враги для него перестали существовать; точно заведенный, киммериец отбивал рушившиеся на него со всех сторон удары, отвечал собственными смертоносными атаками - однако все это время видел лишь крохотную скрюченную фигурку там, в глубине поля, за самыми дальними шеренгами врагов. Он знал, что это Зертрикс. Чья-то магия помогала Конану в те мгновения - быть может, это действовала Гуаньлинь.

Горбун не пытался бежать. Он спокойно ждал приближения неистовой кавалькады, держа в опущенной руке обнаженный меч, широкий и короткий. Острье клинка смотрело в землю.

Мельтешение вражеских мечей внезапно кончилось. Конан и сам не заметил, как они пробили толщу воинов вторгшейся армады; на небольшом холме в одиночестве стоял горбун.

Конан дико гикнул и погнал коня во весь опор. Он понимал, что Зертрикс - страшный противник, и его нельзя недооценивать; ярость уступила место холодному расчету, опьянение боем внезапно исчезло - и киммериец соскочил с коня именно в тот момент, как горбун вытянул вперед левую руку и прищелкнул пальцами, после чего под копытами жеребца тотчас же разверзлась земля и скакун со всего размаха полетел куда-то в открывшиеся бездонные пропасти...

Чтобы отразить выпад Конана, Зертриксу пришлось пустить в дело пренебрежительно опущенный было меч. Удар был страшен, серый клинок киммерийца сломался, Зертрикс направил острье прямо в живот Конана, однако сила взмаха киммерийца была такова, что

обломок меча в его руке, продолжая движение, ударил зазубренным краем прямо в горло горбuna.

Зертрикс захрипел, глаза его дико выпучились, из зияющей раны, шипя и пузырясь, заструилась иссиня-черная кровь. Не утратившие, однако, силу, его руки стиснули было Конана, но в тот же миг на голову Зертрикса рухнул боевой топор посланца Крома. От подобного удара вдребезги разлетелся бы любой шлем, однако железная шапка горбuna выдержала: правда, хватка его на мгновение ослабла.

Именно этим коротким мгновением и воспользовалась подскочившая следующей Белит. С неженской силой она оторвала обмякшее тело горбuna от продолжавшего кромсать ему горло Конана; толчок - и уродливая фигура, кувыркаясь и нелепо распялив руки, полетела вниз, в самим же Зертриксом открытые неведомые бездны. Зеленые губы земли с глухим чмоканьем сомкнулись, поглотив добычу.

И в то же мгновение угас огненный плащ за плечами киммерийца. Все существо его пронзила страшная боль; с хриплым стоном Конан упал на колени. Обретенные на краткий миг силы не были даровыми подарком.

Однако в тот миг, когда земные пучины поглотили тело Зертрикса, конечно же, не убитого, а лишь на время отброшенного - ряды противников Аквилонии дрогнули и лишились своего бесноватого мужества. Они вновь стали обыкновенными офицерами, шемитами, кофитянами, точно так же боящимися смерти, как и прочие народы. Их атаки по-прежнему разбивались о несокрушимый строй аквилонской пехоты, и прежняя сила натиска исчезла.

Однако трубить победу было еще рано. Враг по-прежнему многократно превосходил численностью войско Конна; а вдобавок на широкой глади Тайбора появились черные паруса стигийских галер.

- Конан! Конан, вставай! - несмотря на всю силу, посланцу Крома далеко не сразу удалось оторвать от земли неподъемное тело киммерийца. - Похоже, шемиты разобрались первыми. Скачем, иначе сейчас обратимся в дикобразов!

Горбоносые смуглокожие лучники на скаку послали первые стрелы. Одна отлетела от плечевой пластины доспеха Конана.

Все семеро были обессилены и чувствовали себя совершенно разбитыми. И речи не могло быть о том, чтобы повторить безумный прорыв через все ряды вражеского войска. Конан повел кавалькаду прочь, рассчитывая обогнуть смертное поле и вновь вернуться к своим.

Трудно сказать, какое черное чародейство помогло в тот миг стигийцам заметить бывшего короля и его шестерых спутников. На головной галере что-то злобно и торжествующе завопили, и к стрелам шемитов прибавились стигийские. Галера мощно выгребала против течения; тяжело нагруженная лошадь, несшая Конана и посланца Крома, не могла опередить корабли.

Киммериец оглянулся, на миг ему показалось, что за тонкими мачтами галер виднеются еще какие-то, против обыкновения речных капитанов одетые парусами, однако картину тут же скрыл изгиб берега.

Киммерийца и его спутников окружали со всех сторон. На реке - стигийцы, со стороны холмов - всадники - шемиты. Горбоносые воины ухитрились отыскать где-то лазейку и теперь грозили вот-вот перекрыть отряду Конана последний путь отступления.

К киммерийцу мало-помалу возвращались силы. Посланец Крома сунул ему в ладонь

шершавую рукоять длинного и широкого кинжала, почти меча: возле крестовины клинок имел толщину в палец.

Если бы у спутников Конана были свежие лошади, они, верно, смогли бы оторваться от погони; но животные, похоже, отдали во время безумной скачки сквозь вражеские ряды не меньше сил, чем их наездники. Покрытые пеной, животные спотыкались все чаще и чаще. Шемиты и стигийцы настигали.

Откуда-то спереди, из сплетения ветвей на склоне лесистого холма, свистнула первая вражеская стрела. Дальнейший путь был отрезан.

Белит первой спрыгнула на землю, потрясая окровавленным клинком. Глаза ее горели черным огнем; сейчас она казалась воплощением Смерти.

- Сюда! За камни! - вскричала она, указывая на неширокое кольцо замшелых гранитных глыб, поставленных стоймя неведомой великанской рукой. Расположенное достаточно далеко от того леса, где уже засели шемиты, это место могло послужить временным убежищем.

Конан не успел возразить - из чащи навстречу им полетели уже не единичные стрелы, а целые десятки коротко свистящих чернооперенных колючих меток Смерти. Прорыв сквозь вражеские ряды стал невозможен, и киммерийцу поневоле пришлось повернуть вместе с остальными к кольцу каменных глыб.

Стигийская галера резко уперлась веслами в воду; с носа и кормы полуголые рабы-якорщики спихнули вниз громадные камни, остановив бег мрачного корабля. К левому борту галеры сбегались лучники и пращники и, судя по всему, с судна уже готовились спустить шлюпки. То же самое происходило и на остальных четырех стигийских кораблях, далеко опередивших основные силы своего флота.

- Будет жарко, - невозмутимо заметил посланец Крома, лишний раз проверяя, крепко ли насыжена его боевая секира.

Семеро едва успели укрыться, как по камням звякнули первые стрелы. Положение Конана и его спутниковказалось безнадежным - они одни против самого меньшего тысячи противников...

- Пока мы живы - будем жить! - хрюкло вытолкнул из пересохшего горла киммериец и, привалившись к камню, стал наблюдать за неспешной высадкой стигийцев.

- Они дрогнули, мой повелитель! - уже третий гонец приносит это известие к чернозолотому штандарту Аквилонии. Натиск повсеместно слабел однако измученное долгим сражением войско Конана не могло перейти в общую атаку. Свежих отрядов почти не осталось - одни лишь Черные Драконы, последний резерв на случай самой последней крайности.

- Разумнее всего попытаться выйти из боя, мой повелитель, - шепотом предложил Просперо. - Оставим им поле, пусть тешатся призраком победы, а наутро уже ударим по настоящему. Люди очень измучены, а одной гвардии для полной победы не хватит...

Слова старого, мудрого и в меру осторожного полководца почти убедили Конна; в душе осталось лишь смутно-саднящее сомнение - ударив раз, нужно ударить еще раз; за ночь отдохнут не только его воины, но и бойцы врагов... хотя Просперо, наверное, прав - отдохнувший аквилонец стоит пяти воинов из иных земель...

И тут молодой король заметил подходящий стигийский флот. С узких и длинных чернозеленых галер на берег уже устремился поток низкорослых бритоголовых лучников. А дальше виднелись и другие корабли, не галеры, парусники...

- Пр-проклятье! - сжал зубы Конн, видя, как стигийские лучники деловито засыпали стрелами правый край аквилонской армии, как под колючим ливнем дрогнули и смешались истомленные нескончаемым боем полки первой линии...

- Гонзальвио, подмогу на правый фланг! - коротко приказал молодой король - и невольно вздрогнул при виде того, что его старый товарищ по детским играм со внезапно посуревшим лицом сдвинул вниз забрало.

- Резервов больше нет, мой повелитель, - голос доносился чуть глуховато из-под стальной маски. - Остались только Черные Драконы...

Конн сжал кулаки и вновь повернулся взглянуть на сражение. В его правом крыле разброд все усиливался, воспрявшие духом офицеры пошли в атаку. Усталые аквилонцы подались назад, оголяя правый бок полков центра...

Положение становилось тяжелее и опаснее с каждой минутой.

Засевшие на склоне поросшего лесом холма шемиты очень быстро смекнули, что они лишь даром тратят стрелы, посылая их в укрывшиеся отряд Конана камни. Окружающих подвела самоуверенность - они не стали ждать, пока неистовая семерка сдастся сама. Под прикрытием многочисленных стрелков шемиты и стигийцы двинулись к каменному кольцу. Стоило киммерийцу чуть высунуться в промежуток между красноватыми глыбами, как о его кольчугу сломались две или три вражеские стрелы.

Стигийцы добрались первыми.

В каменном кольце стояло ровно девять глыб, и между ними насчитывалось, естественно, ровно девять промежутков. На долю каждой из воительниц досталось по одному, Конан и посланец Крома защищали по два.

Прямо перед киммерийцем мелькнул большой деревянный щит, для прочности обитый буйволовой кожей. Прежде, чем скалящий мелкие зубы в злобной лисьей усмешке стигиец успел протиснуться внутрь каменного кольца, киммериец с яростным ревом нанес ему кинжалом такой удар, что насквозь пронзил и щит, и державшую щит руку; острие кинжала дошло до сердца стигийского воина.

После киммерийца первого своего врага уложил и посланец Крома; обагрилась сабля Карелы; попробовали крови кинжалы Раины; Валерия коротким размахом поверх щита отправила в небытие еще одного из нападавших.

Тела первых убитых повалились на землю подле каменного кольца, однако драться приходилось осторожно, лучники врагов были начеку, и их стрелы могли найти свою цель в любое мгновение.

Теперь стигийские щиты появились одновременно в обоих защищаемых Конаном проемах. Первого свалил чудовищный пронзающий удар, каким киммериец уложил первого неприятеля, однако второй стигиец успел сунуться внутрь и, прежде чем упасть с пронзенным горлом, успел задеть Конана топориком по левому плечу.

Тем временем подоспели шемиты; голова самого быстрого из них раскололась, словно спелый орех под ударом секиры посланца Крома, однако его место тотчас же заняли трое других.

Дело оборачивалось скверно - в конце концов Конана и его спутников должна была попросту похоронить под собой нескончаемая лавина врагов. Киммериец сразил уже пятого противника, когда над полем боя внезапно разнесся такой знакомый и такой невозможный здесь голос:

- Клянусь персиями Иштар, мы вытащим тебя, капитан!

- Сигурд!!! - взревел Конан так, что у всех без исключения заложило уши.

Кольцо окружающих внезапно распалось. Вместо желтолицего стигийца или смуглого шемита в проеме появилась седая борода ванира.

Выскочив из каменного кольца, Конан увидел пиратский парусник, вцепившийся абордажными крючьями в борта стигийской галеры; на палубе уже кипел яростный рукопашный бой. Примерно сотня пиратов тесным строем прорвалась до каменного кольца; отбросив стигийцев и шемитов, они дали Конану возможность выбраться.

- Быстрее! - взревел Сигурд. - У меня там, выше на реке, несколько тысяч славных молодцов; они застоялись, и хорошо было бы, чтобы ты сам повел их в дело!

Конн уже готов был взмахнуть рукой, бросив Черных Драконов в последнюю атаку, когда внезапно заметил двинувшееся к тылам вторгшегося войска облако пыли.

"Что это? Еще кто-то им на подмогу? Кущиты? Зембабвейцы? Туранцы? Кто?!"

Над тесно сгрудившимися стигийскими кораблями ни с того ни с сего взметнулись языки огня. Аквилонские командиры недоуменно переглянулись однако в тот же момент Конн вскинул руку.

Грохочущая железная лента закованной в доспехи конницы устремилась вниз с холма; молодой король скакал, воздев меч, во главе своих лучших полков.

А навстречу ему во главе разношерстного, орущего во всю мочь легких строя барахских пиратов шагал Конан-киммериец, и от каждого взмаха его меча, подобранныго в пылу схватки, падал человек. Сигурд сперва держался рядом, однако затем хаос сражения разделил их. Конан, посланец Крома, пятеро воительниц во главе целой толпы воинов Красного Братства врезались в тылы кофитян; а в тот же миг навстречу им во вражеский строй врубились Черные Драконы.

Колоссальная масса вражеских воинов дрогнула, заколебалась, словно гонимая ветром туча. Стигийцы разом лишились всякого интереса к сражению, стоило им заметить пожар на своих драгоценных галерах. Лишившиеся внушенного Неведомыми мужества, жители Кофа, шемиты, стигийцы, и прочие дрогнули под этим внезапным натиском; строй врагов раскололся надвое, в самом его центре возник широкий разрыв, куда и устремились все, без остатка, воины Аквилонии, брошенные в общую решительную атаку опытным Просперо, мгновенно ощутившем, что появилась редкая возможность вырвать победу.

На баходцев обрушился крутящийся живыми водоворотами поток бегущих вражеских воинов. И, как всегда бывает в таких случаях, беглецы втемяшили себе в голову, что окружены - вокруг отряда пиратов вспенила кровь жестокая сеча.

Просперо бросил конные отряды аквилонцев в широкий обход - однако даже быстроногие скакуны не могли потягаться с удиравшими к Тайборе вражескими воинами. В самой середине поля, словно утес посреди обезумевших человеческих волн, стояли пираты и благодаря им всадники Просперо вкупе с Черными Драконами сумели отрезать от реки и окружить почти половину вражеского войска. А после того, как над мечущимися вражескими рядами пронесся истошный вопль "окружают!", на землю полетело бросаемое в знак сдачи оружие...

Так закончилась великая Шамарская битва, в которой был сломлен хребет небывалому вторжению; горожане Шамара приветствовали победителей, устилая путь своего короля цветами.

Конан, усмехаясь в бороду, ехал подле Сигурда. Поседевший ванир получил несколько ран, однако и слышать не хотел о том, чтобы остаться в постели.

- ...Когда я прознал о том, что ты вернулся - а мы только-только достигли наших островов - я сразу же поднял всех, кого мог, и решил отыскать тебя. Золото из того храма могло убедить кого угодно; и дня не прошло, как я завербовал целый флот. Потом пришли вести о начавшемся вторжении; кое-кто заколебался и пришлось отрубить им головы - в поединке, разумеется. Мы заметили стигийцев, однако они проскользнули у нас под самым носом и начали подниматься по Хороту. Мы двинулись следом. Они казались настолько беспечными, что не обращали на нас никакого внимания, но гребли как безумные. Даже на всех парусах мы не могли настичь их...

А когда я увидел, что делается на поле и какая сила собралась против Аквилонии, то, признаться, решил было, что нам уже никогда не совладать с ней. Но тут я сказал себе - ты что, ты же как-то взял в поединке верх над самим Конаном Великим! Разве можно было мне после этого отступать? Ну, мы и не отступили.

Ванир гордо подбоченился и потому не заметил проскочившую в глазах киммерийца веселую искорку.

"Не стану его разочаровывать и говорить, что на самом-то деле я ему тогда поддался, - подумал Конан. - Я хотел подбодрить Старого Моржа... и, по-моему, это у меня получилось не плохо".

Усилием воли он заставил себя не замечать больных от тревоги взоров своих спутниц. Ему было все равно, что сделается с ним. Его сын одержал свою первую победу и Конан радовался ей больше, чем целой сотне своих собственных.

Глава 10.

КАРУСЕЛЬ БОГОВ

Нет нужды описывать триумфальное шествие Конана и Конна по стране после победоносной Шамарской Битвы. Весть о грандиозном разгроме вторгшейся армады, о победе молодого короля над поднятыми из могил мертвнецами передавалась из уст в уста, облетев Аквилонию за считанные дни. Отборные полки были переброшены на западные и юго-западные рубежи. Пикты бежали после того, как Конан во Втором Велитреумском Сражении вновь показал свою мощь и ярость. Тем временем Конн успешно справился с зингарцами; и, хотя война еще тлела, еще взывали к отмщению немедийцы, стигийцы и шемиты, всем стало ясно, что Аквилония выстояла.

И повсюду, серыми тенями нависшей угрозы, за Конаном следовало шесть молчаливых фигур. Пятеро воительниц даже перестали ссориться; они почти ничего не ели, так что Конан даже опасался за их рассудок. Их взорам были открыты такие глубины кары, что это зрелище совсем вытеснило простые человеческие чувства...

В лагерь армии Конана, что стояла подле Велитреума, примчался запыленный гонец. Король Конн просил своего отца срочно вернуться в Тарантию по спешному и тайному делу, тайному настолько, что, как писал сын Конана, "я не дерзаю доверить этот предмет пергаменту".

Киммериец перечел короткую грамоту несколько раз, затем вопросительно поднял глаза на гонца.

- Его величество ничего не просили передать на словах?

- Никак нет, - отрапортовал посланец, рослый молодец из числа Черных Драконов. - Велено было лишь передать, что дело очень спешное и срочное.

Гонец ушел; Конан бросил вопросительный взгляд на посланца Крома, однако тот лишь пожал плечами.

- Я ничего не могу сказать. После того, как мы сбросили Зертрикса в пропасть, я полагал, что ко мне вернутся все мои прежние силы... однако этого не произошло. Я по-прежнему не могу возвратить к нашему Повелителю.

- Ну, тогда поедем, - проворчал киммериец, поднимаясь. - Армию я оставлю на Гонзальвио... Эй, подруги! Вставайте! Что-то вы совсем загрустили...

- Возмездие близится, Конан, - посеревшими губами произнесла Белит, глядя в одну точку. - Неведомые крепко разгневаны, я чувствую их ярость... Они выждают, они хотят отомстить - но так, чтобы содрогнулись бы все преисподние!

Киммериец дернул щекой и ничего не ответил. Дорога их небольшой кавалькады до Тарантии прошла без всяких происшествий.

- Надо сказать, что молчание наших подружек пугает меня куда больше, чем все их беспрерывные ссоры, - признался как-то киммериец посланцу Крома. - Они словно овцы перед закланием - а достаточно знать, ну, хотя бы Карелу, чтобы очень сильно испугаться - до такого ее довести куда как трудно...

- Неведомые и впрямь гневаются, - одними губами, еле слышным шепотом ответил посланец Отца Киммерии. - И, Конан, тебе пора что-то решать. Я тебя не оставлю - но что я

могу один?!

- На что ты намекаешь - что я и впрямь должен свергнуть своего собственного сына? - нахмурился киммериец.

- Я ничего не говорю. Надо мной Неведомые, хочется верить, не властны...

Конан мрачно усмехнулся, и отряд продолжил путь.

Тарантия встретила их небывалыми торжествами. Все мостовые на пути были выстланы самыми лучшими турецкими и венецианскими коврами; народ густо запрудил улицы, даже самая последняя лачуга украсилась цветочной гирляндой, а уж дома побогаче - те просто напоминали райские кущи.

Под нескончаемые приветственные возгласы небольшой отряд Конана продвигался к королевскому дворцу; наконец взорам киммерийца предстало это величественное здание, тотчас пробудившее целый сонм воспоминаний. Зенобия... Счастливые дни, когда страна отдыхала от войн и разорений под его, Конана, властью...

На широких ступенях пологой парадной лестницы, ведущей к застекленным дверям громадного Зала Входящих, собрался цвет придворной знати. Конан видел и Просперо, и прочих вернейших своих сподвижников, собравшихся в столицу после одержания побед; видел облачившееся в торжественные ризы жречество - и не видел только одного человека - самого Конна.

- Кром! Что-то я ничего не понимаю... - пробормотал киммериец, спешиваясь и швыряя поводья конюхам.

- Все сословия благородной Тарантии просят Конана Великого проследовать в тронный зал, - торжественно провозгласил, подаввшись вперед, Просперо.

- Старина, что тут за представления и где, во имя Митры, сам Конн? Он что, перебрал вина на вчерашнем празднестве и теперь мается головной болью? - Конан попытался обратить все происходящее в шутку, хотя сердце его уже ощущало тревогу.

- Твой сын, государь, ожидает тебя в Тронном Зале, - почтительно ответил Просперо и, кланяясь, отступил в сторону, приглашая Конана пройти.

Недоумевая, киммериец подчинился. Посланец Крома и пятеро воительниц шагали за ним следом.

Знакомые коридоры, знакомые лестницы и повороты; всюду - стража в парадных доспехах; Черные Драконы провожали своего бывшего повелителя откровенно-восхищенными взорами.

Вот и последняя галерея, за ней Большая Приемная; дюжие стражники в иссиня-черных латах распахнули двери - и Конан увидел знакомый, ни в чем не изменившийся Тронный Зал - с пустующим королевским сидением под пышным черно-золотым балдахином. На богато расшифрованных самоцветами подушках перед троном лежали корона и скипетр.

- Что произошло с Конном! ? - помертвев, рявкнул Конан прямо в лицо следовавшего за ним Просперо.

- С ним все в порядке, - твердо глядя прямо в глаза своему бывшему королю, ответил старый товарищ Конана, и киммериец невольно смущился - они что, посходили тут все с ума?..

Он завертел головой, пытаясь понять, что же происходит, и отыскивая взглядом Конна. Киммериец не заметил, как Просперо подал знак двум рослым гвардейцам, стоявшим по обе стороны трона. Воины ловко подхватили лежавшие подушки с драгоценными знаками царского достоинства. Из-за спины Просперо появился Дексиес и прежде, чем Конан успел

понять что-либо в происшедшем, его головы коснулся золотой ободок короны, а правая рука стиснула отполированное черное дерево скипетра.

- Да благословит Митра правление твое, о Конан Великий! - услыхал ошеломленный киммериец голос верховного жреца, а в следующее мгновение тысячеголосый хор со всех сторон грянул:

- Да здравствует король! Да здравствует король! Да здравствует король!

В тронный Зал со всех сторон ворвалась нарядная толпа придворных; тут был цвет тарантийской знати и аквилонских баронов.

- Где мой сын?! - перекрывая своим львиным рыком все и вся, взревел Конан.

- Я тут, отец мой! Я здесь, ваше величество! - Ряды людей раздвинулись, и взорам Конана предстал сам Конн.

Его руки оказались скованы короткой железной цепью; по сторонам стояло четверо стражников.

- Они захотели видеть своим королем тебя, отец мой, - печально глядя в пол, промолвил Конн. - Я попытался вразумить их... однако вот угодил в железо.

- Погоди гневаться, о великий! - поднял руку Дексиес, видя закипающий в глазах Конана багровый огонь безумия. - Ты вернулся из-за пределов Тьмы, вернулся в час остройшей нужды, благодаря тебе наши враги поражены и рассеяны, и вдобавок тебе возвращена молодость милостью всемогущих Богов. Все знамения явны и отчетливы. Так что не гневайся, о великий!

- Так значит, условие Неведомых выполнено?... - вдруг услыхал Конан потрясенный шепот Белит.

- Да, ведомо нам, что мы противостояли твоей воле, Великий, - продолжал тем временем Дексиес, видя, что пламя ярости в глазах Конана несколько пригасло. - Ведомо нам, что видел ты своего старшего сына владыкой Аквилонии - и так будет, клянемся тебе в этом - когда придет его час. Когда настанет твой черед, о Великий, покинуть сей мир - тогда принц Конн воссядет на твоем высоком престоле и мы будем служить ему так же преданно, как служили и тебе...

- Но вы изменили своему королю, королю, которому вы присягали? - с глухой яростью бросил Конан прямо в лицо жреца.

- Отец... - попытался вмешаться Конн.

- Священных прав тарантийских сословий никто не отменял, - возразил Верховный Жрец Конану. - Мы можем покорно просить короля отречься от трона в пользу кого-то из его ближайших родственников. Ради блага страны принц Конн - да благословит Небо его благоразумие! - отрекся от престола в пользу ближайшего своего родича - тебя, о мой король! Великая Тарантийская Хартия соблюдена полностью. Мы не предатели!..

- Однако вы заковали его! - Конан кивнул на железные наручники Конна.

- Таково одно из положений Тарантийской Хартии, - почтительно пояснил жрец. - Цепи - лишь символ. Ты принял знаки королевского достоинства, о Великий, и теперь принц может вновь быть освобожден, а мы, как и прежде, становимся его верными слугами. Подскочивший слуга тотчас же отомкнул замок на кандалах Конна.

- Пора произнести Королевскую Клятву, - с мягкой настойчивостью напомнил киммерийцу Дексиес.

- Проклятье! - взревел Конан. - Никто и никогда не смог заставить меня делать что-то, чего я не хотел! Я не жел...

"Это же твой - и единственный шанс! - холодным ветром ворвался в сознание неслышимый для прочих голос посланца Крома. - Прими корону!! Прими, глупец!!"

- Я принимаю ваш дар, - медленно произнес киммериец, глядя прямо в глаза Конну - и с удивлением заметил проскочившую в них при этих его словах веселую, почти торжествующую искорку.

И в тот же миг на Тронный Зал пала великая Тьма.

Взвыл остро и тонко ветер в затенившихся окнах; угасли факелы и светильники; весь дворец тяжко и с надрывом заскрипел, словно собрался вот-вот развалиться. Полы и стены корчила жестокая судорога.

Раздались испуганные женские крики; мужчины же, все, кто сейчас находился в зале, дружно схватились за оружие.

А спустя еще одно короткое мгновение на широком мраморном подоконнике появилась, словно сотканная вся из призрачного пламени, фигура горбuna, и по замершей зале пронесся полный холодного злорадства голос:

- Да, ты выполнил свое обязательство, Конан-киммериец. Пусть формально, но ты исполнил волю Неведомых.

Слова тяжелыми глыбами падали в тишине обмершего зала. Никто не смел шелохнуться - такова была истекающая от появившейся фигуры злая воля, недобрая, равнодушная мощь, пекущаяся лишь о своих собственных удовольствиях и прихотях.

Перед глазами Конана взвихился многоцветный водоворот, и вновь, как и в почти уже полностью позабытом сне, он увидел две колоссальные нечеловеческие фигуры, склонившиеся над жемчужно-серым диском, над удивительным игровым полем, где фигурами служили смертные и бессмертные: простые люди и могучие небожители, а полем - все Сущее. Глубокие, странные, пронзающие взгляды опалили сознание Конана, впились раскаленными стрелами в его зрачки... Чужая мощь рвала и ломала гранит его души и, сопротивляясь, что было сил, Конан услыхал голос, глубокий, сильный и холодный, как сам Океан смерти, принимающий, по верованиям ваниров, всех недостойных сверкающих залов Валгаллы.

- Боги не отступают от раз изреченного. Да получит именующийся Конаном-киммерийцем алкаемое оным бессмертие. Да обретет он в новой жизни тех самых женщин, кои сопровождали его в сем странствии. Да будет так, по слову Нашему!!!

Тьма сменилась яростными потоками раскаленного света. Ослепительное белое свечение затопило взоры Конана, он ничего не видел; горбун куда-то исчез, совсем рядом слышались полные страшной муки и невыразимого ужаса вопли Белит и остальных, хриплый, исполненный боли стон посланца Крома - и внезапно через весь этот хаос пробился чистый и ясный голосок Гуаньлинь, звенящий, словно весенний ручеек, полный хрустальных льдинок:

- Держись, Конан, я постараюсь сделать все, что могу!..

Струи слепящего света обрушивались на Конана со всех сторон, исчезло все, что окружало его, умерли голоса, его тело сжимали немилосердные ручищи невидимых великанов, мяли, выкручивали руки, ломали суставы, изгибая, норовили сломать позвоночник... Конан захрипел, пытаясь вырвать, отмахнуться мечом - все напрасно. Стиснувшие его силы многократно превосходили его мощью. Задыхающийся, изломанный болью, Конан мог лишь пытаться не потерять сознания, хотя, быть может, это и было бы спасением от мучений.

Обрушившиеся на него потоки стали мало-помалу менять цвет. Они темнели, уплотнялись, приобретая странный кроваво-багровый оттенок. Страшная тяжесть обрушилась на плечи; несмотря на всю крепость мышц, киммериец принужден был упасть сперва на одно колено, а затем на другое. Его продолжало сгибать; вскоре пришлось прижать к груди руки, затем - нагнуть, насколько возможно, голову...

Теперь его окружала мерно пульсирующая багровая мгла. Что-то глухо и тяжело билось где-то наверху, и ритм этих биений показался киммерийцу чем-то странно знакомым, успокаивающим, символом последней надежды, последней защиты...

А потом пришла боль. Упругие стены вновь стиснули его, и жестокие канаты незримых сил потащили куда-то вперед, навстречу чему-то поистине ужасному.

Он попытался бороться... бесполезно; и кто же это так стонет где-то совсем рядом?..

Его извернуло, и теперь он словно бы скользил куда-то вниз по узкому, упругому тоннелю. Что-то теплое и липкое - кровь? - струилось по телу; непонятно, откуда она могла взяться - он ведь не получил ни одной раны?..

И стоны, эти рвущие душу стоны, почему они так волнуют его, слышавшего за долгую жизнь столько предсмертных воплей? Багровая тьма тем временем сменяется ярким светом, и тут тела его касается чья-то гигантская шершавая ладонь; а слуха потрясенного киммерийца внезапно достигает:

- У тебя родился воин, Моев.

Острое удушье; в попытках вдохнуть Конан напряг горло... и внезапно лишился сознания, успев лишь услышать напоследок злой крик новорожденного младенца.

Он спал? Было ли это настояще забытье? Конану казалось, что он спит; и он пробудился от раздавшихся подле него голосов. Говорили мужчина и женщина, голоса их вновь показались Конану на удивление знакомыми.

- Он такой бутуз!.. - нежно, с материнской теплотой, говорила женщина. - Ни секундочки не полежит спокойно, вертится, дергается - словно ему самое меньшее месяц. А ест как! Тянет из меня все, аж больно...

- Я не сомневался, что это будет настоящий богатырь, мой Моев, - с ласковой гордостью произнес мужчина. - У него голубые глаза, как и у тебя... - говоривший коротко рассмеялся. - Я хочу, чтобы его называли Конаном; это хорошее имя для мужчины.

- Как пожелаешь, - отозвалась женщина. - Он твой сын, и тебе решать, как его назвать.

- Ладно! - что-то скрипнуло, как будто говоривший мужчина поднялся со старого лежака. - Мне пора в кузню. До вечера! Я постараюсь не задержаться.

Киммериец медленно открыл глаза. Над ним нависал закопченый потолок из кое-как пригнанных друг к другу брусьев, где тесно висели на вбитых крюках какие-то шкуры и домашняя утварь. А потом над ним наклонилось молодое женское лицо, и Конан с ужасом, запустившим свои раскаленные когти в самую глубь его существа, узнал собственную мать.

Только теперь он обратил внимание на то, что тело спеленат по рукам и ногам, тело не повиновалось ему - тело новорожденного младенца.

Конан закричал - как кричит смертельно раненный, окруженный загонщиками зверь, однако из его горла вырвался лишь плач.

Только теперь он понял, что значили слова про "Карусель Богов". Точнее, он понял это, не проделав ряд умозаключений, а словно заглянув в некую незримую книгу. Боги выполнили свое обещание. Он начал жить снова - в теле Конана-младенца. Этот младенец станет расти, мужать, а он, прошедший все, проживший долгую жизнь Конан-старик, станет лишь

сторонним наблюдателем. Тело не будет повиноваться ему; и молодому Конану предстоит проделать долгий путь, вновь сразиться в бесчисленных схватках, чтобы под конец жизни отправиться в рискованное путешествие на закат - чтобы в конце концов угодить в тюрьму из собственной плоти. Он обречен был, по мысли Неведомых, вечно крутиться в этом колесе, лишенный возможности даже покончить с собой...

Обе стороны формально выполнили условия сделки.

Конечно, надежда все равно оставалась. Быть может - утешал себя киммериец, - все еще не так плохо, а горькие мысли мне внушают сами Неведомые... Быть может, мне удастся подчинить себе это тело... И тогда все пойдет по-иному.

Однако последующие дни показали, что в этих своих надеждах Конан жестоко ошибся. Младенец вел себя, как и положено младенцу; киммериец никак не мог заставить свое новое тело повиноваться себе. Шли дни, они слагались в недели, а все оставалось по-прежнему.

И все-таки, до предела сжав волю в кулак, Конан заставил себя не поддаваться отчаянию. Его жестко терзали мысли о том, что же случилось с его былыми подругами. Неужели эти проклятые Неведомые отправили-таки их служить утехой похотливым демонам?!

Однако киммериец мог терзать себя этими вопросами сколько угодно сделать он все равно ничего не мог. Он оказался в самой надежной, самой совершенной из всех тюрем, куда его только забрасывала судьба.

Вскоре надежда почти пропала.

Конан-младенец рос, как и положено любому младенцу киммерийского племени. Его более слабые собратья умирали, не выдерживая сурового климата и подстерегавших на каждом шагу болезней, однако сын кузнеца никогда и ничем не болел. Теперь уже даже с некоторым интересом Конан ожидал, когда же вновь произойдут те события, что сохранились навсегда в его памяти.

Однако, когда младенцу исполнилось полгода, Конан во сне неожиданно увидел Гуаньлинь.

Взор киммерийца вновь скользил по дивным красотам Розового Дворца. Гуаньлинь, прямая и напряженная, словно тетива лука, стояла над своим бассейном, стиснув руки перед грудью. Взоры ее были направлены на мерцающую водную гладь; и в этом удивительном зеркале Конан, к своему полнейшему изумлению, узрел отвратительную физиономию Смерти.

Старуха была в ярости. Запомнившиеся киммерийцу красные глаза полыхали безумным огнем - казалось, от него сейчас задымятся и вспыхнут морщинистые веки. Тонкогубый провалившийся рот судорожно дергался, во все стороны летела слюна.

- Ты скажешь, ты скажешь мне, где они прячут его! - услыхал киммериец донесшийся из-под поверхности воды неистовый вопль Старухи.

- Зачем это тебе, мать? - последовал холодновато-невозмутимый ответ Гуаньлинь. - Разве мало тебе, что ты получила обратно своих "кукол", да еще и посланца Крома в придачу?! Теперь тебе нужен еще и Конан?

- Нужен! Нужен! Нужен больше всего на свете! - раздалось хриплое каркание. - Скажи мне, где они его спрятали! Ты знаешь, ты не можешь не знать этого!

Киммериец не удивился, что понимает все без исключения слова, хотя в царстве Старухи не разобрал ни единого. Наверное, так и положено во сне...

- И что же ты хочешь с ним сделать? - осведомилась Гуаньлинь.

- Как что? - неподдельно удивилась Старуха. - Загоню в самую глубокую из моих Преисподних - тут-то сынки возрадуются!

- И ты хочешь, чтобы я ответила тебе?

- И ты ответишь - потому что я мать тебе! Я, Хозяйка Смерти - я дала жизнь тебе, кого смертные порой именуют Любовью! А если ты откажешься - я ведь могу и освободить этого отвратительного горбuna! Знала бы ты, насколько он надоел мне...

- Хорошо, - холodeя, услышал Конан ответ Гуаньлинь. - Если ты не побоишься схватиться с Неведомыми... Тогда слушай! Его душа ныне... - и на этом видение внезапно пресеклось.

Конан очнулся - где-то в темном углу сознания невинного младенца, которому еще предстояло стать им, Конаном...

А потом ночь вокруг него внезапно ожила.

Первыми заворчали и залаяли собаки, чуя неладное. Потом истощно замычала и заблеяла скотина в хлевах. Младенец-Конан продолжал сладко спать, однако настоящий Конан встревожился не на шутку. Глаза ребенка были плотно закрыты, киммериец ничего не видел - однако его внутреннему взору предстала поистине жуткая картина.

Он словно бы парил над кучкой хижин, где обитали его сородичи. Все оставалось на своих местах, однако повсюду, прямо из воздуха, возникали уродливые темные фигуры, жалкие подобия людей; Конану они показались смахивающими скорее на серых обезьян. Сама Ночь расступалась, давая им дорогу; не прошло и нескольких мгновений, как дом отца Конана оказался окружен со всех сторон.

Однако появившиеся из тьмыочные призраки служили лишь почетным караулом для той, чье появление они предвосхищали. Прямо посреди деревенской улицы возникла соткавшаяся из мрака арка - и через нее торжественно прошествовала серая, скрюченная, опирающаяся на клюку фигура старухи.

Гуаньлинь выдала его... Киммерийца затопила волна горячего презрения, оттеснившая куда-то в глубь все остальные чувства, включая и страх. О, женщины! Даже будучи богинями, они все равно остаются женщинами, и готовы на все, лишь бы избавиться от постылого ухажера...

Киммериец приготовился. Для него шаги Старухи гремели так, словно мимо маршировал целый закованный в железо легион. Младенец по-прежнему сладко спал - однако Конан-старший ясно видел внутренности их дома, видел, как прямо подле колыбели из ничего возникла Старуха. Горящие глаза вперились в лежащего младенца, впалый рот задвигался и сознания Конана достигли исполненные злобы слова:

- Наконец-то я добралась до тебя! Ты, вор, пытался украсть то, что принадлежало мне и никому иному; и, клянусь Вечной Ночью, ты дорого заплатишь мне за это!

Киммериец промолчал. Мысленно он уже простился с белым светом; что ж, никто не минет смертного часа - так уж лучше так, чем кружиться в бесконечно повторяющейся карусели одних и тех же дней...

Старуха нелепо-патетическим жестом воздела руки, высоко подняв свою клюку; по серому посоху медленно заструился мерцающий поток бледновато-синих искр. А затем клюка наклонилась... и настоящий, старый Конан беззвучно закричал от пронзившей всего его странной, тянувшей боли - как будто его разрывали на части.

- Твое настоящее тело у меня, голубок, - злорадно приговаривала Старуха, совершая какие-то пассы своим посохом. - Оно у меня, и я верну тебя в него... а потом мы славно

позабавимся...

Терпеть эту боль было невозможно; однако Конан оказался лишен даже возможности уйти в спасительное забытье. Он ощущал, как безжалостные, грубые когти тянут его куда-то вверх, прочь из служившего ему тюрьмой тела; однако тела собственного он по-прежнему не видел. Вокруг расползлись непроницаемые облака серой мглы, и от этого становилось еще страшнее. Конан по-прежнему не мог пошевелить ни рукой, ни ногой; могучая, крылатая Сила несла его куда-то сквозь неведомые бездны, сквозь пространства, где не было ни верха, ни низа. Царила мертвая тишина - и всеобщая недвижность.

Полет сквозь миры длился довольно долго, а потом облака серого тумана внезапно разошлись, в глаза брызнул безжалостный, слепящий свет с раскаленного неба. Конан инстинктивно зажмурился - и все его существо взорвалось приступом безумной радости - веки подчинились ему.

Он лежал на сухой обнаженной земле, в той же одежде, что была на нем, когда Неведомые нанесли свой удар в Тронном Зале Тарантии. Рука киммерийца стиснула рукоять меча; преодолевая боль и ломоту, он заставил себя подняться.

Это был знакомый мир Старухи-Смерти. Кругом, насколько хватало глаз, расстилалась унылая, безжизненная равнина; над головой нависал полыхающий яростным светом полог небес.

А на ближнем холме киммериец заметил торжествующе подбоченившуюся уродливую фигуру, опирающуюся на кривую и толстую клюку.

- Наконец-то ты мой! - раздался торжествующий хохот, более похожий на карканье старой вороны.

- Придется немного погодить, - вдруг твердо произнес густой тяжелый бас, донесшийся из-за спины Конана.

Киммериец стремительно обернулся - там стоял высоченный чернобородый и черноволосый мужчина, ростом почти на две головы выше самого Конана настоящий великан - сжимавший в правой руке иззубренную старую секиру на почерневшей, отполированной до блеска державшими ее ладонями рукояти. Появившийся был почти обнажен; лишь чресла его были обмотаны черной же набедренной повязкой. На мощном, исполненном скрытой силой лице выделялись удивительные ярко-синие глаза того же редкостного цвета, что и у самого Конана.

- А ты что здесь делаешь, ничтожный раб Великих Сил? - взвизгнула старуха, с угрозой вздымая свой посох. - Хочешь присоединиться к своему верному псу? Давай, у меня подбирается славная коллекция богов и их подручных.

- Ты ошиблась, Смерть, - пробасил пришелец. - Ты все рассчитала правильно, забыв лишь об одной мелочи. Душу Конана тебе отдала та, что зовется Любовью. И потому ты пока еще властна над Конаном не до конца. Он еще жив! Ты, сама того не желая, разбила сотворенную для него Неведомыми темницу - однако он еще не твой. Тебе еще предстоит отнять у него жизнь!

- Ну, за этим дело не станет, - огрызнулась Старуха, однако уже без прежней наглой уверенности.

- Вперед, сын мой, - негромко сказал великан, обращаясь к Конану. - Я, Кром, Отец Киммерии, благословляю тебя на этот последний бой. Расположение Светлых Сил да пребудет с тобой; иди и помни, что на одно колено перед Старухой упал даже сам великий Тор.

Несколько мгновений Конан и Кром смотрели в глаза друг другу... а потом киммериец повернулся и, обнажив меч, двинулся к вершине холма, на которой, словно изваяние, застыла серая фигура Смерти.

Конан шел, чувствуя за своей спиной всю Аквилонию, весь яростный и кровавый мир, в котором он прожил шестьдесят долгих лет, полных борьбы, приключений и побед. Точнее, он победил только один раз - когда сумел захватить аквилонский престол; до этого почти все его предприятия оканчивались поражениями - в лучшем случае ему удавалось спасти собственную жизнь, но не добыть богатство. Кто-то очень ловкий в последний момент выхватывал добычу у него из-под самого носа - словно специально старался, чтобы он, Конан-киммериец, подольше бы оставался нищим наемным солдатом в хайборийских королевствах...

Странные мысли и странные догадки словно сами собой возникали в сознании Конана; ему казалось, что он слышит нежный голос Гуаньлинь.

Старуха скривилась в торжествующей усмешке; ее посох поднялся, словно копье, конец его был нацелен в грудь киммерийцу.

"Освободись! - голос Гуаньлинь. - Освободись от всего! Одержи верх над самим собой!"

Сперва эти слова показались Конану полной бессмыслицей; однако спустя мгновение, подняв глаза, он увидел на холме вместо уродливой старухи самого себя.

Призрак, сменивший шкуру демона, или что там это могло быть еще - дерзко ухмыльнулся.

- Не так-то просто отделаться от Неведомых, - услыхал Конан свой собственный голос. Двойник поднял меч перед грудью - в излюбленную позицию самого Конана.

Еще мгновение - и мечи скрестились.

Конан очень быстро понял, что победить такого противника ему не под силу. Самые хитроумные выпады и обманные движения киммерийца с легкостью отражались его двойником; а вот удары лже-Конана отбивать с каждой секундой становилось все труднее и труднее.

Мир вокруг Конана странно менялся. Безжизненный пейзаж исчез; вместо него вокруг потянулись пещерные своды, у самых ног тускло поблескивала поверхность подземного озера, а рядом толпились странные низкорослые бородатые человечки. Двойник Конана внезапно исчез; бой прекратился, и только теперь киммериец с изумлением понял, что видит со стороны ту сцену в пещере гирканских гномов, когда он едва-едва не завладел всем огромным богатством этого племени... Да, все так и было - сейчас они с Сфандрай отправятся вместе с Алвари за лошадьми, а в это время... в это время гномы совершают что-то неописуемое, уйдут все вместе в иной мир вместе со всеми своими сокровищами...

Двойник Конана, девушка и гном Алвари отправились к выходу из пещеры, остальные гномы остались стоять; предводитель их дрожал от ярости и плевался - однако никто и не думал пока что колдовать, сдвигая священные камни гномьей сокровищницы. Гномы воздевали руки, скрежетали зубами, ругались, посыпали бесчисленные проклятия на голову Конана - однако ничего не делали.

Конан внутренне похолодел. Этого не могло быть... однако это было.

Сейчас, сейчас его двойник вернется с выючными лошадьми, набьет седельные сумки золотом и стоящими целое состояние самоцветами... и что же случится тогда?

"Одержи верх над самим собой!"

Таинственно мерцая, лежали аккуратно разложенные вокруг подземного озера камни;

почему же гномы бездействуют, порази их молния?!

И тогда Конан решился. Возьми верх над самим собой - не значит ли это, что ему следует действовать вместо растерявшегося гномьего предводителя?!

Незримая рука киммерийца потянулась к синему камню Харра, ключу ко всей магии гномов - и медленно начала сдвигать его. Он не думал о том, как именно следует расположить камни гномьей сокровищницы - киммериец действовал, повинуясь инстинкту. Так... теперь вот этот, багряный... потом вернуть вон тот серебристо-жемчужный...

Стены пещеры дрогнули и стали расплываться, словно между ними и Конаном внезапно появилась завеса плотного ливня. Пещера упльывала куда-то в неведомые бездны пространств и времени - знал Конан - уходил весь народ гномов. Сейчас ходивший с двойником Конана Алвари замрет в ужасе внезапного осознания того, что все, конец, его сородичи ушли и он остался один...

Двойник внезапно вновь появился перед киммерийцем; и грудь его пересекала широкая, невесть откуда взявшаяся рана.

Мечи противников вновь столкнулись; настоящий Конан с трудом устоял на ногах. Мир вокруг него вновь начал меняться; однако теперь Конан знал, что надо делать.

Потом был заброшенный город, где молодой Конан с гандерландцем по имени Нестор набрели на несметные сокровища. Конану пришлось сперва подтолкнуть парочку качающихся камней - после чего вниз обрушились целые лавины обломков, погребя под собой все золото; а затем пришлось шепнуть несколько слов капитану городской стражи...

Картины сменяли одна другую, и всякий раз Конан видел себя самого менялись города, страны, шрамы, крепости, сокровищницы... Конан вспоминал необъяснимую, загадочную цепь неудач, вырывавших из его рук в последний момент сказочную добычу... Только теперь он понял, что причиной всех этих неудач был он сам. Он безжалостно разрушал все с таким трудом созданные замыслы; ему казалось, что в эти мгновения он обрел мощь истинного бога.

Сколько лет безнадежных трудов, сколько горького, беспросветного отчаяния посыпал он сейчас сам себе! И с каждым поражением молодого Конана там, в реальном мире, на теле лже-Конана здесь, в странном месте вне времен и земель, появлялась новая рана; и все громче и громче становился доносившийся со всех сторон яростно-бессильный рев. Трудно было понять, из чьих он рвался глоток; однако настал момент, когда туман вокруг внезапно рассеялся; они со лже-Конаном стояли на вершине голого холма в мрачном царстве Старухи; и этот лже-Конан тяжело дышал, зажимая рукой длинную рану на груди. Плечи, руки, живот - все было обильно покрыто кровью. Он уже еле стоял на ногах, он шатался, ярко-синие глаза затягивала предсмертная поволока...

Оставалось нанести один-единственный, последний удар - убить самого себя.

И тут рука настоящего Конана впервые дрогнула. Вогнать три фута начищенной смертельной стали в грудь самому себе - было в этом нечто противоестественное, на что никак не могла решиться его натура варвара, доверявшего инстинктам куда больше, чем доводам рассудка.

Безумная схватка в безумном мире продолжалась. Конан лихорадочно вспоминал всю свою жизнь: где еще притаилось забытое поражение, когда еще приключался с ним нелепый и глупый случай, когда пустячная случайность вырывала из самых рук плоды вожделенной победы, чисто механически обмениваясь при этом со своим противником размашистыми ударами. Конан понимал, что должен победить как-то иначе; а вот лже-Конан явно

намеревался покончить дело тривиальным снесением головы врага...

"Возьми верх над самим собой!"

"Но разве тогда я не убью и что-то в самом себе?.. Быть может, озарила внезапная догадка, - я отрежу себе путь назад? Я, живой, настоящий Конан - сам закажу себе путь назад, в Аквилонию, к сыну?!"

Иного выхода нет - пришла внезапно холодная и спокойная мысль. Мосты сожжены. Жизнь Конана-киммерийца стала такой, какой она и была прожита. Все долги уплачены до восхода солнца. Корона в надежных руках старшего сына, Конану настало время уходить.

Кто знает, чья прихоть распорядилась так? Быть может, то была воля Неведомых, очередной ход кого-то из них в той вселенской шахматной партии, которой забавлялись бессмертные... Ответа не знает никто.

Меч в правой руке киммерийца стал вдруг легким-легким, точно птичье перо, сливаясь с рукой; он отбросил в сторону поднявшийся было для защиты меч врага и глубоко, до самой рукояти, погрузился в широкую грудь лже-Конана.

А в следующую секунду Конан увидел, что его меч пронзил не демона, не призрака - а саму хозяйку здешних мест, Старуху-Смерть собственной персоной.

Разумеется, он не мог убить ее. Убить - не мог; а вот удивить ее Конану удалось. Страшные кровавые глаза смотрели на него со странным, смешанным выражением, где читались и бессильная злоба, и непонятный страх и неподдельное изумление.

- Ты сделал, что должно! - прогремел над самым ухом торжествующий голос Отца Киммерии. - Я выиграл! - эти слова уже были обращены к медленно поднимавшейся на колени Старухе. - Я прозакладывал в сделке с Неведомыми самого себя, и я выиграл!

Ничего не понимая, остоубеневший Конан переводил взгляд то на поверженную Старуху, которая с надсадным кряхтением вытаскивала сейчас из груди его меч, то на торжествующего Крома.

- Не все так просто, мать, - из-за плеча великана внезапно выступила тоненькая фигурка Гуаньлинь. - Неведомые капризны. Зертрикс потерпел неудачу, а они не любят неудачников. И я умолила их... И они разыграли этот нелепый спектакль.

Старуха наконец вытащила из себя покрытый темной кровью меч Конана.

- В Великих Иерархиях есть не только пресыщенные своим бессмертием, равнодушные создания, не желающие ничего знать, кроме своих развлечений, продолжала невозмутимо Гуаньлинь, не обращая внимание на то, что Старуха уже начала мелко трястись от гнева.

- Ты вернешь киммерийцу его спутниц, - рыкнул Кром. - И отпустишь моего слугу; по твоей вине пошатнулось Великое Равновесие, и те, кто обитает там, - кивок головы указал на залитое белым огнем небом, - они не слишком-то довольны. Помни, могут найтись и иные желающие править царством мертвых...

Воздев тощие, костистые кулаки, Старуха внезапно испустила душераздирающий вопль, вопль бессильной ярости и злобы, вопль обманутых ожиданий... И странное видение Конана прервалось.

ЭПИЛОГ

Блистала трава под полной луной; вокруг разливалось пьянящее благоухание приморских джунглей. На самом берегу ночного океана стояли семь фигур - двое мужчин и пятеро женщин. - ...Так как же так вышло, что Неведомые изменили свое решение? - это был голос Белит. - Получается так, что нам больше не грозят демоны и Преисподние?

- Не думаю, - ответил посланец Крома. - Похоже, Великая Игра продолжается. И ты, Конан, еще не вышел из нее. В каких мирах предстоит тебе - и твоим подругам сражаться дальше - кто может сказать? Ясно одно назад, в Аквилонию, ты уже не вернешься.

- Что ж, может, оно и к лучшему... - задумчиво пробормотал Конан. Он остался прежним, двадцатипятилетним Конаном - дар Неведомых остался при нем.

Он уже простился с сыном - краткое ночное видение, не больше - но Конн проснется с твердым убеждением, что рассказ явившегося во сне отца - чистая правда. И он будет править справедливо и мудро и - кто знает? - быть может, Конан найдет способ послать ему весточку и из иных миров?

- Время пришло, - прозвучали слова посланца. - Врата открываются.

Над морем, возле самого горизонта, куда уводила серебристая лунная дорожка, появилось неяркое жемчужно-сероватое мерцание. Разговор пресекся; все семеро в молчании смотрели на открывшееся их взорам чудо.

- Пора идти, - просто сказал посланец. - Путь открыт.

- А ты? - спросил Конан.

- Я? - Я возвращаюсь к нашему Отцу. Моя служба еще не окончена; и еще не скоро окончится, - киммерийцу показалось, что в голосе его прозвучала едва заметная грусть.

- Так что же... идем? - осторожно произнесла Карела, с некоторой опаской косясь на жемчужную арку подле самого края земли, где море сливалось с небом.

- Идем, - глухо промолвил Конан и первым осторожно ступил на серебро лунной дорожки. К его удивлению, нога не погрузилась в воду, - он словно стоял на твердом, холодном камне...

И они двинулись вперед - Конан-киммериец и пятеро его спутниц; на темном берегу, почти невидимый на фоне тропического леса, замер с поднятой в последнем привете рукой посланец Крома.

Некоторое время они шли в молчании, а потом тишину вдруг нарушил голос Карелы:

- Белит, а тебе не кажется, что нам пора вернуться к тому нашему спору... ну, тому, перед тем замком с черными демонами... По-моему, пора решить, кто станет первой!

- Это ты о чем? - с деланной наивностью поинтересовалась предводительница пиратов.

- Как о чем? Кто из нас будет первой спать с этим помолодевшим бродягой, хотела бы я знать!

Примечания

В решающий момент битвы с демоном Хотли в Птауакане Конан разбил данный ему Эпемитреусом талисман - хрустального феникса; это помогло призвать на помощь сверхъестественные силы, силы Богов, сокрушивших Хотли.]